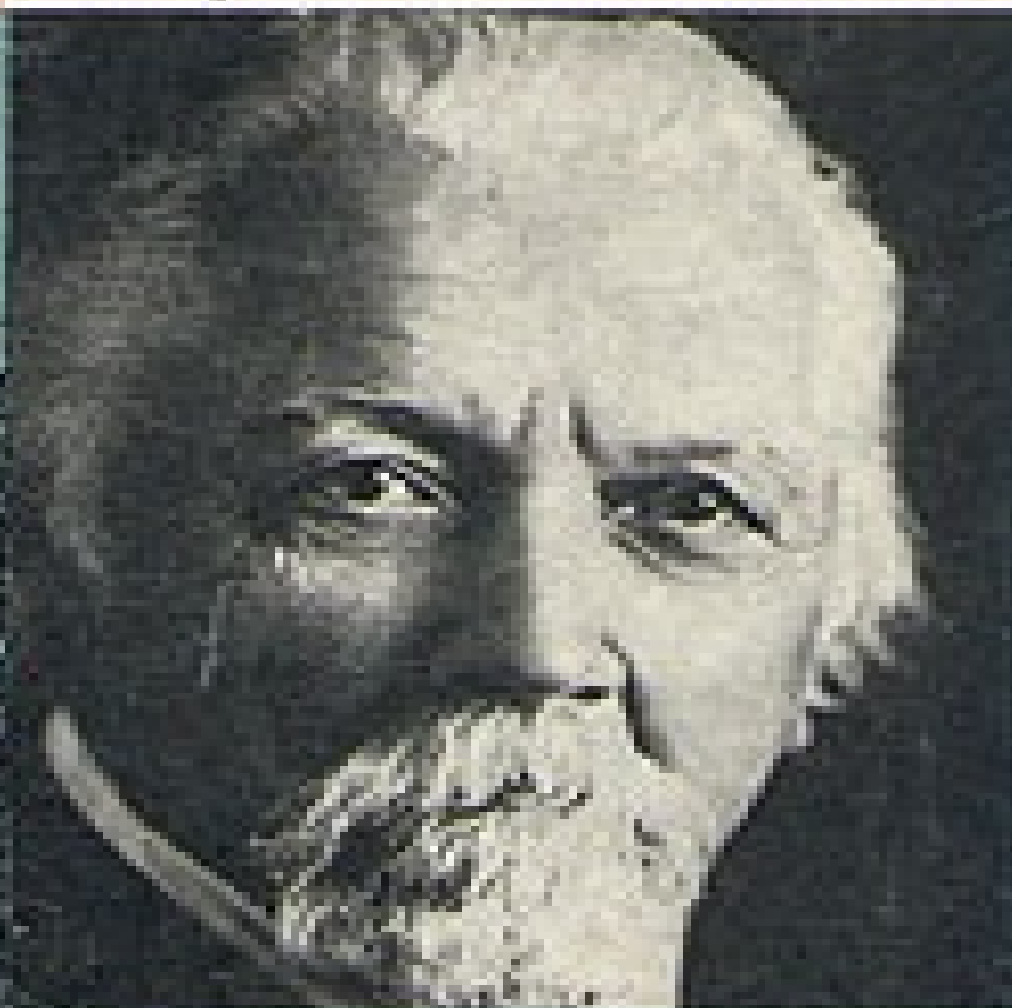

КАРПИНСКИЙ

Якоб
Кулиок

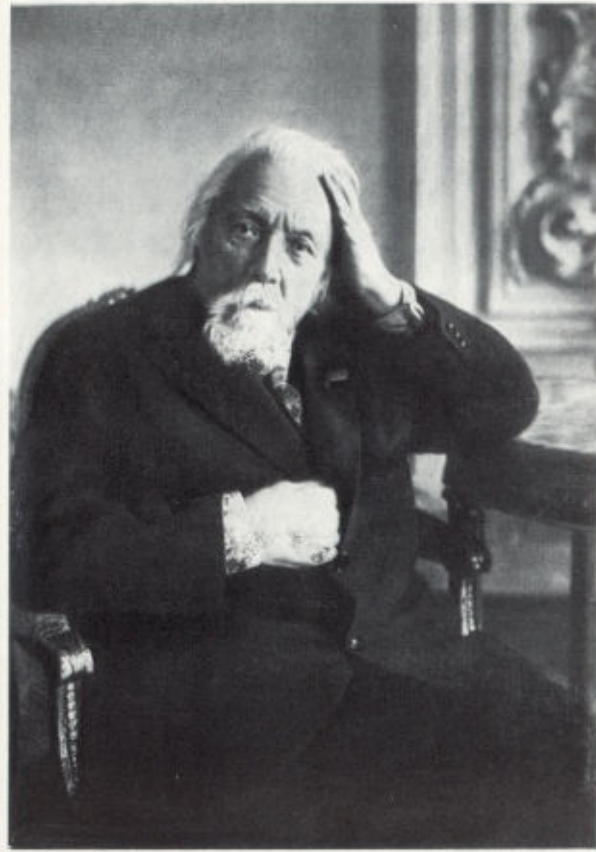
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Немногие знают, что первый президент АН СССР А.П.Карпинский был фактически последним главой императорской Российской академии наук. Ему было 70 лет, когда грянула революция. Ученый сумел разобраться в бурных событиях века. Под его руководством старая академия была преобразована. Она стала центром советской науки. Книга рассчитана на массового читателя и написана на основе многочисленных архивных материалов, ранее нигде не публиковавшихся.

- [Карпинский](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)

Карпинский

А. Каринский.

Часть первая
Исполнение желаний

Глава 1

Урал, становой хребет России

Всего более не то на Урале поражает, что дивно украшен природой: темны и недвижны озера и своевольны, бурливы реки, мрачные снега на осклизлых вершинах и шелковые волны лугов, торжественные и жутковатые своды хвойных боров и болотные топи, пашни, мшаники, прославленные и несметные минеральные копи — все эти яшмы, порфиры, золотые россыпи; нет. Слышится широко вокруг! Ударит ли соленая каспийская волна; вскрикнет ли чайка над Амуром; трутся ли лбами льды на Карском море; шелестят ли влажные ветры Европы — в горных долинах дальний звук близок, ближний предмет отдален... Каменный пояс, Рифейские горы, скалистая межа, разделяющая два несхожих материка; нет — она соединительная линия, стягивающая сила, и не взмыть бы России так высоко, не расправить бы крылья так широко, кабы не опирались они о могучий остов Урала.

И то поразительно, с какой естественностью втекали в российское сообщество «народов древних вогуличи и несколько черемиз...» и те, к северу «правинция Обдорская или Березовская, народ древней пермяки...» (по Татищеву); в чащобы первыми на санях продирались купцы и охотники. И после: откуда бы ни донесся глухой удар набата, Урал слал ядра, пушки, лес, стрельцов. Черные скиты староверов и черный дым плавлен, опальные царедворцы, купеческие кутежи, блестящие офицеры горного корпуса, старательский фарт, мгновенные состояния... История тягучая, события ставились прочно, как избы, и для того, казалось бы, только, чтобы старики поведали внукам...

Вот и род Карпинских глубоко здесь укоренился; поколения сменялись поколениями, а обычаям смены не было. Детей мужского пола посылали на воспитание в Петербургский горный кадетский корпус. Почин сей положил Михаил Карпинский, определивший сына своего — Михаила на учение в 1791 году. Этот Михаил Михайлович значится в корпусных списках под номером первым. «Карпинский I». Наш герой при зачислении получил номер 5. Опустим номера 2 и 3, обратимся к 4 — это отец. Петр Михайлович. Он женат был на дочери начальника Богословских заводов, который, в свою очередь, взял в жены сестру знаменитого металлурга Павла Петровича Аносова (того, кто ковал булаты: куш-гыдым, крупный харасан, табан и кара-табан — прославленные и трудновыводимые сорта

дамасской стали). Таким образом, повенчались два потомственных инженерных рода. У Петра Михайловича и Марии Фердинандовны Карпинских родилось пятеро детей; Александр был четвертым.

«По указу Его Императорского Величества Пермская Духовная Консистерия слушала прошение Корпуса Горных инженеров Подполковника Петра Карпинского о выдаче метрического свидетельства о рождении сына его Александра и справку, по которой оказалось в метриках Турьинских Рудников Михайловской церкви под № 9 Генваря двенадцатого дня 1847 года. У майора Корпуса Горных инженеров Петра Михайловича Карпинского и законной жены его Марии Фердинандовны родился сын Александр. Восприемники: Полковник Корпуса Горных инженеров Фердинанд Богданов Грасгов и вдова Обер-Бергермейстера жена Анна Захарова Петерева. Крестник Священник Александр Кубасов с Диаконом Димитрием Ляпустинским... Ключарь Протоиерей Григорий Мясков».

Таков первый документ, открывший архив Александра Петровича Карпинского. Из него явствует, кроме факта рождения, что Петр Михайлович за время со дня крещения младенца в Михайловской церкви и до выправления метрики в Перми получил повышение в чине, из майора стал подполковником. Помянутые Турьинские рудники¹ на севере Урала — богатейший уголок! Брала медь, золото, платину, серебро и каменный уголь. Кругом леса — тогда непроходимые. Река Турья типичная уральская: мутна, извилиста, споро бежит. Когда-то рудничные разработки принадлежали купцу Походяшину, у него перекупила их графиня Строгонова. Рассказывали, что она заплатила миллион серебром и послала управляющего обследовать местность. Возвратясь в Петербург с докладом, он остановлен был у дверей кабинета нетерпеливым вопросом:

— Ну что? Небось я прогадала?

— Графиня! — поклонился управляющий. — Вы самая богатая наследница на свете.

В октябре 1847 года «Карпинский 4» стал полковником и получил новое назначение: в Екатеринбург начальником тамошних горных заводов. Должность высокая, почетная, хлопотливая — следить за плавкой и шахтной добычей.

Екатеринбург был центром горной промышленности края и до отмены крепостного права управлялся не гражданским, а военно-горным ведомством. Несмотря на это, нравы жителей были далеко не казарменные! Старатели, охотники, путешественники, торговцы — народ шумливый, щедрый и выносливый; славились на весь мир екатеринбургские гранильщики. Шкатулки из порфира и малахита, вазы и подсвечники из

яшмы и орлеца, бусы, подвески к серьгам, кресты, печати, письменные приборы из местного камня с жадностью покупались за границей. Дети играли в рудознатцев, закапывали булыжник под тополем и рыли к нему шурф. «Самородок!» — кричали. У отца было добродушное вислоусое лицо, за обедом он рассказывал об опоках, забоях, отвалах. Брал сыновей с собою на заводы. Завороженно смотрели они, как горновой длинной кочергой разбивает лоток. Сноп тяжелых искр. И выкатывается медлительная струя раскаленного металла. Обдаёт жаром и сыровато-терпким запахом гари.

Ребятишкам слова «диорит», «россыпь», «промывка» привычны, как «сосна», «каравай», «валенки».

«Мое детство в родительском доме, — вспоминал в старости Александр Петрович, — прошло среди природы Среднего и Южного Урала, разнообразной по рельефу... По вечерам вид звездного неба пробуждал интерес к естественным явлениям».

Легко заключить из этих слов, что отец брал сына и в дальние поездки, к югу, в Оренбуржье.

Петр Михайлович и умер, находясь в служебной поездке. Случилось это осенью 1856 года в Уфе. Распутица не позволила перевезти гроб в Екатеринбург, похоронили в чужом городе, и в последний путь его провожали чужие люди.

Небольшие сбережения скоро истаяли. «Несмотря на служебные успехи отца, вдова не смогла бы дать сыну образование, если бы не правило, по которому дети горных инженеров могли получить образование за казенный счет», — писал Карпинский.

Образование они могли получить, конечно, в Петербургском горном кадетском корпусе.

По осени со всего Урала съезжались в Екатеринбург малолетние сыновья инженеров. Они жили в доме управляющего округом, ожидая, пока составится золотой караван. Он и в самом деле был золотым! С ним переправляли в столицу добытые за год золотой песок, слитки и крупные самородки. В одно прекрасное утро к Исетскому пруду подавали телеги и тарантасы, распахивались ворота горного управления, и казаки выносили кованые сундуки и ларцы. Генерал досматривал, как их устанавливают и увязывают, как усаживают детей в тарантасы.

— Трогай! — приказывал.

И караван, сопровождаемый полувзводом уральских казаков, отправлялся в путь.

В одном из тарантасов ехали братья Карпинские — Миша, Алексей и

Александр.

Караван долго екал. То широким трактом, то проселками. Ночевать останавливался на постоянных дворах, а бывало, и в лесу. Разводили костер. Вокруг него вилась мошкара. Казаки затягивали песню. Булькала каша в котле. Волки выли неподалеку. Утром снова в путь. Мимо увалов, и логов, и темных недвижных озер. Мимо пашен и приземистых заводских строений. Через высокие леса и окатистые хребты. Встречали бродяг и схимников. И незаметно въехали в другую страну, где ниже деревья и глинистее поля. Прощайте, горы.

Ах, Урал... Русь-то да, она бы и без Урала стояла. Но Россия нет.

Глава 2

Горный кадетский...

Он был основан в 1773 году (одно из старейших учебных заведений в стране!) и поначалу размещался в двух каменных зданиях, откупленных по распоряжению Сената на углу 22-й линии Васильевского острова и набережной Невы. Недолгое время спустя правительство приобрело близлежащие участки и поручило Андрею Никифоровичу Воронихину составить проект и ведать строительством. Архитектору было 46 лет, он находился в самой зрелой поре своего таланта и создал великолепное здание, архитектурный шедевр, без которого немислим теперь Ленинград. Превосходен фасад, выходящий на Неву, с тяжеловатой и стройной колоннадой и классическим фронтоном с двуглавым орлом посредине; соразмерен колоннаде и тоже чуточку грузноват лестничный марш, который завершается двумя аллегорическими скульптурными группами: слева Плутон, похищающий Прозерпину, справа Геркулес, схватившийся с Антеем. Они резаны, быть может, неоригинальной, но крепкой рукой и удивительно верно вписаны в общий контур.

Горный корпус — заведение военизированное и закрытое; учащиеся распределены по ротам, ими командуют фельдфебели и унтер-офицеры; помимо общеобразовательных и специальных предметов, изучаются ружейные приемы, маршировка, хоровое пение, фехтование, гимнастика и танцы. Форма учащихся: двубортный мундир, узкая черная португепя, шинель темно-серого сукна, каска, на которую в высокаторжественные дни водружался султан; к балам выдавались белые замшевые перчатки.

Распорядок дня исключительно строг: в семь часов барабанный бой возвещает «повестку» (побудку); в три четверти восьмого — построение в малом рекреационном зале; оттуда маршировали в большой рекреационный зал. Дежурный офицер рапортовал. Роты маршировали в столовую. Тут, на длинных столах, уже ждали кружки со сбитнем, покрытые круглыми булочками; сбитень — горячий напиток на меду, приправленный специями, — полагалось по утрам пить вместо чая. Считалось полезнее. В двенадцать кухонные солдаты разносили по классам в корзинах куски черного хлеба, посыпанного солью; таков утренний рацион. В час дня отделения снова маршировали — одни на плац, другие в рекреации. Классы, то есть уроки, были утренние и вечерние; после обеда и после вечерних классов кадетам дозволялось предаваться играм и

забавам, «свойственным их летам». В восемь вечера садились готовить задания на следующий день; в девять с половиной ужинали; в десять с половиной барабанные палочки возвещали отбой.

Этот порядок никогда не нарушался и поначалу казался мальчишкам невыносимо однообразным; но очень скоро они привыкали и даже находили в нем притягательную прелесть. Дважды в неделю их выводили к Неве; там были оборудованы превосходные купальни. Купались с ранней весны до поздней осени, пока температура воды не опускалась ниже 13 — 14 градусов. Дважды в неделю выводили на прогулку по окрестным улицам — строем поротно, и не в одном окне раздергивались занавески и быстрые девичьи глазки пробегались по двубортным мундирам, черным портупоям и по юным лицам, упоенно-строгим, с едва заметным пушком над губой...

На весь Петербург славились балы, задаваемые Горным. К ним задолго готовились: декорировали залы, в вестибюле устанавливали кадки с экзотическими растениями. В означенный вечер зажигали бра, люстры, лампы — их было несметное множество. Гремел оркестр. В антрактах между танцами разносили фрукты, лакомства, напитки. Двери в сад распахивали, оттуда веяло свежестью... Надо сказать, что кадетов-горняков как отменных кавалеров и танцоров охотно приглашали на балы в другие институты — чаще всего в женский Патриотический...

Директором в первые годы учения Карпинского был Сергей Иванович Волков, генерал-майор, «красивый, видный, почти совсем седой мужчина лет около сорока пяти, прекрасно воспитанный, с изящными и аристократическими манерами». Воспитательную, как выразились бы сейчас, работу вели командиры рот полковники Жуковский и Добронизский. О последнем с симпатией писал Александр Петрович: «Вспоминаю о В.П.Добронизском, наблюдавшем за порядком той половины воспитанников, в которой я оставался все время моего пребывания в закрытом институте. Жизнь его была тесно связана с ними, и почти все время он проводил среди воспитанников. Когда Институт сделался открытым, он приходил на главное крыльцо Института, беседовал не без грусти с проходящими знакомыми ему студентами и быстро угас».

Воспитанник Горного А.Кавадеров оставил колоритный портрет Добронизского; поскольку за ним открываются подробности (выписанные не без юмора) кадетского быта, стоит его привести; но прежде маленькое дополнение: полковник в одном из сражений был контужен, отчего рот его перекосило, и он беспрестанно как бы отплевывался. «Чуть, бывало, заметит в ком-нибудь особую вялость или бледность лица, как уже встревожится и подзовет к себе:

— А, тьфу, тьфу, поди-ка сюда! Что ты так бледен?.. Нездоров? А? — и, спрашивая, заботливо оглядывает кадета и щупает ему голову.

— Нет, ничего, полковник...

— Врешь! Тьфу, тьфу... Сейчас же... Слышишь!»

В его строгой требовательности было что-то детское; подчас им овладевало раздражение, но подопечные легко ему все прощали.

«— Ты все врешь! Тьфу, тьфу... Врешь!.. Да! Ты дрянной мальчик, тьфу, тьфу... Дрянной!.. Я тебя высеку... тьфу, тьфу... больно высеку... Марш за мной!» — и с необыкновенной скоростью мелкими и частыми шажками неся к цейхгаузу (там отведено было место для наказаний). Розги в те времена были делом обычным; впрочем, Добронизский прибегал к ним крайне редко, ему «это было неприятнее всего» и если уж приходилось, то «сек обыкновенно слегка: не больно, единственно ради соблюдения формальности».

Всю корреспонденцию на имя кадетов получал ротный; у него же хранились их документы и небольшие денежные суммы, присылаемые родителями: по субботам и в предпраздничные дни он выдавал их тем, кому разрешалась увольнительная, у кого были родственники в Петербурге, за кем послан сопровождающий, а в ненастную погоду экипаж; в иных случаях из корпуса не выпускали. «Процедура совершалась в дежурной комнате; окруженный кадетами, усаживался Добронизский за стол и вынимал записную книжку.

— А сколько тебе? Тьфу, тьфу, — обращался он к вызванному по очереди кадету.

— Полтинник, — отвечал тот.

— Что? Полтинник! Тьфу, тьфу... Ах ты мотыга! Тьфу, тьфу... Будет с тебя и двугривенного.

— Нет, полковник, дайте, пожалуйста, полтинник... мне очень нужно.

— Нет, нет... тьфу, тьфу... И не проси. Больше тридцати копеек не дам.

— Ну, хоть сорок... Пожалуйста.

И, получив свое, кадетик удалялся и уступал место следующему».

По тому времени оснащенность лабораторий и учебных кабинетов Горного была отменной: макеты, колбы, глобусы, препараты, разного рода механизмы, реторты изготовлены лучшими отечественными мастерами; покупалось оборудование и за рубежом. Библиотека содержала тысячи томов на европейских языках, музей, множество палеонтологических и каменных экспонатов. Особой славой пользовалась шахта — да, вполне настоящая, хоть и небольшая, вырытая во дворе. Опускались в нее по узкой лестнице, держа факел; внизу встречал маркшейдер и вел по галереям,

квершлагам, штольням, забоям. В стены были искусно вмазаны отломки (шурфы) пород, привезенные из разных мест, так что по ходу экскурсии можно было получить наглядное представление о геологии. Словом, это было уникальное учебное пособие, каким редко какой институт в мире в то время мог похвастать.

Преподавался обширный круг общеобразовательных и горных дисциплин, причем излагались различные, иногда противоположные точки зрения на природные явления. Например, в химии противостояли друг другу две теории: унитарная и дуалистическая (согласно первой вещество имеет целостное строение, а химическая реакция и формула дают лишь относительное представление о составе вещества; согласно второй все тела имеют двойственное построение, подобно окислам и солям). Так вот, органическую химию читали по дуалистической системе, неорганическую — по унитарной. Впоследствии Карпинский весьма одобрительно отзывался о такой методе преподавания: она вводила ученика в атмосферу научных споров. В геологии властвовали две концепции: нептунистов и вулканистов. «Все из моря» и «все из огня» — так упрощенно можно передать главный тезис каждой из школ, между ними происходили ожесточенные дискуссии. Слушателям Горного преподносились и та и другая теории.

Излагались учения Кювье и Ламарка; первое отдавало апокалипсизмом («теория катастроф»), во второй сильны начатки эволюционизма. Наконец, широко обзревались труды Лайеля, гениального натуралиста и систематика.

Как видим, Горный давал разностороннее и солидное образование; добавим сюда музыкальные репетиции и вечера (именно в эти годы у Карпинского зарождается интерес к музыке, позднее переросший в страстное увлечение), посещение театров и художественных выставок. Летом для кадетов, затруднявшихся выехать к родным, снимали дачи в Парголове: на досуге много читали, музицировали и занимались с репетитором иностранным языком. В огромном парке графа Шувалова практиковались по геодезической съемке; в последний день каникул парк иллюминировался, и практиканты устраивали гулянье с концертами и танцами для парголовской молодежи. Александр был как раз из тех кадетов, которым добираться к родным было затруднительно, — парголовские каникулы многое ему дали.

Но замкнутая среда, дисциплина, наказания (даже розгами!), строевая муштра не потворствовали ли появлению дурных наклонностей у ребят? Совсем напротив! Горный в этом смысле заведение примечательное: «Все

неприглядное в нравственном отношении, как-то: заискивание, лесть, ложь, скудость, попрошайничество и вообще все гаденькие и нечестные поступки строго порицались и клеймились презрением большинства... Направление, которого держались кадеты, было поистине прекрасное», — вспоминал А.Кавадеров. В двадцатые годы нашего столетия некоторые бывшие воспитанники стали порицать старые порядки, напирая в своем недовольстве главным образом на военные устои быта. Возражая критикам, Карпинский писал: «Принято изображать этот быт в сгущенных мрачных красках. Ничего этого, в сущности, не было, и 60 лет тому назад пребывание в закрытом Институте... было более свободным, чем даже позднее в большинстве интернатов казенных и частных гимназий, не говоря уже о корпусах».

В Горном училось много поляков. В 1863 году они один за другим исчезли. Бежали. Как вскоре выяснилось, на родину, чтобы примкнуть к повстанцам. Некоторые выдвинулись в число руководителей. «Один из воспитанников, Чернявский, стоял относительно долго во главе отряда». «К полякам (как и к коллегам других национальностей) отношение было товарищеским, и думаю, что со стороны поляков оно было таким же...» — вспоминал Александр Петрович. Пережив поражение и плен, юноши отправлялись в Сибирь; многие из них нашли в себе силы вернуться к научной работе. Карпинский считал необходимым напомнить об их ученых заслугах. Они «способствовали просвещению страны; некоторые же оказали большие услуги научному изучению Сибири... такими деятелями были Чекановский и Черский». Как признается Александр Петрович, «убеждения большинства студентов были ультралиберальными». При строгостях и муштре! (Или благодаря им?)

Незадолго до обнародования крестьянской реформы корпус был преобразован в институт. Офицерский надзор упразднен, правила внутреннего распорядка ликвидированы (ложись когда хочешь, только утром на лекции не опаздывай... да и за это не очень-то взыскивали!), столовая закрыта. Вместо казенного питания назначалась стипендия в 25 рублей, «на которую. — замечает Карпинский, — скромно можно было существовать».

В один прекрасный день студенты снесли свои форменные куртки, шинели и брюки в портняжный цех и некоторое время расхаживали «кто в чем», скоро им возвратили их достояние в перешитом виде, превращенном в цивильное платье, «конечно, не изящное, но не худшее, в котором мы недавно щеголяли». Месяц назад они понятия не имели о стоимости, скажем, кровати, на которой почивали по ночам и присаживались днем,

коли такая возможность представлялась. А случись, ослабнет сетка или порвется одеяло, комендант присылал плотника Никифора с мотком проволоки и катушкой ниток, и тот живо замечает, подтянет и приведет в должный вид. Теперь студентов вызвали в канцелярию и заставили расписаться под длинным списком предметов, выдаваемых во временное пользование с полной ответственностью за сохранность. Кровать, тюфяк, подушка, простыня...

Свобода, оказывается, сопряжена с разного рода сложностями и большими формальностями...

Все же — и как можно в том усомниться — они радовались ей, усматривая «одним из главных преимуществ нового строя, — с улыбкой припоминал Карпинский, — освобождение от форменной одежды, избавлявшей от внешнего уличного офицерского и полицейского наблюдения». Прежде-то как бывало? Стоило кадетам переступить порог ресторана, как тут же являлся городской и козырял с извинениями: «Господа, я удивлен, видя вас в таком месте...» А теперь? «Двери всевозможных ресторанов и различных увеселительных заведений оказались широко раскрыты, и большинство в этом отношении свободу использовало».

Александр и сам, как можно судить, вовсе не был чужд развлечений; правда, они у него носили не узко, так сказать, утилитарный характер. «Любовь к музыке вызывала и посещение трактиров с большими хорошими органами. Особенно для этой цели посещался трактир «Палермо» на Большой Итальянской против Пассажа, где, между прочим, орган исполнял марш из «Тангейзера» Вагнера, оперы которого еще не ставились в Петербурге. На расписании органных валов значилось, что это марш из оперы «Еловые домики»... Более взрослые любители не одной музыки охотнее посещали трактир «Лейпциг» на Офицерской, откуда при очень пошатнувшейся дисциплине возвращались поздно, а иногда и с повышенным настроением и пониженным сознанием. Небольшая часть увлекалась картами и в «занимательных» комнатах проводила за игрой часть ночи... Я предпочитал два дня не обедать, чтобы раз на галерее прослушать оперу». Питаться вообще теперь, после всех перемен, приходилось «или холодной едой с чаем, или в кухмистерских... или даже в так называемых греческих кухмистерских, очень дешевых, но не всегда доброкачественных». Однако, если и выпадало «иногда голодать, то по недостатку расчетливости или по иным случайным причинам». Четвертная в месяц свалилась на молодых людей, совершенно не подготовленных к самостоятельному ведению хозяйства; экономику горных работ им читали,

а экономику холостяцкой жизни, разумеется, нет...

С быстротой, способной вызвать удивление, менялся облик вчера еще безукоризненно подтянутых, стройных и чистеньких кадетов. Прически стали небрежны, манеры расслаблены, смех снисходителен, суждения категоричны; появились завзятые острословы, которые, казалось, жизненной задачей себе поставили поддевать всех и вся и втягивать в словесную дуэль. Прежде, осматривая кадета перед тем, как подписать увольнительную, полковник Добронизский приказывал: «Самому идти, усы оставить здесь!» — и юноша беспрекословно возвращался в спальню и доставал из тумбочки помазок. Теперь же завелись у старшекласников и бородки, и бакенбарды, и прочие ухищрения лицевой растительности, полковник, тьфукая и отплевываясь, только махал рукой. Все изменилось! Бедный полковник Добронизский!

Офицеры в институт более не приходили; один Валериан Петрович никак не мог с ним расстаться. Каждое утро, одетый по форме, подъезжал на извозчике, бодро взбегал по лестнице — и останавливался, словно впервые догадавшись, что спешить некуда. Круто поворачивался, доставал портсигар. Иные из студентов набирались дерзости, просили закурить. Он не отвечал, строго дергал головой. Если подходил кто-либо из бывших подопечных его, он выспрашивал об оценках, о поведении и о здоровье родителей, которых помнил по именам. Строгий, сухой, прямой, он стоял с таким видом, будто докурит папироску и помчится по долам; но, бросив в урну окурок, вынимал портсигар. Кавадеров пишет, что иногда заставлял его печально обходящим бывшие роты и отделения. «Подолгу останавливался на одном месте, часто и грустно задумывался. Такое душевное состояние не могло пройти для него бесследно. Он стал заметно хиреть и вскоре же скончался».

...Не обретает ли наш рассказ о юности Карпинского некоторую однобокость? Мы повествуем о студенческих нравах, институтской реформе, но не об Александре и его друзьях. Увы, о том ничего не известно. В своих более чем кратких записках Александр Петрович ничего о себе не сообщает; они написаны, похоже, лишь для того, чтобы защитить от нападок кадетскую старину. Не находим упоминаний о Карпинском и в мемуарах других воспитанников. Чем это можно объяснить? Скорее всего тем, что Карпинский ничем особенным не выделялся. Не был слишком шаловлив или драчлив, не отличался яркими способностями. Учился хорошо, даже очень, но не блистал. Никто из сверстников или преподавателей не взялся бы предугадать его судьбу. И никто, конечно, не смог бы ее предсказать...

После этого отступления читатель не упрекнет нас, если мы перейдем непосредственно к выпускным экзаменам. Чем ближе к ним, тем пышнее задавались балы и шились костюмы к спектаклям. «Устраивались инсценировки эпизодов из учебников и хрестоматии в стихотворной форме, а однажды была поставлена особая, написанная Скальковским оперетка «Дон Алонзо» (предвосхитившая этот еще неизвестный в нашей столице род представлений)... Музыку к ней и оркестровку сокомпонуал воспитанник Дмитревский... Был исполнен фривольный французский танец на балу у короля...»

Александр играл в оркестре; руководил им известный дирижер Михайловского театра Бетц. Как-то пришлось в несколько дней выучить партию контрабаса, инструмента доселе незнакомого. «Гармонифлют заменил флейту и кларнет. Исполнялись увертюра к «Свадьбе Фигаро» Моцарта и другие пьесы».

Скальковский, сочинивший либретто «Дона Алонзо», сокурсник Александра, вскоре займет важный пост в Горном департаменте и сделает кое-какую литературную карьеру. Карпинский оставил запоминающуюся характеристику: «Ярый консерватор и бюрократ, талантливый, остроумный писатель, ради красного словца никого не жалевавший, автор не только фельетонов и занятных книг, но и серьезных сочинений, как бы старавшийся своею деятельностью оправдать известное изречение, что всякий род литературы хорош, кроме скучного».

Из выпускников Горного Карпинский упоминает еще Н.К.Михайловского — известного публициста (правда, он шел двумя годами раньше и курса не кончил, был исключен) и философа Н.Дебольского, автора книг «Введение в учение и познание», «О диалектическом методе», «Философия будущего» и других.

Выпускных экзаменов ждали со страхом; профессора стращали тем, что может приехать сам император. Но то ли сказался переходный период, то ли по какой другой причине строгостей на экзаменах особых не было, но и былой торжественности тоже. Карпинскому в дипломе выставили следующие оценки: по закону божьему, русскому языку, истории, геометрии, географии, статистике, прикладной и горной механике, минералогии — очень хорошие; по остальным предметам — среди них французский и немецкий языки, теоретическая механика, геогнозия — хорошие; «изрядные» знания выказал он в рисовании. «Окончивший с полным успехом курс учения в Институте Корпуса Горных инженеров Александр Карпинский за прилежание и отличные успехи в науках награждается малою золотою медалью».

Еще прошлогоднему, 1865 года выпуску присваивались офицерские звания, и в зависимости от чина выдавалась на обмундирование определенная сумма: поручикам по 150 рублей, подпоручикам по 125. Теперь они были гражданскими, и всем выдали по 130 рублей.

Им было по 18 — 20 лет, в чемоданах лежали дипломы инженеров, предстояло разъехаться кому куда, по глухим уголкам страны, чтобы, руководя людьми и техникой, вести разведку и добычу. Доведется ли снова увидеть Петербург и родной Горный?

«Каждый мог определиться на государственную службу в желаемый им горнозаводской район.

Я выбрал Урал, где родился и провел детские годы, а на Урале — Златоустовский округ, привлекавший меня своей красивой разнообразной природой, с его минеральными копиями, золотыми россыпями, огромными открытыми работами железных рудников... с его доменным, чугунолитейным и стальным производством и разнообразием почвенного (т.е. геологического) состава. Все это было знакомо мне в пределах моего детского понимания и наблюдения еще до вступления в Институт».

Глава 3

И снова Рифейские горы

Итак, он снова на Урале.

«Безжизненные гребни венчаются дикими причудливыми каменными стенами и непроходимыми завалами... Царство медведей и волков. Изредка среди ветвей показывается колоссальная несуразная голова сохатого. В сумерках зелеными огоньками загораются злые глаза рыси. И везде, везде все лес и лес. Тысячи километров можно идти по нему, то по ясному, солнечному сосновому бору, то по мрачному, густому, смолистому пихтарнику. Быстрые, прозрачные, журчащие горные реки нарушают покой его... Среди этого леса бродил невысокий, плотно сложенный молодой человек с быстрыми глазами и зачесанными назад волосами, одетый в синюю полувоенную форму с золотыми пуговицами и блестящими эполетами. Вооруженный геологическим молотком и компасом, он медленно переходил от скалы к скале, пытливо вглядываясь в слои горных пород, стараясь понять их строение...»

Эта безыскусная картинка набросана академиком Д.В.Наливкиным в его очерке, посвященном Карпинскому и написанном, как водится, в сухом деловом стиле; но, коснувшись Урала, автор не удержался и сбился на беллетризацию. Но безыскусная картинка эта верна. Бродил «плотно сложенный» молодой человек, и лес тянулся на тысячи верст и так был дик, что не редкость было встретить сохатого или медведя.

Существовало доброе правило, по которому начинающий инженер поступал под опеку (не в подчинение! — работал самостоятельно) к более опытному товарищу. Карпинскому повезло с наставником. Им был Геннадий Данилович Романовский.

Но прежде чем пуститься в совместное с ними странствие, коснемся одной детали облика молодого специалиста, хотя... скорее она имеет отношение не к внешности, а душевному складу.

У него были лучистые глаза.

Не то чтобы он без конца улыбался, и прищуренные веки производили такой эффект — отнюдь; он не раздаривал улыбок направо-налево и в проявлении чувств был сдержан. Привлекательное и труднообъяснимое свойство зеленовато-серых глаз его (при свете керосиновой лампы истемна-карих) проистекало как бы из глубины души. Они излучали почти явственно видимый свет и словно бы приглашали к общению. Александр

всегда готов выслушать, внять, одобрить или мягко оспорить — но ошибались те, кто искал с ним быстрого дружеского сближения. Они натыкались на невидимую стену. Легко было вызвать его на горячий спор о теории, скажем, флогистона или девонского прогиба, но не на интимные излияния, столь обычные в мужской холостяцкой компании. В его скромности не было и капли натуги; осуждать, неприязненно отозваться о ком-либо он просто не умел. Внутри его все было уложено, сбито, пригнано и недоступно чужому взгляду. Впечатление такое, что с законченным образованием он получил, выйдя из корпуса, и законченный характер. Глагол «меняться» в применении к последнему неприменим! Он (характер) будет в дальнейшем только развиваться.

Внутренний образ себя как бы явлен ему с молодых ногтей, остается лишь воплотить его в жизнь...

В маршруте ли, на привале у костра, в деревенском трактире, в баньке, истопленной по-черному (какое наслаждение замлеть, стянув сапоги с окаменевших ног), — чем же отличается он от других геологов? Ничем. И лошадей в кузницу сводит, и слезы топором обтешит, образцы самолично разберет и обернет. Но в палатке, перед тем как уgomониться сном, поправляя бурку на ногах и кожаную подушку под головой, — какой путник не вздохнет о милой, оставленной в далеком городе, о вине, недопитом на дружеской пирушке. Шипит фонарь, кто-то набивает последнюю трубку, слышно, как фыркают лошади у коновязи... При первых намеках на подобную тему Александр Петрович углубляется в свои мысли, и мы не погрешим против истины, предположив, что думает он — боимся разочаровать романтически настроенного читателя — о строении Уральских гор; он будет думать о том до конца дней; как выяснится, думы его так же неизменны, как характер.

Далеко протянулся Урал — от Карского моря до Приаральских пустынь. Если пройти по нему с севера на юг, пересечешь несколько климатических зон, но внутреннее строение поразит однообразием. Если перевалить в любом месте — наоборот: тот же лес по обоим склонам, или болото, или каменистая пустошь, а сколько разных пород в глубине. Песчаники и туфы, известняки и гранит... Урал — линейная складчатая система, это давно было замечено — геологические структуры его вытянуты по меридиану. Разнообразие пород замечаешь, когда движешься поперек их, «в крест простирания», как говорят геологи.

Геологические складки его «текут» меридионально и лишь в двух местах завихряются и изгибаются — неподалеку от Кунгура и Воркуты. Пройдет некоторое время, Александр Петрович попытается объяснить эти

странные загибы. Он выдвинет гипотезу, согласно которой в этих районах существуют жесткие глыбы, «малые подземные горсты», по его терминологии, они служат упорами, которые «обтекались» складчатостью. Дальнейшие исследования подтвердят эту точку зрения, и с некоторыми дополнениями она принимается и современными учеными.

Урал древнейшая на земле горная страна, она начала дряхлеть и разрушаться, когда Кавказа не было еще и в помине. Быть может, этим мы обязаны тому, что обнажились несметные минеральные богатства. Издавна здесь добывали медь, железо, самоцветы. Уральские изумруды, топазы, аметисты славились на весь мир. А поделочные камни! Малахит, яшмы (их более 200 видов), родонит, мрамор... Горный хрусталь — иные кристаллы, их берут в так называемых хрустальных погребах, достигают метра в длину! Карпинскому предстоит прожить долгую жизнь, на его памяти растущая промышленность будет предъявлять все новые требования к минеральному сырью. И уральские копи всегда будут «выдавать» то, что потребуется. Появится спрос на хромовые руды — они есть. Алюминий — есть. Титан — есть. Никель, платина, асбест, каменный уголь, тальк...

В эти первые месяцы работы на Урале у Карпинского окреп интерес к палеогеографической реконструкции, восстановлению былой природной обстановки, климатической и геологической, в чем впоследствии он достиг большого совершенства. В структурном отношении Урал распадается на длинные увалы. Пай-Хойский антиклинорий, Тагильский синклинорий, Аятский синклинорий... Их называют у р а л и д а м и. А если мы по карте проследим взглядом к югу от Урала, то наткнемся на меридионально вытянутые хребтики-останцы; их называют з а у р а л и д а м и. Предположить их связь с Уралом нетрудно — но как доказать ее? Проблема эта чрезвычайно занимала Геннадия Даниловича Романовского.

Ему мнилось родство Урала не только с зауралидами — Мугоджарскими, Султануиздагскими хребтами, но и далее — с кряжами тех стран, откуда веселые купцы, запахнувшись в халаты, везли ковры, виноград, сушеные дыни, кошмы... высились там, за Бухарским эмиратом и Кокандским ханством, поднебесные пики Тянь-Шаня. Дряхлый, древний Урал и молодой могучий Тянь-Шань — нужна была смелость, чтобы повязать их родством. Воздадим должное Романовскому. Не от недостатка научной дерзости страдал он, а от невозможности добраться до дальних гор, набить под сумки образцами и доказать свою правоту. Края чужие, басурманские, страшные. Но его тянуло туда! Может быть, поэтому он прокладывал свои маршруты в этом направлении — сколь возможно дальше к югу.

Степь уральская широка и зазывчива, трясешься в седле неделю, другую, а все не нагладишься. Седой ковыль, бурая чилига, покойные ветлы и осока... Шлях степной взбирается на курганы и скатывается в овраги, отдыхает под колодезными журавлями и кружит по берегам озер. В темных камышах гукают бакланы. Хлестнешь плетью по камышам — небо чернеет от крыльев: с присвистом, уханьем, паническим стоном взмывают вверх тысячи птиц. Лысухи, гагары, гуси...

Геннадий Данилович на шестнадцать лет старше Александра и многое повидал. Искал угли в лесах Подмоскovie и в Запорожье, пытался наладить глубокое бурение; на Урале мыл золото и составлял карты. Строен, смуглолиц, несколько томен в движениях и ловок в седле. В Златоусте, в конторе, казался строг, насмешливо-придирчив, недоступен, но в маршрутах становился прост, мечтателен и будто молодец.

Четверо всадников скачут по степи. Часто останавливаются, спешиваются, бродят вокруг холмов. Двое инженеров, двое рабочих с заплечными мешками. К вечеру мешки тяжеленько наполняются — по завязку камней. Их перекалывают в ящики, а те оставляют в станицах и наказывают атаману переслать в Златоуст с оказией. И не было случая, чтобы какой-нибудь ящик затерялся.

Казаки к чужакам недоверчивы. Мальчишки встречали на улицах и гурьбой сопровождали всадников.

— Музлан, музлан! — дразнили.

И никто из взрослых не одернет: разве кто изредка цыкнет сквозь зубы. Но, узнав, что путь держат люди ученые, казаки менялись. Зазывали в хаты. Раздували самовар. Мутный штоф невесть откуда появлялся на столе, а следом и всякого вида рыба: соленая, вяленая, свежая. А там, глядишь, пироги, шаньги, каймак. Горница набивалась любопытными. Тут уж хозяйке деваться некуда: разводи огонь в печи, ставь бешбармак — жирную лапшу.

Степной вольный народ казаки, цену себе знают. Триста лет охраняют они Московию от кочевых племен. Старинные песни рассказывают, что еще на Куликовом поле дралась казачья рать под малиновым стягом. Малиновый цвет — знак уральского казачества. В шестнадцатом веке шли малиновые на приступ Казани. В Туретчину не раз хаживали, под Полтавой сражались, в Отечественную войну добрались до Парижа. И ныне живы старики — хоть и мало уж таких осталось, — что своими глазами видели французскую столицу.

Казаки о себе рассказывают, но и спрашивать не забывают: кто такие? Чего ищете? Неуж в камнях богатство? Не верят. Золото, что ли,

серебро? Романовский серьезно объясняет. Карпинский вглядывается в лица: какое разнообразие типов! Этот курнос и голубоглаз, тверской мужик, да и только, а этот бешено сверкает черными глазами, откидывает смоляной чуб — башкирин! Одеты все чисто, подобранно. На казаках кафтаны, бешметы — у большинства, конечно, малинового цвета — островерхие шапки. На казачках яркие сарафаны, на головах поднизки и волосники. Геннадий Данилович, увлеченно рассказывая, успевал украдкой строить глазки какой-нибудь девице — какой там! Холодом таким обдаст — держись. Толкает под столом Карпинского ногой: эх, мол, я их разыгрываю!.. Казачки и своему-то спуску не дадут, а уж с пришлым так просто дерзки...

А наутро проснутся — лошади вычищены, оседланы, рабочие накормлены, на столе завтрак ждет. Снова в дорогу!

К полудню солнышко начинает припекать, и манит к себе темная гладь Яика, но искупаться и подумать нельзя. Казаки даже громко разговаривать на берегу запрещают: как бы рыбу не напугать. По реке не то что пароходы — лодка не скользнет, разве что в путину; охранялась для рыболовства, и исключительно для него. И это была единственная в мире река, охраняемая с такой строгостью. Но зато уж и брали казаки тысячи пудов красной и черной икры, балыка, вязиги, рыбьего жира.

А на том ее берегу, на бухарской, как говорили казаки, стороне желтели пески, и Геннадий Данилович посматривал туда с тоской...

И вновь спешили в сотый раз на день, а набрав образцов, присаживались на валун; Романовский закуривал папироску... вдруг толкал локтем:

— Вон, вон... по-над кустиком голубая головка... дудак!

А когда случалось проезжать по лугу, перечислял травы:

— Повитель, торновник... его еще казачьим виноградом называют, щавель...

В походе каждый день труден, недели бегут незаметно. Наступила осень. Пошли дожди, дороги развезло. Путешественники стали свидетелями осеннего лова. Видели, как неводят осетров, белуг, севрюг. Воблой грузили доверху возы. «Блестят, как фольгой крытые!» — смеялся Александр.

К Златоусту добирались уже на санях, по первому снегу.

В конторе Карпинского ждало уведомительное письмо. Он назначался смотрителем Миасских золотых приисков.

Прощай, добрый наставник!.. Теперь уж полная самостоятельность, но с нею и ответственность какая навалилась!..

Миасские прииски знамениты. Именно здесь был найден самый большой в России самородок: 2 пуда 7 фунтов 92 золотника. Сам городок Миасс лежит между холмами на берегу речки того же названия; весной по ней сплавляют лес, и купцы нанимают горожан багрить бревна. Но занятие это больше потешное, чем доходное. Мужики нанимаются на золотопромывальную фабрику или медеплавильный завод. Стойла его — так здесь называют печи для выжигания серы из руды — сложены во дворе без труб: для тяги оставлены отверстия в стенах. Когда дует ветер, прохожие на улицах откашливаются, перхают: «Ох зверь!» Бабы копаются в огороде и смотрят за детьми. Но летом все от мала до велика уходят в тайгу м ы т ь и с т а р а т ь с я — искать золото — азартно, скрытно, зачастую рискуя жизнью в глубоких сыпучих ямах или плавая на плотиках по стремнинам.

И поныне в Миассе бытуют легенды о фартовых старателях, в один день наживавших состояние — в один вечер и спускавших его. Например, о каком-то Мотьке по прозвищу Гнут. Он п р о с т а р а л с я до нитки (значит, долго безуспешно искал и истратил все деньги), его даже жена выгнала. Скрылся в лесу. Долго о нем ни слуху ни духу не было. На Николин день в Миассе ярмарка. В самый разгар ее влетает тройка с бубенцами, ковром крытая, — и кто же правит ею? Мотька! Осадил на всем скаку: у кого, кричит, леденцы всех слаще? Ну бегут к нему с леденцами.

— Сколько? — спрашивают.

— Мешок!

— Тебе?

— Лошадям!

Или история про Степаниду, изводившую свекра, выпытывая у него тайну заброшенного шурфа. Как-то свекор набрел на шурф и на дне его отыскал «золотинку». Но в самый этот момент грохнул обвал и чуть под собою не погреб мужика. Еле выбрался и дал слово никому заговоренное это место не показывать. Но Степанида опоила его, выведала и ушла в тайгу. Раскопала шурф, нашла «золотинку» — и на нее в тот же миг обрушился обвал. Но ничего. Баба крепкая. Выкарабкалась. Отлежалась. Да и опять за лопату. Вытащила-таки!

Не исключено, что эти же самые байки довелось слышать и Александру Петровичу...

Лютует зима, городок завален снегом. Срубы колодцев обмерзли. На площади у колокольни мальчишки сложили крепость ледяную, играют в казаков. А те, настоящие казаки, которыми любовался так, кажется, недавно, где они? Встречался ли он с ними — или только приснилось все

это? Степь, дудаки, молодайки в сарафанах, величавый Яик?.. Работы у нового зрителя пока немного: зимой добыча сокращается. Все же каждый день надо в шахту спускаться. Да и поисковые работы не хочется останавливать: в мерзлом грунте хорошо пробивать канавы и колодцы для опробования.

Вечерами много читает.

В эту зиму он познакомился с геологическими сочинениями родных своих дядей — Михаила Михайловича и Александра Михайловича. Первый в 1840 году опубликовал объемистый труд «О золотоносных россыпях». Его воззрения на происхождение золота наивны (возгонкою оно попало в змеевики и кварцевые жилы, а те, разрушившись, образовали россыпи), но полезных сведений собрано в книге немало. Кроме того, Михаил Михайлович по всему Уралу собирал и возами в Петербург отправлял окаменелости и кости, бивни, черепа, обогатив тем столичные палеонтологические коллекции.

Что касается Александра Михайловича, тот писал статьи о происхождении каменного угля и чернозема и переводил геологические работы иностранных авторов, причем умело подыскивал русские соответствия латинским терминам.

Однако недолго юному племяннику достославных дядей пришлось исполнять обязанности зрителя приисков.

Как-то поздним вечером в окошко негромко постучали. Александр припал к замерзшему стеклу.

— Открой-ка, открой, не томи на морозе!..

Геннадий Данилович!

Они не виделись несколько месяцев. Романовский успел съездить на воды в Германию, полечиться, а на обратном пути остановился в Петербурге. Конечно же, первым делом поспешил в Горный. Как же!.. Альма-матер. Встретился, между прочим, с профессором Н.П.Барботом де Марни. Тот теперь возглавляет кафедру геогнозии. Жалуется, не может подобрать толкового помощника, который бы и опыт практической работы имел и к теоретическим знаниям был склонен. Просил рекомендовать кого-нибудь на должность адъюнкта кафедры. Романовский тотчас и назвал его фамилию. Александра то есть. Лучшего не сыскать. И вот нарочно завернул в Миасс, чтобы посоветовать Карпинскому взять отпуск (два года не был в отпуске) и съездить в Питер.

— Да что ж ты меня чаем-то даже не напоишь? А ну вели хозяйке вздуть самовар!

Понимал ли тогда Карпинский, что заочневшей рукой Геннадия

Даниловича в окошко к нему постучала сама судьба?

Глава 4

Перемены

В институте большие перемены. Новый директор Григорий Петрович Гельмерсон. Аристократ из браунгшвейгских баронов, в семнадцатом веке переселившихся в Ригу. Путешественник. Бывал на Новой Земле, в киргизских степях, уральской тайге. Вел разведку в Подмосковье и в Прибалтике. Искал нефть на Таманском полуострове и около Керчи. Когда в конце 50-х годов прошлого столетия Петербург стал испытывать нехватку воды, то решить эту проблему, имевшую некоторый даже политический оттенок, поручили ему. Вскоре он пригласил друзей на освящение артезианской скважины. Он имел доступ в правительственные сферы. Замкнутый и важный генерал этот усиленно проводил там мысль о необходимости реформ в геологической службе. Горный под его началом преобразился! Обучение теперь продолжалось пять лет, как в обычном институте, учреждены были кафедры, ученый совет, допускались вольнослушатели. Держать экзамены на звание инженера можно было и вовсе не посещая лекций, но в таком случае требовалось удостоверение о службе на горнозаводском предприятии. Последний пункт кое у кого из старой профессуры вызывал возражения; тут мнился либерализм. Эдак к инженерному сословию мог подобраться любой подмастерышка, вызубривший десяток учебников. Во что же оно превратится?

С этим-то человеком и предстояло встретиться Карпинскому в ближайшие дни. Но прежде — и от этого разговора все зависело — с другим и, кажется, весьма своенравным Барботом де Марни. Николай Павлович (так его звали) тоже был неутомимым путешественником, исследовал Урал, Северный Прикаспий, Кавказ. На Кавказе занимался тем, что устанавливал последовательность залегания слоев, то есть стратиграфией, разделом науки, который пока вроде бы Карпинского не увлекал. Слухи ходили, что Барбот капризен, тороплив, вечно не дослушает, упрекнет или похвалит не разобравшись...

Кафедра геогнозии размещалась в двух комнатах: передняя, просторная, служила аудиторией, здесь читали лекции и принимали экзамены; задняя — кабинетом профессора; она была заставлена книжными шкафами, завалена рулонами карт, штуфами пород, атласами; венская конторка на гнутых ножках стояла под узким, высоко расположенным окном, отчего комната напоминала келью средневекового

монаха-ученого. Вероятней всего, сидя за конторкой, и принял молодого посетителя Николай Павлович.

Двухминутного разговора довольно ему было, чтобы убедиться, что лучшего помощника не сыскать. Но согласится ли тот принять некоторые условия? Прежде всего сопровождать профессора в летних экскурсиях по западным губерниям — следовательно, оставить Урал как объект исследования. Второе: взять на себя петрографическую часть работы (изучение вещественного состава пород). Карпинскому больно было расставаться с Уралом, он прикипел к нему сердцем и уже начал проникать в особенности его строения. Петрографией он прежде не занимался; значит, нужно было «сменить жанр» — это так же непросто, как портретисту перейти на писание морских пейзажей.

Александр дал согласие.

Догадывался ли он, что в условиях, выдвинутых профессором, есть, так сказать, свой маневр? Быть может, он уже слышал, что Барбот де Марни взялся провести геологические изыскания по трассам проектируемых железных дорог на территории европейских губерний России. Николай Павлович, сам будучи стратиграфом, петрографии не любил и хотел переложить ее на плечи подчиненного. Работа предстояла огромная. Сотни километров маршрутов вдвоем. И работа новая, раньше такую молодой инженер не делал.

Тут биограф, желающий постичь характер своего героя, вправе задаться вопросом: а что, если бы Николай Павлович предпочитал, наоборот, петрографию стратиграфии, согласился ли бы Карпинский взяться за стратиграфию? Скорее всего да. Пора было пролагать путь в большую науку, а с чего начинать, не так уж важно. Для него не существовало перегородок в науке. Несомненно, у него было предчувствие, что путь впереди долгий, все успеет перепробовать и испытать. Ему всего лишь двадцать один год. И на Урал вернется!

Оставались формальности. Кандидату в адъюнкты предстояло (по новому уставу) прочитать две публичные лекции. Тему одной предлагал ученый совет, тему другой называл сам кандидат. Кроме того, полагалось представить сразу же тему будущей диссертации. Поскольку, как уразумел Карпинский, ему придется трудиться в области петрографии, он предложил петрографическую тему. Она немедленно была принята.

Он снова в Петербурге, снова в Горном! Можно пройтись не торопясь по его шумным коридорам. Шумным?.. Да, теперь звонок не звонок, лекция не лекция, всегда толчется народ. А он помнит эти нескончаемые переходы другими, тихими, сумрачными, надменными. Нынче, расталкивая всех,

несется служитель с лотком, на котором разложены минералы. А он помнит мерный шаг барабанщиков. Высоко поднимая локти, они возвещали своими палочками конец и начало занятий... Сколько перемен! Все курят папиросы! Даже не таясь. Батюшки! Знакомые лица... Оказалось, это сверстники Александра, но курса не кончившие; по новым правилам, их не исключили, они превратились — новое выраженьице! — в вечных студентов!

«Когда через 2 1/2 года я возвратился в Петербург и занялся в Институте обработкой имевшихся у меня геологических материалов для составления диссертации, то нашел некоторых моих бывших товарищей и близко знакомых ранее студентов, с которыми и поддерживал прежние дружеские отношения, как и со входившими в их круги позднее поступившими в институт студентами. Таким образом, в эти первые годы преподавания я хорошо знал как профессорский, так и студенческий быт. Впоследствии, когда крайнее обилие занятий не оставляло свободного времени, я должен был вести более уединенную жизнь. Но с моими учениками отношения были все время дружескими».

Один из «бывших товарищей» — Федор Брусницын. Они обрадовались встрече и быстро подружились. Александр стал бывать в доме Брусницыных. Семья была примечательная. Отец Павел Львович происходил из уральских мастеровых (земляк!), в раннем возрасте проявил незаурядные способности к рисованию. Ему посчастливилось получить образование, и он занял в Екатеринбурге должность «классного художника и губернского секретаря». Писал много, картины привлекали внимание знатоков. Мечтал перебраться в Петербург, но семейному человеку нелегко сниматься с насиженного места. Все же решился. В столице в непродолжительное время выдвинулся, получил место адъюнкт-профессора Академии живописи.

У него и жены его Татьяны Кирилловны было четверо детей. Встретили Александра радостно, он уселся за фортепиано, пели хором. Только младшая, Александра, дичилась и казалась задумчивой. Впрочем, ей было всего тринадцать лет...

Однако надо было, не теряя времени, готовиться к лекциям. Они читались в присутствии директора и членов ученого совета. Конечно, это было серьезным испытанием, и потому претенденту предоставлялась возможность прочесть небольшой курс студентам. Так сказать, пройти обкатку. А потом уже объявить о своей готовности начальству. Первая лекция! Как построить изложение? Напичкать цитатами, постараться блеснуть эрудицией? Или построить на практических примерах? Благо

опыт есть. Повидал немало интересного.

Карпинский не сделал ни того, ни другого. На кафедре он остался самим собою, был прост. Не стремился к эффектам, не прибегал к ораторским приемам. Нам неизвестно, как он прочитал первую лекцию. Зато хорошо известно, как он читал лекции вообще. Приведем отрывок из воспоминаний ученика Карпинского академика А.А.Борисяка: «Изложение лекций носило характер как бы простой беседы. И дикция его была... без всякого пафоса, сопровождаемая небольшим покашливанием — не то от застенчивости, не то от подыскания нужных слов.

Одна за другой раскладывались книги и карты, назывались крупнейшие имена, выявлялись различные исследовательские мнения, разногласия, сообщались новинки, вчера прочитанные в каком-либо из научных журналов, и, наконец, подводился итог, давалось заключение».

Глава 5

Скромное начало

Какого-либо определенного срока для написания диссертации ему не поставили, но он не любил мешкать.

Однажды, путешествуя с Романовским по Южному Уралу, набрел он на свиту горных пород; то, что принадлежит она к авгитовой группе, определить не составило ему труда; авгит — изверженная порода, в ней находят соединения кремния, алюминия, железа. Неподалеку деревушка Мулдакаево. Переночевав в ней, Карпинский наутро вернулся к обнажениям и набрал коллекцию образцов; чем-то они отличались от тех, что доводилось видеть раньше. В другой раз необычный авгит попался ему на Среднем Урале, близ горы Качканар. Вот эти-то две разновидности он и взялся теперь исследовать.

Пошел в шлифовальную мастерскую. Он знал, что недавно доставлен из Германии новый станок с набором наждачных колес. Хозяиничал в мастерской старичок, которого помнил Александр издавна. Тот обтачивал и лолил камень для выставки и вырезал из дерева учебные кристаллы; жены профессоров доверяли ему гранить и полировать агат, бирюзу, яшму, отборные кусочки которых привозили мужья из экспедиций. Потом отдавали ювелиру для обрамления. Но Карпинскому нужна была особая работа: тончайшие срезы камня, прозрачные, толщиной в полмиллиметра. «Нешто не справлюсь?» — буркнул старик и через неделю принес наклеенные на стекла шлифы. Их набралось около сотни. Александр стал исследовать их под микроскопом.

Образцы были собраны из разных мест авгитового массива и должны были при изучении дать сведения о разных его минералах, их происхождении и взаимных отношениях. Микроскопирование камня едва только начало применяться в России, да и на Западе опыт был невелик. Техника исследования оставалась во многом не прояснена, поучиться не у кого, приходилось постигать самому. Под окуляром представал особый мир, никак не напоминающий внешность камня. Разноцветье, осколочный блеск, непонятные грани, темные пятна — и все это беспорядочно перемешано.

Микроскопирование потребовало дотошной внимательности, ранее неведомой геологам, но старания вознаградились. Когда Карпинский составил описание всех компонентов, то пришел к выводу, что порода,

найденная близ Мулдакаева, принадлежит к особой, еще не описанной разновидности. Качканарский камень тоже оказался непрост. Александр сделал множество замеров; результаты заносил в тетрадку. Через три месяца работа была закончена, и Карпинский отнес рукопись в типографию.

11 мая 1869 года в актовом зале Горного института состоялась публичная защита диссертации «Авгитовые породы деревни Мулдакаево и горы Качканар»; в официальном извещении значилось, что она предназначена «для получения звания адъюнкта по кафедре геологии, геогнозии и рудных месторождений».

Новизна — не выводов, не результатов, а методики — не ускользнула от внимания слушателей. Впервые микроскопирование применялось в столь широком масштабе. Впервые описывалась разновидность авгита; Карпинский предложил назвать его «мулдакаитом» — и это тоже было впервые, чтобы в мировые каталоги внесена была порода из России.

Обработка материала исключительно тщательная, продуманная, всесторонняя; стиль изложения лаконичный и деловой. Словом, профессиональная работа, и она должна была импонировать академикам и профессорам, не шла вразрез традициям, а углубляла их; новизна в ней лишена дерзости. Карпинский дебютировал уверенно, но скромно.

Не остались без похвалы и легкость, быстрота, с которой начинающий ученый провел кропотливые исследования и составил текст. Надо сказать, что и в наши дни это способно вызвать удивление.

Не успел он принять поздравления и прийти в себя — уже укладывая чемоданы. Барбот де Марни торопит. Пришла телеграмма из Курской управы: дороги подсохли, можно приступить к изысканиям. В поле! Всегда для геолога волнующий момент. И вот они уже в вагоне, стучат колеса, свистит паровоз...

В разговорах коротали путь. Теперь нам представляется возможность попытаться нарисовать в воображении курские проселки и гремющий по ним тарантас, а в нем Николая Павловича в сапогах и крылатке, ставшего вдруг похожим на веселого землемера. «Уж верба вся пушистая раскинулась кругом, опять весна душистая повеяла крылом», — декламирует он, молодой попутчик хохочет, а дорога продирается сквозь мелкорослый осинник, выбегает на опушку дубравы и обдает прелым запахом прошлогодней листвы. А сзади гремит телега, в ней мужики, нанятые в окрестных селах — «наш отряд!» — и они еще пуще заливаются, глядя на выходки профессора Барбота. А потом пешком взбираются на взлобки, геологи меряют, рисуют в пикетажных книжках, мужики роют

канавки, «закопушки», варят кашу — нетрудная работа, быстро с ней управляются и подолгу сживают на солнышке, крутят козы ножки.

Отношения начальника этой крохотной экспедиции и его помощника были простыми и ровными; небольшим хозяйством заведовал Карпинский и, зная, что верный счет — залог этих самых простоты и ровности, старательно записывает расходы:

«Карп. Сах. и сух. 54, белье 17,0, швейцару 30... Итого 19,77.

Б. де М. Сахар 44 к. Морож. 30, ящики для экскурсии 11,0... Итого 15,84».

Как видим, профессор меньше потратился, хотя и позволил себе съесть порцию мороженого. Большинство страниц — как и в других сохранившихся книжках — вырваны. Запись тонким карандашом мельчайшими буквами, для себя; должно быть, и она уцелела случайно.

Курские да харьковские проселки с уральским бездорожьем не сравнить, бывалым путникам нипочем. Не успели насладиться волей, птичьим пением и видом звездного неба по ночам — уж сентябрь на пороге. Пора возвращаться...

Сразу же по приезде Александр оформляет членство в Императорском минералогическом обществе и Санкт-Петербургском обществе естествоиспытателей. Президентом первого четыре года назад стал («принял на себя звание») его императорское высочество князь Николай Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский; и в том и другом обществах наряду с крупнейшими учеными участвовали любители из богачей и знати. На заседаниях обсуждались разнообразные научные вопросы и завязывались личные связи, чем молодые люди не должны были пренебрегать...

Глава 6

Земля, камень животворящий

Член обществ, лектор, адъюнкт, изыскатель — дни и месяцы его расписаны наперед, он даже от отпусков отказывается: некогда отдохнуть. Удовлетворен ли своим положением? Да, вполне — и как всегда. Он всегда удовлетворен, потому что лишен нетерпения. И все же... Пожалуй, лишь один человек знает, что есть беспокойство, звенит колокольчик в душе, зовет — вы думаете, что Барбот? Или Брусницын? Нет. Это Василий Гаврилович Ерофеев, заведующий Палеонтологическим музеем, престарелый профессор палеонтологии и чуть ли не ежевечерний теперь собеседник.

После работы, упрятав в стол таблицы и конспекты и накрыв колпаком микроскоп, спешит он к нему, и здесь у шкафов и полок проводят они долгие часы: то сидят тихо под лампой, вынимают из коробок образцы, передают друг другу, сопровождая каким-нибудь односложным восклицанием либо просто выразительным взглядом, то прохаживаются вдоль полок, оживленно спорят, уснащая речь свою латинскими терминами... Василий Гаврилович седоус, одышлив и выражение лица имеет как бы насупленное, будто вот ошибись сейчас в каком-нибудь названии, и он разразится гневом; одним словом, грозен ликом сей представитель тишайшей из профессий, которая к тому времени насчитывала всего три-четыре десятилетия своего развития (если, разумеется, не считать, что начатки палеонтологических сведений встречаются у древнегреческих и египетских авторов).

Наука об окаменелостях, быть может, самая удивительная из геологических дисциплин, хотя в их ряду рассматривается как вспомогательная. По остаткам растений и животных геолог воссоздает условия и время образования пласта (и Карпинский впоследствии достиг изощренного мастерства в этом деле). Даже и эта вспомогательная функция полна очарования! Сколь же притягательна сама по себе и полна поэзии, подчас невнятной, юная отрасль знания, сколько загадок она задает! Своим истоком она упирается в тайну тайн — рождения жизни в мертвой воде океана; но если ученые других специальностей об этой проблеме рассуждают абстрактно — иное дело палеонтолог.

Разве это не поразительная загадка, поражающая и своей, так сказать, фактурой, но еще более некой красотой загадочности? Это довольно

неловко звучит, но, кажется, выражает особенность палеонтологических тайн, которые всю жизнь с такой силой влекли к себе Карпинского. Впрочем, мы забегаем вперед. Пока это влечение только зарождается. Мы не можем быть уверены, что именно об этом беседовали престарелый профессор и молодой адъюнкт кафедры геогнозии, загруженный петрографическими исследованиями, имевшими, как известно, весьма отдаленное отношение к окаменелой фауне и флоре.

В начале главы мы сказали, что он почти каждый вечер проводит у Ерофеева; ухватимся за оговорку — действительно почти, но далеко не каждый вечер, иначе никак не могло бы случиться событие, к которому стремительно приближается наше повествование. Событие в высшей степени радостное и исполненное огромной важности для молодого адъюнкта, но, прежде чем поведать о нем, необходимо рассказать о некоторых дополнительных переменах, происшедших в институте (как видим, они теперь стали случаться гораздо чаще, чем раньше), в геологической службе вообще и в служебном положении нашего героя.

Начнем с последнего. Когда проводились изыскательские работы на территории Харьковской губернии, то местные власти попросили профессора Барбота де Марни осмотреть соляные источники. Своей соли губернии не хватало, ее привозили издалека медлительные чумаки. А соленые озера там-сям попадались, да по курганам кой-где соль выступала, ее лизала скотина — вот и возникла надежда отыскать месторождение. Профессору заниматься солью было некогда, он передал просьбу своему помощнику. Карпинский осмотрел выходы, нанес на карту, произвел подсчеты и, вернувшись домой, написал статью «О возможности открытия каменной соли в Харьковской губернии». Каково происхождение соляных источников, задает вопрос автор. Они не могут быть юрского возраста. Древнее. Приводятся косвенные доказательства тому. Вода Слеваковского озера пополнялась из горизонтов, расположенных ниже юрских. То же можно сказать о воде безымянного озера близ Славянска. Вывод: накопление соли происходило (если вообще происходило!) в пермских отложениях.

Но на этом автор не останавливается. Неторопливо, скрупулезно разбираются факты, позволяющие судить, где с наибольшей вероятностью могло произойти скопление соли. Наконец обводится на карте район возможного месторождения. И еще дальше идет автор! Указывает точные координаты: бурить здесь! Это ответственное заявление, и нужно быть уверенным в себе, чтобы решиться на него.

Харьковское земство доверилось двадцатитрехлетнему рекомендателю

— наняло мастеров, поставило бурение. Прогноз блистательно оправдался, скопления каменной соли обнаружены, притом в значительных размерах (их запасы разрабатываются и по сей день). Член-корреспондент АН СССР Ю.А.Жемчужников, разбирая творческий метод молодого Карпинского, пишет: «Для него характерно соединение сугубой осторожности при анализе фактов со смелостью синтезирующей мысли, а также додумывание ее до конца, до вытекающих из нее практических результатов». Верно сказано; выделим с у г у б у ю о с т о р о ж н о с т ь при анализе фактов — черта как будто бы не очень свойственная начинающим ученым? Она обратила на себя внимание маститых мужей науки, им нравится в молодом коллеге солидность ученых интересов, их основательность; они допускают его в свой круг. Выше было сказано, что в служебном положении адъюнкта произошли перемены; спешим поправиться — в служебном положении нет; пока еще нет; изменилось его положение во мнении господ профессоров и академиков, чему во многом способствовало не ахти какое крупное, но уверенно сделанное открытие солевого месторождения.

Между тем перемены продолжаются. Гельмерсен подает в отставку, он стар, его место на посту директора института занимает Николай Иванович Кокшаров. Крупнотельный, осанистый, веселый, выдающийся минералог, составивший огромный свод российских минералов, он внешним своим поведением являет полный контраст предшественнику: шумлив, сыплет остротами и каламбурами; количество его друзей, приятелей не поддается исчислению. Гельмерсен же, у которого теперь развязаны руки и много свободного времени, занялся делом, нужда в котором давно ощущалась всеми и которое он дал себе зарок довести до конца. Дело это было созданием учреждения, которое объединило бы геологическую службу в России.

Для России вопрос о государственной геологической службе, ее устройстве, прерогативах, составе работников имел огромное значение. Страна остро нуждалась в сырье для промышленности. Уральские и сибирские заводчики брались даже финансировать геологические учреждения, которые проводили бы разведки с учетом их нужд; однако всем ясно было, что это не устранило бы, а усугубило хаос в поисках полезных ископаемых. Конкуренция породила бы обман и укрывательство месторождений. России не обойтись было без центра геологической службы, подчиненного исключительно правительству. Но каким должно быть центральное учреждение?

И Гельмерсен не только сам трудится над составлением проекта, но привлекает единомышленников, в частности Ерофеева и Барбота де Марни.

Последний даже командирится за границу для ознакомления с постановкой геологической службы. Ерофеев пишет записку на высочайшее имя, и, хотя под ней стоит одна его подпись, несомненно, текст тщательно обсуждался с друзьями. Сам Григорий Петрович действует при дворе, стараясь использовать свои евязи. Разъезжает по городам, выступает с лекциями, доказывает необходимость распространения геологических знаний. Позволяет себе насмехаться над сановниками, клеймит их невежество по этой части. В качестве иллюстрации приводит такой анекдот. Однажды на приеме у олонецкого губернатора кто-то спросил у Григория Петровича, что он в их крае ищет.

— Уголь.

— Э, батюшка, — вмешался губернатор. — Откуда ж ему тут быть? У нас ведь все больше сосна растет...

Что же предлагают ученые в составленном ими проекте уложения? «На обязанности будет лежать исследование местностей России по назначению правительства, определение характера и степени благонадежности месторождений полезных ископаемых и составление геологической карты России, которое, очевидно, должно идти путем систематическим». Состав будущего учреждения должен быть, по их мнению, таков. Шесть старших геологов, шесть младших, один старший палеонтолог, один младший и один химик. В Совет геологического учреждения входят директор, старшие геологи, старший палеонтолог, академики императорской Академии наук, профессора Горного института и Санкт-Петербургского университета по кафедрам геологии и палеонтологии; членство в совете не обуславливалось дополнительным вознаграждением.

Поразительные, несусветно скромные требования! Но всего поразительнее, что они не могли быть выполнены в течение многих лет! Приходилось прибегать к разного рода уловкам, чтобы — не убедить, нет! — а поторопить правительство, постоянно почтительнейше напоминать ему о необходимости скорейшего осуществления столь важного для государства проекта. Пухлые папки с бумагами переносились из Горного департамента в Министерство финансов и Сенат, и ни разу правительство не отвергло ни один из вариантов проекта: просило доработать. Не то чтобы оно не понимало важности задуманного — отнюдь это не так! Но как можно было нарушить порядок прохождения дел, и тем более важных, и чем дольше оно проходило, тем важнее становилось...

В 1875 году усилиями комиссий и подкомиссий был выработан окончательный и подлежащий утверждению проект устава, но и он не был

утвержден, понадобилось еще пять лет, чтобы... нет, опять-таки не утвердить, а созвать собрание петербургских геологов по согласованию и последнему рассмотрению всех пунктов.

Свидетелем всех перипетий этой борьбы — и свидетелем близким, иногда даже участником — стал Александр Карпинский, и, несомненно, это явилось для него своеобразной школой общения с административным аппаратом. Скоро он докажет, что недаром брал уроки.

А теперь перейдем к обещанному радостному событию, для чего нам понадобится представить кабинет директора Горного института с портретом государя императора, дубовым письменным столом, креслами и кожаным диваном. Входит адъюнкты кафедры геогнозии и, смущаясь и краснея, протягивает для подписи прошение.

Если бы за столом, как еще некоторое время назад, сидел Григорий Петрович Гельмерсен, событие это прошло бы малозаметно. Тот подписал бы прошение, сдержанно, но сердечно поздравил бы потухшим своим баском; с заметным усилием оторвался бы от кресла, встал... пожалуй, на этом аудиенция и закончилась бы...

Но совсем не так поступил Николай Иванович Кокшаров.

— Как?! — вскричал он. — И молчал! Ах, скромник! Господа, господа, пожалте-ка сюда!.. Какая новость!

И господа, то есть профессора и доценты, адъюнкты и кой-кто из студентов, — словом, все, кто толпился в передней, ввалились в кабинет и, увидя восторг своего директора и взглянув на бумагу, обступили Карпинского и, в свою очередь, закричали:

— Кто она? Сознаться! Каков удалец, а?

Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с уставом Корпуса горных инженеров, конечно, уже догадался, какое прошение подал директору зардевшийся от смущения адъюнкты. То было прошение о женитьбе. Без разрешения начальства горный офицер (хотя к тому времени такое титулование исчезло) не имел права вступить в брак. Сразу скажем, что Кокшаров не только в сей же момент подписал бумагу, но, пока возбужденные сослуживцы расспрашивали Александра Петровича, а тот, потупившись, отвечал на вопросы, подвинул к себе стопку бумаги и уже от себя написал прошение в Министерство финансов о пособии для новобрачных, «поскольку как сам господин Карпинский, так и будущая его жена не имеют никакого состояния».

— Да кто же она? — продолжали допытываться сослуживцы. — И скрывал!.. И скрывал!.. Да как же тебе удалось?..

Конечно, ничего он не скрывал. И не собирался. И будь они чуть

повнимательнее, они бы, уж конечно, заметили, что стал одеваться он с некоторых пор с особой тщательностью, сшил у модного портного сюртук из тонкого сукна и жилеты. Будучи в одной из летних экспедиций, отрастил бородку, отпустил длинные волосы, а в Петербурге парикмахер соорудил красивую прическу, и во внешности Александра Петровича появилось нечто артистическое. В разговоре стал несколько рассеян. Иногда улыбался своим мыслям. Его лучистые глаза обдавали собеседника нежным и кротким светом. Он влюблен! Никакого сомнения. Ну а кто она — думается, читатель уже догадался? В уединенной трудовой жизни нашего героя, в которой о будущем скромно, но неутомимо заботились куда больше, чем о настоящем, в его холостячестве была лишь одна щелочка, сквозь которую пробивался свет женского участия... скажем больше, была лишь одна семья, в которую он хаживал, с которой сблизился и в которой только и мог составить себе представление о семейном счастье. Семья Брусницыных. От домашнего очага он ведь был оторван двенадцати лет от роду. Кадетское воспитание, марш, марш в дортуар, в классы, в столовую... а потом уральские степи и контора в Златоусте... институт да разъезды по губерниям...

Брусницыны. И прелестная Александрин, которую увидел впервые пять лет назад и которая по мере того, как росла, все чаще видела Александра и слышала о нем. О нем рассказывал брат: о его талантливости, врожденном такте, о том, как уважают его профессора, быть может, даже несколько преувеличивая заслуги своего друга в науке, — Феде льстила дружба с ним. С неизменной ласковостью встречала его мать, Татьяна Кирилловна. Александр проводил у Брусницыных все воскресенья и праздники; когда умер Павел Львович, его заботы о семье удвоились: помогал, как мог, оправиться после потери, искал репетиторов для Александрин... В известном смысле, он ее воспитывал — мечта каждого мужчины: воспитать себе невесту... И Александрин — разве она с той самой первой встречи, когда он, поклонившись мама и папа, чуточку дольше, чем положено, задержал на ней взгляд (или ей показалось?), а она, колыхнувшись в реверансе, убежала, прыснув смехом, — разве не считала она в глубине души (ни одного слова еще не было сказано — и, ох как до этого было еще далеко) свою судьбу определившей, а себя суженой...

Та, которую называли этим милым именем, получила прекрасное образование, владела несколькими языками. Внешностью она походила — можно только удивляться этому обстоятельству, но это так — на Марию Фердинандовну в юности. В этом легко убедиться по фотографиям. Не повлияло ли это сходство на выбор Александра? Надо ли напоминать, что

память и сердце его хранили одну ласку — материнскую, и самое прекрасное женское соединено было в его сознании с образом матери — и он невольно искал похожую на нее...

Рыжими чернилами запись в метрической книге о бракосочетавшихся за 1873 год. Все, что нынче осталось от торжества... Подвенечная фата, кафельный дым, снопы света из оконниц, хор... и то первое дуновение вместе, чтобы, как в народе говорится, венчальные свечи разом задувать, чтобы жить вместе и умереть вместе...

«Счет браков 51. Ноябрь девятого.

Служащий в Горном институте адъюнктом горный инженер, коллежский асессор Александр Петрович Карпинский 5-й православного исповедания первым браком.

Дочь умершего адъюнкт-профессора Императорской Академии художеств коллежского советника Павла Львова Брусницына — девица Александра Павлова, православного исповедания.

Лет жениху 27, невесте 18.

Поручители. По жениху: дворянин Долгополов и Лейб-Гвардии Финляндского полка прапорщик Владимир Петрович Деви. По невесте: 2-й Конно-артиллерийской бригады поручик Николай Михайлович Севрин и потомственный дворянин Виктор Васильевич Чепурин».

Кто они, Чепурин, Долгополов, Севрин? Выяснить не удалось. Деви — фамилия, известная в русском горном деле: семья эта дала несколько поколений инженеров. Владимир Петрович пошел, как видно, по военной части... Финляндский полк квартировал неподалеку от Горного института, и офицеры дружили с преподавателями.

Венчались в церкви при Горном институте.

Кокшаров не только исхлопотал единовременное пособие, но и предоставил молодым квартиру при институте, обставленную казенной мебелью.

Минуло всего несколько месяцев, а Александр Петрович уже засобирался в дорогу. Как, поди, и трогательно, и радостно-грустно было от того, что его баулы и сумки укладывают женские руки. Наверное, он мог бы в тот год и не ездить, начальство не препятствовало бы, а, понимающе улыбаясь, разрешило бы провести лето на даче, но ведь он был натуралист, и, кроме дел и утех человеческих, его манил мир камня, неведомый, молчаливый, вечный... Пути его пролегали на сей раз по Волынской губернии. Николай Павлович вскоре занемог, и завершал маршруты Александр Петрович один. В отчете, им написанном и представленном за двумя фамилиями, изложение ведется то от «мы», то от «я», без всяких

переходов. «Мы сделали по проселочной дороге экскурсию на северо-западо-запад к деревне Пельче, где ломался песчаник, который очень ценится и идет на подферменный камень под мосты». А немного ниже: «Из Житомира я совершил поездку на север, в страну бывших древлян, в страну Ольги и Игоря, словом — в Овручское Полесье... Ближайшей целью был осмотр розовых кварцитов...» и так далее. Несколько необычное сочетание делового стиля с лирической приподнятостью...

Глава 7

Артинский ярус

С неспешной предназначенностью — как все, что совершалось в жизни этого человека, — наступил момент, когда он снова мог вернуться к прерванному когда-то, точнее, на время терпеливо отложенным, исследованиям геологии Урала. Он знал, что этот момент наступит, готовился к нему, искал встреч с людьми, приехавшими с Урала, копил научные сведения, оттуда поступающие. И вот он настал. Контракты на изыскательские работы по линиям железных дорог были исполнены, новых Барбот де Марни не заключил, да и положение самого Александра Петровича в институте теперь сильно изменилось — он волен был выбирать себе темы.

Конечно, нисколько он от себя не скрывал, возвращаясь в родные места, что затевает дело неспешное, огромное, многолетнее. Одной экспедицией Урал не покроешь. И десятком тоже. А познание Урала — ключевое для всей геологии и для всей России. Богатства его несметны. Разумеется, никто не мог бы его командировать для изучения недр Урала вообще (хотя сам он перед собою такую тайную цель и поставил) — у него было конкретное задание от Министерства государственных имуществ разведать угленосные слои на восточной окраине Урала. Под начало его передавались две поисковые партии; одну из них возглавил его шурин Ф.П.Брусницын, другую Ф.Ю.Гебауэр, горный инженер. Но быстро и со свойственной ему аккуратностью наладив работу, Карпинский надолго оставляет своих подопечных, совершает далекие и длительные экскурсии.

Мы можем судить о том по его отчетам. «Я имел возможность, — пишет он, — оставлять на некоторое время эти работы во вполне надежных руках и расширять геологические исследования за пределы порученного мне района между реками Нейвой и Синарой. В последующие годы удалось распространить на тех же основаниях геологические исследования на обширную область восточного склона Урала, связав почти неизвестный тогда район с хорошо исследованною областью Южного Урала».

Возобновившиеся уральские маршруты продолжаются пятнадцать лет кряду. Пятнадцать лет каждое лето путешествует он по Уралу: переваливает через кряжи, пробирается через болота, блуждает в лесах. Жизнь поделилась на зимнюю и летнюю: обо половины несхожи. И частенько на каком-нибудь званом обеде (в зимнюю пору) вдруг застывает

он, вспомнив о скромной трапезе под звон комаров на берегу озера, у костра, проводник шевелит носком сапога головешки и зовет: «Хлебай, Петрович!» А летом, укрывшись в шалашике, наспех собранном, вдруг припомнит зал консерватории, гаснущие люстры, ту минуту перед началом концерта, когда дирижер еще медлит с выходом, а свет уже погас, темнота, и из оркестра вдруг выкатывается беспорядочно-обрывчатая жалоба валторны... Жизнь раздвоилась и вместе с тем приобрела новую цельность, насыщенную полноту, будто удовлетворилась тайная потребность его природы в добывании истины трудом, через физические усилия, через неприменную и благодетельную усталость...

Первая и по объему значительная публикация, посвященная геологии Урала, появилась уже через год после возобновления уральских маршрутов; в дальнейшем они появлялись регулярно. И эта первая уже настолько зрелая, что не оставляет сомнений — исподволь он всегда готовился к изучению этого сложнейшего региона. А вскоре ему посчастливилось совершить открытие, которое во многом предопределило дальнейшее изучение и освоение Урала. Близ Артынского завода, что в Оренбургской губернии, Александр Петрович, лазая по скалам, собрал множество остатков ископаемых животных; иные из них относились к видам, существовавшим в пермский период, иные в карбоне. Это две разные системы с разной фауной; между ними, по тогдашним воззрениям, должна пролегать межа. Анализ, проведенный Карпинским, показал, что все найденные им окаменелости — здешние, не принесены извне. Между тем несколько родов трилобитов, селяхии и некоторые аммоны древнее рядом с ними захороненных других морских существ. Явление это и ранее было известно и не находило объяснения; ученые датировали слои то пермским возрастом, то карбоновым.

Карпинский подошел к загадочному явлению по-новому: «Чтобы решить вопрос... припомним тот закон, на важность которого, если не ошибаюсь, впервые обратил внимание Лейель. По этому закону, чем совершеннее организация вида, тем меньше геологический период его существования». Ориентируясь на это теоретическое положение, он рассматривает данные петрографического анализа; вкупе с палеонтологическими они «заставляют считать последнюю (т.е. песчаниковую пачку пород, в которой и обнаружены окаменелости. — Я.К.) членом, связующим каменноугольную и пермскую системы».

Итак, в чем же суть открытия? Карпинским провозглашается п е р е х о д н ы й х а р а к т е р с л о е в; они не принадлежат ни к какой системе целиком. Он берет на себя даже смелость утверждать, что этого открытия

следовало ожидать, исходя из чисто теоретических воззрений. «Существование в России подобной переходной группы осадков можно было с вероятностью предполагать и ранее, на основании общего хода событий и геологической истории этой страны». А за границей существуют подобные образования? Да. «Например, осадки, наблюдавшиеся в штате Небраска, отложения, недавно точным образом исследованные в Южных Альпах, равно как и пласты, составляющие в Богемии переходное образование между продуктивной формацией и мертвым красным лежнем». Неважно, что воочию ни одного из перечисленных объектов он не видел, это не мешает ему, освоив литературу, поспорить с английскими коллегами и попытаться доказать, что некие отложения в Индии, близ Пенджаба, тоже следует считать переходными. Как же! О том свидетельствует англичанами же составленный список фауны. Универсальных границ между системами нет, они искусственные. На каких теоретических воззрениях основывался Карпинский? Ясно, что на эволюционном учении Дарвина. И в этом смысле доказательное установление переходности сыграло огромную роль.

«Для... песчаниковой группы... я предлагаю название Артинского яруса по имени той местности, в которой эти осадки были прежде всего изучены».

Артинский ярус скоро стал знаменит; принцип «переходности слоев», с помощью которого он был выделен, получил мировое признание и был положен, как пишет профессор Л.С.Либрович, «в основу дальнейшего изучения соответствующих отложений и фаун в различных странах». «Кроме того, — замечает толкователь уральских работ Карпинского, — эти исследования сыграли существенную роль в деле внедрения в геологические науки идей эволюции». «Здесь перед нами своеобразная попытка, — соглашается с ним профессор Б.Л.Личков, — применить эволюционную идею к разграничению геологических периодов и систем, выявить и доказать непрерывность геологической истории».

Если мы забежим на полвека вперед, то станем свидетелями новой вспышки интереса и новой волны публикаций, связанных с артинским ярусом. Дело в том, что появились сведения о его нефтеносности; впоследствии они подтвердились. Прошло еще несколько лет, и дискуссия вспыхнула с новой силой: нашлись ученые, которые стали оспаривать — и весьма ожесточенно — саму правомерность выделения яруса как генетической единицы; однако их нападки были отведены. Все это лишний раз свидетельствует о том, сколь интересное природное образование удалось открыть и описать Карпинскому в 1878 году. Он продолжал сбор

фаунистического материала, это дало ему возможность создать одну из прекрасных его палеонтологических монографий; мы разберем ее в соответствующем месте.

Артинский ярус лишь один из геологических элементов Урала, и, естественно, Карпинский не мог замкнуться на его изучении. Возможно, Александр Петрович не сразу понял принципиального значения сделанного им открытия именно в силу грандиозности поставленных перед собой задач (в самом деле: всего лишь один ярус, а сколько их предстоит изучить) и только на склоне лет признал: «Самым важным результатом я считаю установление артинского яруса и выяснение филогении филума пролеканитид, начиная от верхнедевонских слоев последовательно до триаса». (Тут он говорит об установленной им связи между индивидуальным развитием особи и развитием рода в одной из групп ископаемых моллюсков.)

Свои усилия он теперь сосредоточивает на изучении восточного склона Урала. К тому влекли и практические потребности — каменноугольные пласты, разведку которых он вел, развиты на восточном склоне, но не меньший интерес представляла и теоретическая сторона дела. «Хотя в большинстве горных кряжей, — писал Карпинский, — замечаются некоторые особенности их противоположных склонов, но редко различие это достигает такой степени, как в Уральском кряже, западный и восточный склоны которого являются весьма различными как в геологическом, так и в орографическом отношении».

Они действительно очень разные, западный и восточный склоны одного хребта. Даже реки текут здесь по-разному. Те, что стекают с запада, бегут по продольным долинам, параллельно хребту, особенно в верхнем своем течении, те, что с востока, берут широтное направление. На западном склоне озера редки, а на восточном «встречаются тысячами, в таком изобилии, какое вообще наблюдается довольно редко». Отроги западного склона сложены осадочными породами или метаморфическими сланцами, на востоке же, наоборот, осадочных пород мало, все больше изверженных. Своеобразны третичные осадки, распространенные по восточной стороне, на западе их вовсе нет, зато здесь в изобилии находят пермские и триасовые, которых нет на востоке. И так далее. В связи с этим и минеральные скопления очень разнятся: на востоке месторождения магнитного железняка, коренное золото и медь, хромистый железняк — залежи штокообразные и жильные; на западе месторождения пластовые — каменный уголь, медистые песчаники, красные и бурые железняки.

Карпинский принимается за составление сводной геологической карты

Восточного Урала и, реконструируя геологическое прошлое, берется за объяснение разительного несоответствия между востоком и западом. (Вопрос этот не получил полного объяснения по сей день.) Попутно Карпинский проводит весьма цепные наблюдения. Со времен Гумбольдта считалось, что гора Юрма (на Среднем Урале) — некий горный узел, от него Урал расходится на три ветви. Каршгаский исправляет ошибку, показывает, что никакого «узла» не существует. Далее он находит прежде неизвестные верхнедевонские отложения (на Южном Урале), возраст доказывает безукоризненным анализом палеонтологических; остатков. Выясняет соотношения найденных им пород с соседствующими отложениями. Составляет полный разрез каменноугольных отложений.

...Шли годы, по весне Александра Павловна упаковывала дорожные сумки. Поезда до Москвы стали ходить на три часа быстрее; от Екатеринбурга до Перми проложили железную дорогу. В Екатеринбурге по-прежнему жили мать Александра Петровича и его сестра, рано овдовевшая. Александр Петрович ежегодно гостил у них. У него теперь было четверо детей: дочери Евгения, Марина, Александра и сын Коля, мальчик одаренный и необычно раннего развития. Но прожил он недолго. Внезапно заболел и умер. Рассказывали, что Александр Петрович поседел, пока — извещенный телеграммой — добирался из экспедиции домой. Не годами сидят, а горем...

Прежде чем самому отправиться по весне, надо было отвезти семью на дачу — ее снимали тогда в Лахте, да наказать, куда в каком месяце слать письма. Он берег их в походе, потом терялись. Его письма тоже не берегли — наверное, потому, что он сам ими не дорожил; зачем? Научных рукописей, переписанных его женой, сохранилось больше, чем ее писем. Но там, вдалеке, он ждал их с нетерпением, беспокойством. От нее, от детей...

«Милый дорогой папа, — старательно выводила дочурка, — скоро две недели, как ты уехал, а мне кажется, что я целый год тебя не видела. Сегодня мы купались, погода хорошая, а то с девятого числа была такая погода, что Таня, Коля и Маня были в саду в шубах.

Без тебя мы ни разу не ходили к замку. В Троицу у нас был Пузя. Мы с мамой ходили на берег купаться, поймали 13 колюшек и одну корюшку живую, а Коля ее выпустил.

Другое письмо я напишу по-французски.

Любящая тебя Женни Карпинская».

У Женни большие способности к языкам; она пишет папе по-французски, вставляя английские фразы.

Отец отвечал ей по-русски рисованными крупными буквами, чтобы она по его письму могла учить читать младших сестер.

«Скоро я поеду домой. В Екатеринбург поеду в коляске. Там куплю своим деткам игрушки и шишки. Потом в вагоне в Пермь. Оттуда на пароходе в Нижний, а после в Москву и Петербург по железной дороге».

Глава 8

Слава молодая

4 апреля 1877 года из Вены на имя директора Горного института пришла телеграмма на немецком языке; Кокшаров бегло на нее взглянул и откинулся на спинку кресла. Сообщалось, что Барбот де Марни скоропостижно скончался в номере венской гостиницы. Неделю назад по предписанию врачей он выехал в Ниццу. В Вене его встречали коллеги; со многими был знаком и переписывался долгие годы; в ночь с 3 на 4 апреля они засиделись в его номере, обсуждая геологические новости...

Через несколько дней привезли цинковый гроб; все удивлялись его небольшим размерам. При жизни малорослость Николая Павловича скрашивалась подвижностью, напористостью; вдруг сослуживцы с болью и даже недоумением осознали, что он был вовсе не стар. Всего сорок шесть лет. А успел объездить Урал и Калмыцкую степь, о которой составил первый геологический очерк, Галицию, Подолию, северные губернии. Удостоен премий и медалей от научных обществ. Имел звание почетного доктора Санкт-Петербургского университета. При жизни разное говорили: ходили слухи, что брал подряды от частных фирм (что для государственного служащего считалось некорректным). Но сейчас все это забылось. Поминали добром; сожалели, что оборвались его начинания; он готовил к печати сразу три, как он сам считал, главнейшие свои сочинения: об Олонецком крае, об Арало-Каспийской низменности и о геологическом строении Европейской России. Не успел...

Отпевали в институтской церкви, а хоронили на Смоленском кладбище, где Горному принадлежал большой участок.

Смолоду Николай Павлович приохотился собирать книги; теперь вдова дарила богатую библиотеку кафедре, которой он заведовал; Карпинскому поручили, прежде чем перевозить, привести в порядок. Ему же поручили написать некролог и огласить на заседании Минералогического общества. Мог ли он тогда знать, что это первый из некрологов, которые придется ему за свою жизнь составить (более трехсот!) и о каждом из покойных своих учителей, сверстников, коллег, учеников и учеников своих учеников он скажет верное слово и найдет верную оценку их труду.

Вот и в этом, первом из написанных им некрологов он вспомнил то, что всеми было уже забыто, — что Николай Павлович в юности сотрудничал в «Современнике». Некрасову нравились его обзоры

новейших теорий происхождения и строения Земли, они способствовали распространению положительных знаний в России. Перейдя же к научным трактатам и публичным выступлениям Барбота де Марни, Карпинский особо остановился на тех их качествах, которые, вероятно, хотел бы перенять и выработать у себя:

«Язык их ясен, прост и точен, без всяких лишних слов. Несмотря на такую сжатость изложения, он плавлен и легок в чтении. О лекциях его в Горном институте я, как ученик Николая Павловича, могу сказать, что они отличались строгою научностью, систематичностью, редким умением разграничивать наиболее существенное от фактов и явлений сравнительно меньшего значения; к достоинствам же изложения должно отнести простоту, ясность и в особенности точность определений».

После смерти Барбота де Марни встал вопрос о том, кто займет должность заведующего кафедрой. Впрочем, сомневался ли кто, что выбор падет на Александра Петровича? По сути, он исполнял обязанности заведующего уже несколько лет. Замещал Николая Павловича, когда тот болел или отлучался. Вел курсы исторической геологии и петрографии. Студенты выпустили — поскольку учебника не было — литографированным изданием его «Описание главнейших горных пород» (408 страниц — объем немалый). Утверждение в должности произошло всего через месяц — 7 мая 1877 года. На первом же экзамене Карпинский появился в сюртуке с бархатным воротничком, золотыми пуговицами, золотыми нашивками на манжетах, при шпаге — так полагалось профессорам; в этом одеянии он и будет являться на экзамены всегда теперь (и принимать их, надо сказать, с редкой снисходительностью). Академик А.М.Павлов в своих «Воспоминаниях металлурга» говорит, что у него можно было в ы п р о с и т ь нужный балл. Иногда он записывался на экзамен по богословию вторым экзаменатором единственно для того только, чтобы выручать студентов, отношение которых к предмету было пренебрежительное. Если батюшка ставил «два» или «три», то второй экзаменатор «четыре» или «пять», а в среднем выходил приличный балл.

Судьба берегла его от волнений и завистливых хлопот; быть может, чувство зависти было даже неведомо ему; он мог повторить о себе пушкинские слова: «Блажен, кто званий и чинов спокойно в очередь дождался». Но если бы — попробуем решиться на предположение — его обошли и кто-либо другой занял место, предназначенное ему, — что тогда? Скорее всего продолжал бы работать и дожидаться своего часа «спокойно в очередь» и в полной уверенности, что дождется...

Таков Карпинский!

Однако продолжим изложение событий.

В Петербург возвратился Геннадий Данилович Романовский. Давненько его не было, но вопроса «где пропадал?» никто не задавал — знали! Исполнилась его мечта, побывал он в Туркестане! И до Тянь-Шаньских хребтов добрался, и в долинах бродил, и под солнцем пожарился в Голодной степи... Но исполнилась ли другая мечта, доказал ли, что между Уралом и Тянь-Шанем существует связь? Увы, орешек оказался покрепче, чем раньше предполагал. Доставил огромную коллекцию камней и к разбору ее привлек кого же? Бывшего подопечного. Александр Петрович составил обстоятельный петрографический обзор «Определение и описание некоторых главнейших горных пород Туркестанского края», который в виде отдельной главы (с указанием авторства Карпинского) Романовский поместил в книге «Геологический и палеонтологический обзор северо-западного Тянь-Шаня и юго-восточной части Туранской низменности» — книге, которая положила начало научному освоению дотоле совершенно не исследованного края.

Романовский был приглашен преподавать в Горный институт.

Александр Петрович исподволь начинает увлекаться новой темой, необычной не только для него, но и для всех, похоже, геологов его времени и вообще могущей быть исполненной всего, быть может, один раз в истории данной научной дисциплины.

Александра Петровича ждал здесь неожиданный блестящий успех, принесший ему международную известность и признательность.

Геология наука п л а н е т а р н а я. И потому геологи всегда стремились к общению друг с другом. В конце 60-х — начале 70-х годов международные встречи начинают происходить регулярно. И чем чаще встречаются геологи разных стран, тем яснее, насущней становится для них необходимость создания специального мирового форума, на котором они могли бы обсуждать сложные, важные и актуальные проблемы своей науки, притом такого, который мог бы общение ученых сделать постоянным, периодически собирая их, а в перерывах публикуя труды.

Наконец в Париже в 1878 году собрался I Международный геологический конгресс. Тут-то и выяснилось, что не та беда, что геологи разных национальностей разговаривают на разных языках — они без труда понимают друг друга; беда в том, что нет общего языка науки. Геологи разных стран пользуются разными знаками для обозначения одних и тех же отложений, и, следовательно, невозможно соотнести, увязать между собой карты и стратиграфические колонки (чертежи напластований в их временной последовательности). А отсюда невозможно представить даже в

общих чертах историю планеты как геологического тела. Возникла необходимость в самом срочном порядке составить для всех обязательную систему геологических обозначений, то есть выработать общую знаковую систему и общие наименования для геологических единиц.

Постановлено было собраться через три года и рассмотреть готовые к тому времени проекты.

И геологи разных стран принимаются за работу.

Русскую геологию на первом конгрессе представляли Иностранцев, Гельмерсен и Мёллер. Вернувшись домой, они предпринимают попытки создать «геологический язык»: каждый работает сам по себе, но время от времени у кого-нибудь сходятся и обмениваются мнениями. Но, видно, ничего толкового не получалось. Мы не знаем, в какой момент этой проблемой заинтересовался Карпинский — ведь он и без того очень загружен! Обрабатывает обширный и все время пополняющийся уральский материал, читает лекции, издает учебники. Наконец, работа на кафедре отнимает много времени. И все же принимается еще и за эту тему.

И решает ее с необыкновенной легкостью! Первые же эскизы, которые показывает своим старшим коллегам, получают их, полное одобрение, и один за другим они складывают оружие. Они отходят от темы. Он продолжает разрабатывать ее один.

И вот наступает 1881 год. Русская делегация отправляется в Болонью на II конгресс: в ее состав включен Карпинский. Делегацию приветливо встречают, возят на экскурсии по городу, показывают дворцы, палаццо с причудливыми башнями, зубчатыми стенами... Карпинский охотно участвует в экскурсиях, посещает Академию художеств с ее прекрасной коллекцией старых итальянских мастеров, любуется «Святой Цецилией» Рафаэля...

26 сентября открытие конгресса в здании Болонского университета, который готовится отметить свое тысячелетие. На другой день начинают работать подкомиссии по унификации геологических обозначений и геологической номенклатуры. Карпинский выступает с докладами и в той и в другой. 2 октября конгресс закрывается, а 5-го объявляются итоги конкурса. Три проекта удостоены премий — Карпинского, французского ученого Малляра и швейцарца Гейма.

Проходит еще некоторое время, и становится известным, что в основу сводной таблицы номенклатур положен проект Карпинского.

Номенклатурой этой геологи пользуются до сих пор.

В Болонье Александр Петрович познакомился и установил дружеские отношения с учеными разных стран. Вскоре завязалась обширная

переписка, он поддерживал ее до конца жизни.

Обретя свой «язык», геологи могли приступить к созданию международной геологической карты.

Глава 9

Геологический комитет

Однако в России по-прежнему не существовало организации, которая руководила бы таким сложным делом, как картирование. Картировались отдельные районы в зависимости от надобности в том; единых принципов не было, не было должной проверки, тем более государственного надзора. И снова выплыло название «Геологический комитет»... Теперь появилась как бы внешняя побудительная причина к его созданию. Россия должна была внести свою лепту в создание европейской геологической карты.

И снова престарелый генерал Гельмерсен зачастил на Сенатскую площадь в Министерство государственных имуществ; и вновь там попросили представить проект будущего учреждения, каковой немедленно и был представлен, поскольку всегда находился в портфеле Григория Петровича. Оказывается, он с ним никогда и не расставался; время от времени вынимал, перечитывал, вносил поправки. И вновь, как в прошлые годы, курьеры принялись носить проект по этажам и кабинетам министерства, и на заглавном листе стали появляться резолюции и витиеватые росписи; когда же в самом важном и высоком кабинете эти резолюции разобрали, то оказалось, что все они носят одобрительный характер. Поверх прежних резолюций появилась еще одна, самая важная и витиеватая, однако мы слишком поторопились бы, решив, что это последняя. Курьер отнес проект к писарям, и те его переписали во многих экземплярах, после чего другие курьеры, взяв каждый по экземпляру, посетили квартиры геологов и чиновных лиц, причастных к геологии, и пригласили принять участие в совещании по обсуждению проекта, экземпляр коего прилагался к приглашению.

Созывалось, так сказать, учредительное собрание.

Оно собралось и принялось обсуждать проект пункт за пунктом. На трибуну выходили ораторы, но, сколько ни старались они, ни одного дополнения, исправления или изменения ни в один из пунктов внести не смогли. Проект был безупречен.

И тогда он был направлен на высочайшее утверждение; его повез сам министр. И появилась еще одна наиважнейшая и витиеватейшая подпись, после чего все поняли: свершилось. Геологический комитет учрежден!

Видно, приспел его час появиться на свет!

15 марта 1882 года вошло в историю русской геологической службы

как знаменательная дата. В этот день состоялось первое заседание Геологического комитета. Дирекция Горного института любезно предоставила две комнаты в левом крыле. Сюда и пришли члены Присутствия, списки коих были утверждены Министерством государственных имуществ без распределения по должностям. Это им самим предстояло выяснить. За исключением Гельмерсена. Накануне он получил уведомление о назначении его директором. Против этого, разумеется, никто возражать не стал. Мы, наверное, не погрешим против истины, если скажем, что Григорий Петрович был счастлив. Он отдал делу создания Комитета столько сил, столько лет ждал этого часа...

Он сидел в центре стола, счастье его было видно всем, и оно было тихим, умиротворенным и задумчивым. По правую руку от него сел Ерофеев. Усы его грозно вздувались, и он сердито вытирал лоб; чем торжественней было на душе у него, тем свирепей и непреклонней оглядывали пространство поверх голов и стен его узкие степные глаза; по виду он был чем-то недоволен. Его соседом справа был профессор Мёллер, палеонтолог; к его консультации прибегал Александр Петрович, когда нуждался в уточнении видов уральских ископаемых животных. Через несколько лет Мёллер станет директором Горного института. Мёллер бесстрастен, высок, сух, деловит и молчалив; он не выказывает нетерпения. Напротив, профессор Романовский шумно торопит: пора начинать! Кого ждем? В последнее время Геннадий Данилович прихварывает, и присущее ему благодушие все чаще его покидает; порою он желчен и раздражителен.

Чуточку отстранясь и вроде своим кружком сидят Кокшаров, Еремеев и Иностранцев; тут царит другое настроение. Веселый Николай Иванович успел рассказать анекдот из светской жизни. Павел Владимирович рассмеялся, быть может, чуть раньше времени. Иностранцев, университетский профессор, постукивает папироской о коробку, молчаливо испрашивая разрешения закурить; он слушал Кокшарова вежливо, но с едва заметной усмешкой. Итак, все в сборе. Но где же наш герой? Он скромно примостился с краю стола; по возрасту ведь он самый молодой здесь... Григорий Петрович прокашлялся... Воцарилось молчание, и он объявил первое заседание Присутствия открытым.

Тут произошла маленькая заминка. В каждом заседании, особенно первом, кроме председателя, необходим и секретарь, дабы занести на бумагу речи, которыми соблаговолит обменяться присутствующие; того требует история, таковы наконец требования порядка. Само собой, никто бы не посмел назвать обязанности секретаря хоть сколько-нибудь унизительными, но вместе с тем нельзя отказать им в некоторой

обременительности. Только успевай записывать, что говорят другие, а уж самому выступить — о таковой чести (на первом-то заседании!) мечтали, наверное, все — и не помышляй! Заминка грозила перерасти в замешательство, но тут из того угла, в котором примостился наш герой, послышалось некое движение, тихое и уверенное. Все взоры обратились туда. Не произнеся ни слова, Александр Петрович подвинул к себе стопку бумаги и стаканчик с очиненными карандашами. И первый в истории протокол первого заседания Комитета (и многих последующих, надобно отметить) писан рукой Карпинского.

Главное, что предстояло обсудить собравшимся, был весьма деликатный вопрос: заполнение штатных должностей, избрание из числа присутствующих известного количества старших и младших геологов. По уставу, должность в Геолкоме можно было совмещать с исполнением обязанностей в университете, институте или любом другом государственном учреждении. Иными словами, любой академик или профессор, став штатным сотрудником комитета, получал солидную надбавку к жалованию. Ничего удивительного и зазорного не было бы, если бы между претендентами развернулась борьба. Григорий Петрович раздал заготовленные бюллетени: на них выписаны были фамилии баллотировавшихся; в старшие геологи баллотировались девять человек. «Господа, урна в соседней комнате, соблаговолите пройти и опустить...» Однако не успел председатель объявить, что кандидатов 9 на 3 места, профессора Романовский, Еремеев и Иностранцев попросили снять их кандидатуры: они согласны работать в Комитете без всякого вознаграждения. Их фамилии были вычеркнуты, и уж некоторые избиратели потянулись к урнам, но тут встали Шмидт и Докучаев. Оба большие знаменитости, первый академик, стратиграф, второй почвовед, профессор. Они тоже просят не считать их в числе претендентов.

Теперь оставалось всего четверо баллотирующихся, и с выборами было покончено в пять минут. В старшие геологи прошли Карпинский, Мушкетов и Никитин. В младшие — Домгер, Краснопольский, Чернышев.

Когда волнение улеглось, председатель зачитал в ы с о ч а й ш у ю волю, то есть документ, излагающий, что же Геологическому комитету согласно мнению государя императора надлежало исполнять. А выражалась высочайшая воля в следующем: 1. Систематическое исследование геологического строения территории России. 2. Составление и издание подробной геологической карты. 3. Собираение систематической коллекции горных пород и минералов. 4. Содействие другим ведомствам, а также частным лицам по всем вопросам геологии.

Программа обширная. Геологическое исследование территории России! Но три старших геолога и три младших вкуче с членами Присутствия не унывают. Еще раз поздравив друг друга с началом работы, они расходятся по домам...

Да простит нас читатель, но последующие три года деятельности Геолкома мы обозрим бегло — и не потому, что это были плохие годы — нет! Но они имеют скорее отношение к истории указанного учреждения, нежели к биографии Карпинского. Геолком ведет изыскания по линиям проектируемых железных дорог. Домгер вдоль трассы Екатерининской дороги. Шмидт на Псковско-Рижском направлении, а Никитин на Гомель-Брянском.

О создании Геолкома и о его программе широко известили газеты, и вскоре в адрес Комитета начали поступать предложения от частных фирм. Иркутские золотопромышленники изъявили готовность на свои средства содержать отделение Геолкома; тот запросил мнение Восточно-Сибирского отделения Императорского Географического общества. Завязалась переписка; она тянулась несколько лет. Все же Геолком уклонился от сомнительной чести отдать на содержание промышленникам филиал (хотя в таковом очень нуждался и впоследствии стремился к учреждению своих отделений по всей стране). Научной работе нужна свобода.

Геолком приступает к созданию н а у ч н о г о плана изучения страны. Проект плана передается гласности, окончательная редакция утверждается Присутствием 4 апреля 1883 года. Масштаб для составления геологической карты принимается десятиверстный: при общей обзорности он довольно подробен. Кроме того, к нему имелась топографическая основа — в таком масштабе была составлена карта Генерального штаба армии. Для составления же десятиверстной карты вся территория Европейской части, картирование которой предполагалось в первую очередь, делилась на девять регионов: Балтийский, Днепровский, Волго-Донской, Крымско-Кавказский и другие.

Земли империи классифицируются по степени изученности; необходимо ясно представить уровень геологических знаний по той или другой губернии. Карпинский чертит карту изученности Европейской части; он же вместе с Никитиным сочиняет особую инструкцию для лиц, «командируемых Геолкомом для систематического исследования строения России и составления ее геологической карты». Очень важный документ! Он ликвидирует разноречивость в изыскательских работах; это нечто вроде государственного стандарта.

Издание инструкции тем более своевременно, что многие

частновладельцы ведут самовольные изыскания по своей земле и из-за неумелости портят залежи.

Словом, деятельность Геолкома разворачивается все более широко. И на фоне кипучей и молодой этой деятельности становится явственнее старческая немощь директора. Он часто болел, пропускал заседания. То бы еще не беда. Беда в том заключалась, что он все забывал. Ему подавали протокол предыдущего заседания (старательно переписанный неким молодым профессором), он кивал: «Да, да, верно. Надо переговорить с таким-то, съездить к такому-то...» И забывал...

И однажды он попросил минутку внимания и обратился к подчиненным с недлинной речью: «Дорогие и снисходительные коллеги мои! Если бы я за всю свою жизнь одно бы только то и сделал, что создал сей славный Комитет, то имел бы надежду в душе, что отечество признает жизнь мою ненапрасной. А теперь я стар. Я устал. И нынче подал я министру, прошение об отставке. Оно принято. Так что великодушно извините меня и прощайте». Весьма возможно, что и не такие слова произнес Григорий Петрович, но смысл был таков. Гельмерсен удалился на покой.

Место его занял Ерофеев.

К сожалению, совсем ненадолго. Так что сотрудники не успели толком разобраться, каков новый начальник. Морозным январским днем 1885 года в кабинет Карпинского при кафедре вбежал Чернышев: «Скорее... Александр Петрович, с нашим плохо...» С Ерофеевым случился удар.

На другой день он скончался, не приходя в сознание.

Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей посвятило ближайшее свое заседание памяти Ерофеева; Карпинского как близко его знавшего попросили зачитать некролог.

4 февраля 1885 года, не пережив и месяца своего друга и преемника на директорском посту, умер Гельмерсен; он не столько болел (конечно, врачи находили у него разные хвори и лечили их), сколько угасал, вполне сознавая это.

Геолком почел нужным посвятить его памяти специальное заседание; Карпинский опять-таки спешно написал некролог. В нем отмечалось так всех умилившее и поразившее мужество Григория Петровича перед лицом смерти и в этой связи припоминалась трагическая история, случившаяся с Гельмерсеном десять лет назад. За три дня до юбилея по поводу 50-летия научной деятельности пропал его сын; накануне юбилея подтвердились наихудшие опасения: утонул, купаясь в реке. Отменять празднование было поздно; наутро явились поздравители. И Гельмерсен, как пишет

Карпинский, «вынужден был принимать их в таком состоянии...».

Чтобы уж покончить с темой «ранних» некрологов Александра Петровича, придется коснуться еще одного. Как помнит читатель, в числе младших геологов Геолкома был Домгер, всего тридцати лет от роду. За три года Валериан Александрович завершил интересное исследование стратиграфии девонских отложений. «Еще 8 января 1885 года совершенно здоровый, веселый и бодрый занимался до позднего вечера и был доволен успешным ходом работы, но подкрадываясь ночью мучительная болезнь не пощадила этого полного сил и надежд 33-летнего человека, и в 7 часов утра Валериана Александровича не стало...»

Таким образом, в Геолкоме оказались вакантными сразу две должности из восьми: директора и младшего геолога. На последнюю предложили баллотироваться Александру Октавиановичу Михальскому, делопроизводителю и консерватору; он прошел единогласно (освободив соответственно свое место). С должностью директора было сложнее; в министерстве и Горном департаменте обсуждали разные кандидатуры. В конце концов выбор пал на Александра Петровича. 25 февраля 1885 года последовало высочайшее утверждение его в этой должности.

На должность же делопроизводителя новый директор сразу же пригласил молодого человека, два года назад блестяще закончившего Горный институт, но не пожелавшего по каким-то своим соображениям уезжать из Петербурга — Евграфа Федорова. Тот охотно согласился — никак не мог сыскать себе службы — и счел 1885 год необыкновенно для себя удачным. Ведь в этом году после долгих мытарств ему удалось пробить в печать свою книгу «Начала учения о фигурах».

Пройдет немного лет, и эту книгу назовут великим математическим сочинением и поставят в один ряд с творениями Эвклида и Лобачевского.

Таким образом, в составе Геолкома собралось подлинное созвездие талантов. С приходом Карпинского на пост директора начался расцвет этого необыкновенного учреждения.

Глава 10

Русская геологическая школа

Работа, проделанная Геологическим комитетом, так велика, что, обозревая ее, забываешь о смехотворном, анекдотически крохотном штате его сотрудников и мизерном годовом бюджете в 30 тысяч рублей. Деятельности Геолкома посвящены солидные научно-исторические исследования, немалое количество статей, не говоря уже о бесчисленных упоминаниях, о разного рода публикациях; история этого учреждения, по сути, не прерывается по сей день, поскольку Геолком послужил основанием разветвленной сети геологической службы в нашей стране. Но с самого начала он становится средоточием геологической мысли, геологической науки — да и могло ли быть иначе? Одно составление геологической карты Европейской России, оставаясь, как само собой понятно, практическим мероприятием, было в то же время и решением огромной теоретической проблемы; теоретические вопросы непрерывно возникали по ходу практической работы; решать их могла только наука.

Спору нет, наука развивалась и в Горном институте, в Петербургском и Московском университетах; там были блестящие имена и сильные кафедры. Но никто не ставил перед ними цельной, многообъемлющей научно-практической задачи; они занимались разработкой отдельных, пусть тонких, сложных и труднодостижимых, но отдельных проблем; недаром же университетские и институтские ученые сами потянулись к Геолкому, и тот, конечно, охотно принимает их услуги. Они почуяли в нем объединяющую силу. Почитается за большую честь быть «прикомандированным» к этому учреждению. Геолком лишь после тщательного отбора принимает «командированных» — прежде всего из-за малой своей платежеспособности, что еще больше поднимает его престиж.

Геолком сыграл неоценимую роль в жизни Карпинского; Александр Петрович вошел сюда в ту пору жизни, когда звезда его только начинала всходить, оставил же его признанным главой русской геологической школы. Обычно это понятие не расшифровывается; Карпинский, глава русской геологической школы — словосочетание стало трафаретным в литературе, ему посвященной. Некоторые биографы пытаются подвести под это понятие всю совокупность научной, преподавательской и практической деятельности Александра Петровича. Так поступает, например, профессор Ю.А.Косыгин в брошюре «Академик

А.П.Карпинский — основатель школы русских геологов». Но сказать так значит отмахнуться от темы, не раскрыв ее.

Совершенно очевидно, что русская школа геологии сложилась и окрепла в стенах Геолкома; здесь прошли подготовку поколения испытателей природы. Здесь властвовала научная свобода и с ней вместе дух братства и дружеского научного соперничества. Споры никогда не перерастали в распри, дисциплина признавалась всеми, а не насаждалась сверху. По-видимому, малочисленность состава (при его блистательном профессионализме) только способствовала созданию духа здорового коллективизма.

Не будем упускать из виду и хорошо продуманную систему материального вознаграждения. Старший геолог, состоящий на полном содержании, получал 3 тысячи рублей в год (1500 жалованья плюс 750 столовых плюс 750 квартирных; если же он получал содержание по другой занимаемой должности, что вполне допускалось, то — 1500 рублей). Младший геолог — 1500 (800 + 350 + 350), консерватор — 1200. Директор — 1800 (полагалось, что основное содержание он будет получать по другой должности). Одним словом, место в Геолкоме было из разряда тех, коим стоит дорожить.

Итак, главнейшая заслуга Геолкома в создании русской школы геологии.

Великие дела и великие начинания Геолкома (начинания всегда неспешные, будто директор знал, что детищу его предстоит жизнь долгая, и всегда найдется на этом нескончаемом веку время вернуться к загадке, что не удалось разгадать прежде, к затее, что пришлось оставить), великие плоды — они видны сверху, с высокого огляда, когда берешь под обзор многие годы работы. Но когда начинаешь разбираться в горах документов, запечатлевших повседневные дела Геолкома, то, разумеется, никаких притязаний на то, чтобы создать школу, создать что-либо великое, не находишь; впрочем, сразу бросается в глаза, что это был великолепно налаженный механизм. И деятельность директора к тому, кажется, только и сводится, чтобы ничего не менять в механизме и поддерживать его работу без перебоев.

Прежде всего надо обзавестись хозяйством, в частности книгами. Библиотека Барбота де Марни, которую Александр Петрович когда-то осматривал на предмет перевода в Горный институт, перешла в собственность Комитета за две тысячи рублей в рассрочку на два года. Закуплена была также у дочери Гельмерсена его библиотека. В Геолком, узнав о нужде в литературе, приносили и присылали книги геологи.

Каждая такая заносилась в протокол, а дарителю выражалась письменная благодарность от Присутствия.

В конце концов мировая геологическая классика и ценнейшие современные издания, необходимые для работы, оказались в распоряжении Геолкома. Теперь необходимо было наладить библиотечное дело; должности библиотекаря предусмотрено не было. Обязанности взял на себя — на общественных началах, как сейчас бы выразились, — Сергей Николаевич Никитин, один из корифеев Геолкома, не раз впоследствии представлявший отечественную науку на международных форумах. И поставил образцово. Снесся с научными библиотеками иностранных академий и геологических служб и договорился обмениваться изданиями; таким образом, в Геолком практически стала поступать — опять же употребляя современное выражение — текущая информация со всего мира. То же самое проделано было с российскими университетами и — научные библиотеки к такому прибегали впервые — редакциями губернских ведомостей. Газеты печатались во всех губерниях; зачастую в них попадали сведения о местных рудных залежах, самородках, масляных пятнах на снегу, могущих свидетельствовать о подземных нефтяных источниках, и так далее.

Всю эту обильную литературу надлежало быстро прочитывать и извлекать из нее нужное. Никитин предлагает рефераты и научные обзоры печатать в виде книжек — так родилась знаменитая «Русская геологическая библиотека». Упорядоченная сводка всех публикаций на геологическую тему. Выпускалась она одним человеком, к тому же загруженным главной проблемой — составлением карты Европейской части, где ему были поручены ключевые листы; по полгода он проводил в экспедициях.

Бюджет Геолкома предусматривал свободное перемещение средств из одной статьи в другую, экономя на всем. Присутствие изловчилось обзавестись набором измерительных приборов, правда, небогатым: четыре анероида, четыре горных компаса, две буссоли, два эклинометра и восемь термометров. Не хватало микроскопов; после диссертации Карпинского (и работ Иностранцева, добавим) они вошли в обиход при петрографических исследованиях. В конце концов удалось приобрести и их.

Пример Никитина с обменом книг показался соблазнительным; Присутствие осведомилось у иностранных и отечественных корреспондентов, нельзя ли наладить обмен каменного фонда. Согласились все. Коллекция пород, минералов, палеонтологических остатков стала быстро пополняться. Разумеется, двух комнат, выделенных «от щедрот

своих» Горным институтом, давно и катастрофически не хватало. И вот в протоколах появляется запись благодарности все тому же Горному институту за предоставленное «отдельное прекрасное помещение, состоящее из зала, в котором находится коллекция Комитета, больших комнат для библиотеки и канцелярии, комнат для занятий геологов и других».

Летом «прекрасное помещение» пустело.

Уезжал сам директор — и всегда с охотой, весело. Старшая дочь Евгения запомнила эти отъезды; через много лет писала о них:

«Отдыхом он считал летние научно-исследовательские поездки на Урал, в который был буквально влюблен. Он ездил на Урал систематически в течение 20 лет. Нагрузив рюкзак инструментом и продовольствием — полтора пуда груза, лазил по горам, бродил по уральской тайге, собирал образцы пород. Так он проводил два-три месяца подряд в тяжелой бивачной обстановке, лишенной элементарных удобств. Его помощником всегда был лишь один рабочий. Они вместе делили все невзгоды и радости. Работали и жили как лучшие друзья. Уральские спутники не раз рассказывали:

— Заберешься в палатку на ночлег. Проснешься ночью и смотришь: Александр Петрович сидит и все пишет свой дневник...

Эти исписанные мелким почерком дневники завоевали отцу славу всемирного исследователя-ученого».

Не следует думать, что другие путешествовали в более комфортабельных условиях; собственно, об у с л о в и я х просто даже и не думали — рассчитывали, как подобраться к такому-то кряжу, взобраться, обогнув его, и возвратиться до того, как ляжет снег; как переплыть озеро, залив; самим ли вязать плоты либо на месте выпадет удача нанять работника; как доставить каменный груз в Петербург; сколько собачьих упряжек (или подвод) понадобится, по какой цене... Сухие протокольные записи сохранили, например, «порядок следования» экспедиции Чернышева на север; в ней участвовал знаменитый астроном Баклунд (проводил наблюдения за Солнцем и заодно устанавливал точные координаты местности, которая на карте тогда закрашивалась белой краской).

«...Дождавшись окончания дождей, подошли к Усть-Пинеге... Мезенскую губу пересекли на лодках. 15 мая отправились далее по реке Пезе. Через 11 дней добрались до волока между реками Рочугой и Цыльмой. В е с ь б а г а ж п е р е т а щ и л и н а с е б е. 4 июня на лодках подплыли к Косминскому озеру». Здесь отряд разделился. Баклунд остался

на берегу распаковывать аппаратуру и готовиться к наблюдениям. Часть людей пустилась пешком по берегу моря от устья Пеши до устья Индиги. А Чернышев с одним из рабочих перевалил Тиманский кряж и поплыл на лодке по рекам Волоковой и Суле.

Чернышев составил прекрасную монографию по Тиманскому кряжу; конечно, об у с л о в и я х в ней ни звука: не принято...

Драматично протекало путешествие Никитина по Устюрту. За его отрядом увязалась шайка степных разбойников, выжидая момента для нападения. Сергей Николаевич время от времени палил в воздух, показывая, что вооружен и жизнь даром не отдаст. Разбойники перекрывали тропы к колодцам. Пришлось вернуться в форт Александровский; здесь его отряду дали охрану: 20 казаков при офицере, переводчике и фельдшере.

Они пересекли плато и дошли до Хивы.

Геолкомовцы брались решать огромные задачи, не страшась ни малости своих средств, ни опасностей — шли в одиночку и добивались своего! Героизм? Если б они хоть на минуту задумывались о том...

Возвратясь, отчитывались — чем же? Работой! Коллекциями, собранными в дороге, чертежами, пикетажными книжками. Наконец, статьей, монографией, трактатом, новой теорией — что уж получится, судя по материалу, — печатной продукцией, которая непременно завершала экспедицию.

Печатная же продукция Геолкома была двух родов. Публиковались «Известия Геологического комитета» и «Труды». Принято было за правило — и Карпинский строго его придерживался, — что вся деятельность Присутствия будет протекать открыто, никаких тайных распоряжений, сговоров, заседаний. Мало того. Протоколы, переписка: с иностранными академиями, правительственными учреждениями, даже с частными лицами — должны обнародоваться. Вот эту-то функцию и выполняли «Известия». Там же помещались небольшие статьи. Уже через два-три месяца после возвращения из экспедиции геолог мог видеть в печати свои первые (а иногда и окончательно оформленные) научные выводы — оперативность, которой могут похвастать немногие современные издания! Научный вывод становится не просто поощряемым, а обязательным итогом экспедиционной работы; «пробиваться в печать» не приходилось.

Монографии отдавались в «Труды». Разборчивый шрифт, много «воздуха» на странице, множество рисунков, хромолитографий, карт — то были добротные книги! Недаром дважды на международных выставках — в 1893 году в Чикаго на так называемой Колумбовой и в 1897-м в Брюсселе

— издания Геолкома удостаивались медалей и почетных дипломов. «Труды» тоже выпускались регулярно, по несколько книжек в год; томик к тому же — сейчас, перебирая их, видишь, как углублялось познание земли российской...

Интересно проанализировать почту Геолкома. Большинство писем содержало просьбы о геологическом осмотре местности, и директору не представляло труда проникнуть в то, что стоит за просьбой: искренняя ли заинтересованность вскрыть подземные богатства или поднять стоимость того или иного участка. Отказов почти нет: Геолком старается поощрить геологические наблюдения. Вот письмо от некоего дворянина Рышкова Духовщинского уезда Смоленской губернии. Он описывает, какие породы увидел, гуляя по окрестностям села Антипина. Обращается непосредственно к директору — и тот не перепоручает ответить, пишет сам. «Породы свидетельствуют о нахождении железных руд в виде бурого железняка и глинистого сферосидерита». Однако трудно ожидать практических результатов от разведки.

Другое письмо. Оно имело серьезные последствия.

«Согласно ходатайству Общества охранения народного здоровья. Медицинский департамент с разрешения г. Министра Внутренних дел имеет честь покорнейше просить Геологический комитет о выборе опытного геолога для исследования геологических условий Липецких минеральных источников».

Выбран был Мушкетов; через некоторое время появился его превосходный «Геологический очерк Липецкого уезда» с мастерским описанием минеральных источников. Он не первый коснулся законов распространения подземных вод, раньше его изучал их на Кавказе Герман Абих. Но опыт накопился — и Никитин решается на гидрогеологическое исследование всей Калмыцкой степи; Мушкетов берется ему помогать. Подобных по размаху гидрогеологических исследований еще не проводилось. (Кажется, так недавно видели мы Никитина в Хиве, измученного долгим походом. Вроде бы и отдохнуть не успел... Геолкомовцы не засиживались в кабинетах.)

Когда было выполнено и это обширное исследование, то наблюдений накопилось так много, что можно было осмелиться и на теоретические обобщения. Возникло учение о подземных водах. Нынче историки науки по праву считают Никитина и Мушкетова основоположниками этой научной дисциплины.

В 1891 году, как известно, Россию поразила страшная засуха; Геолком поспешил откликнуться на народную беду: развернул гидрогеологическое

изучение Кубани, надеясь отыскать артезианскую воду, которой хватило бы на орошение полей. Это потребовало углубленного изучения почвы как геологического образования и среды обитания растений и животных. Почвенные исследования и раньше проводились Геолкомом. Знаменитый почвовед Докучаев состоял членом Присутствия и публиковал в «Трудах» статьи. Но Геолкому при его-то штате вести большие почвенные исследования, каких требовали безмерные пространства страны, было, конечно, не под силу. Еще в 1887 году трижды — 5 февраля, 26 марта и 13 ноября — Карпинский проводил конференции, посвященные, как значилось в протоколах, «организации почвенных исследований в России». В них, кроме членов Присутствия, принимали участие тогдашние светила почвоведения профессор П.А.Костычев, профессор А.В.Советов. Карпинский выступил с подробным докладом о состоянии почвенных исследований, Докучаев представил записку об учреждении Почвенного комитета.

В 1891 году Карпинский добился создания «комиссии по выработке проекта Почвенного института». Организация почвенных исследований в России, столь необходимых народному хозяйству, целиком обязана энергии Карпинского.

Но это побочные занятия Геолкома!

А главное — создание карты Европейской части России.

Западные коллеги торопили. Им-то требовалось всего только увязать между собой, «состыковать», листы; геологическая основа существовала. В большинстве же губерний России съемка вообще еще не проводилась.

В картировочной работе участвовали все; она проводилась на Украине, в Прибалтике, Поволжье. Осенью съезжались один за другим обветренные, худые, шумно радовались огню в печи, потолку над головой, легкой одежде на себе; вываливали на стол тяжелые пакеты с образцами, рулоны миллиметровой бумаги... И вновь по пятницам в три часа пополудни собиралось Присутствие, подавался чай — непременно чай, этого требовал Карпинский, и он усаживался на председательское место, кряжистый, неладно скроен, да крепко сшит, говорил он о себе, улыбочивый, спокойный... Неторопливо подвигал стул массивный Фридрих Богданович Шмидт, академик. Родом из Эстляндии, он всю жизнь посвятил изучению Прибалтийского кристаллического щита, слыл непревзойденным знатоком силурийской фауны. Непоседливый Чернышев, куривший папиросу за папиросой, рассеянный, добрый, с непропорционально большой головой на слабом туловище, вскакивал, ходил по комнате, спорил, снова садился. Мушкетов все что-то писал, разворачивая чертежи, вглядывался,

откладывал в сторону...

Приходили на заседание молодые геологи, «прикомандированные», стажеры. Школа ведь не может без учеников...

В разное время в этой роли перебивали Лутугин, Михайловский, Юзбашев (впоследствии добившиеся большой известности). А к самому краешку стола, к тому самому, где когда-то сидел, протоколируя, нынешний его превосходительство господин директор, присаживался и, придвинув карандашницу, — смирения, вернее, делая вид, что смиренно, стараясь остаться неприметным, что ему плохо удавалось, потому что, как только он входил в комнату — торопливо, угловато, думая о чем-то своем, — он становился приметен всем: невысокий, черноглазый, чернобородый, временами странно диковатый — делопроизводитель и консерватор Федоров.

Молча строчил, не переспрашивая, не прося говорить помедленнее. На другой день ему надлежало переписать на чистовик, поднести на подпись, отправить с курьером в типографию...

Глава 11

Ордена и аммоinei

Из сказанного в предыдущей главе о Геолкоме (а охвачена, разумеется, лишь часть его деятельности) читателю, вероятно, ясно, что он весьма скоро после своего возникновения начал играть значительную роль в народнохозяйственной и научной жизни России. И когда стукнул десятилетний юбилей, в его адрес поступили многочисленные приветствия, в том числе и из-за рубежа. О том стало известно господину министру государственных имуществ, и он счел необходимым пригласить Александра Петровича Карпинского и в беседе слегка его пожурить. Что ж, дескать, скромность, конечно, украшает, но дата располагает к торжествам, и некоторые мероприятия не были бы лишними.

Какие? Ну, допустим, особое заседание с приглашением почетных гостей и товарищеским ужином в конце. Доклад. Оглашение адресов. Мало ли чего. Выставка, например. Да! Выставки нынче так распространены по всему свету. Разве Геолкому нечего показать? Есть? Так отчего и не продемонстрировать публике?

Все было исполнено: и доклад, и оглашения, и тосты... Гости остались чрезвычайно довольны, но более всего им понравилась экспозиция — сами геолкомовцы считали ее скромной: несколько шкафов, полки, к стенам кое-чего прикрепили... Однако на гостей, в особенности на тех, кто видел такое впервые, она произвела большое впечатление. Какие самоцветы! Бог мой! И все наше, российское? Нефть в сосудах... Кристаллы серы... Самородки золота! Настоящего? Можно потрогать?.. А карты! Что за карты! Прямо художественные произведения.

Министр был в восторге и на следующий день, ожидая приема в Аничкином дворце, не мог в досталь нахвалиться министрам, скучавшим, как и он, в приемной в ожидании вызова в кабинет государя. И в кабинете, уже закончив доклад, он не удержался и вспомнил вчерашнее... Вернулся он в министерство несколько чем-то обеспокоенный и тотчас послал за господином директором Комитета. «Вы знаете, — начал он, — доброе отношение государя к вам, чему я только что получил еще одно доказательство. Его величество весьма заинтересовался юбилеем вверенного вам учреждения и даже изволил намекнуть о своем добросклонном желании лично...»

Тут министр нагнулся к самому уху директора и прошептал несколько

фраз, после чего, отпрянув, заключил:

— Надеюсь, у вас все будет подготовлено наилучшим образом?

Прошло несколько дней, и в одно, несомненно, прекрасное утро (зима выдалась вьюжная, но накануне поутихло, подморозило, далеко разносился скрип шагов) к внушительному подъезду Горного института подкатил санный поезд. Однако нам нет надобности описывать визит, воспользуемся записью в журнале Присутствия.

«24 февраля 1892 года состоялся Высочайший осмотр работ Геологического комитета. В присутствии Министра Государственных имуществ статс-секретаря М.Н.Островского, г. товарища Министра статс-секретаря В.И.Вешнякова и директора Горного департамента К.А.Скальковского при участии директора Геологического комитета и старших геологов Государь Император, оставшись совершенно доволен осмотренными работами, изволил изъявить, кроме признательности и Монаршей благодарности упомянутым высшим чинам ведомства, Высочайшее благоволение Директору Комитета Карпинскому, старшим геологам Никитину, Мушкетову и Чернышеву, а также всем чинам, принимавшим участие в означенных работах».

Прошло еще несколько дней, и министр снова пригласил Карпинского и после обсуждения накопившихся дел, понизив голос, доверительно сказал, что с соображения государя императора он, министр, делает представление его, Карпинского, к очередной награде... От представления до награждения срок уже значительно больший, но все-таки настал день (весенний и тем более прекрасный), и Александр Петрович, вернувшись домой в парадном мундире, протянул Александре Павловне свернутый в трубочку лист, с которого свисала на цветном шнурке сургучная печать. Мы имеем возможность развернуть лист (он хранится в архиве) и прочесть:

«Мы, Александр Третий, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский, нашему действительному статскому советнику Александру Карпинскому.

В воздаяние отлично усердной службы вашей и особых трудов по засвидетельствовании начальства и согласно удостоению Комитета Министров Всемиловнейше пожаловали Мы вас Указом в 13 день мая 1894 года Капитулу данным Кавалером Императорского ордена нашего Святого Станислава I степени».

Действительный статский советник — чин, соответствующий генерал-майору в армии, контр-адмиралу во флоте и гофмейстеру в придворной иерархии; чин немалый, не так ли? Мы можем развернуть и другие листы и

узнать, что, кроме Станислава I степени, у него уже был Станислав II степени, а также Владимир III степени и «Святая Анна» II и III степеней.

На том и завершились юбилейные торжества — и как же приятно было вновь погрузиться в деловую и налаженную суету Геолкома, которая, впрочем, и не прерывалась. И нам с читателем предстоит также окунуться в нее, но, чтобы не повториться и не множить сведений об успехах Геолкома, расскажем о том, как спорили между собой сотрудники. Да, такие явления случались. В частности, младший геолог Краснопольский выступил... против директора. Не против его каких-либо распоряжений или, как сейчас называют, стиля работы, нет. Против его теории переходности слоев.

Для этого Краснопольский воспользовался «Объяснительной запиской» к 126-му листу карты, составленной им. Такие «записки» прикладывались к каждому листу карты и содержали авторское толкование геологического строения местности, но никогда не служили для полемических выпадов. Существовали для того научные журналы. Краснопольский обошел традицию. Он никак не желал признавать возможность существования пластов, относимых к двум системам, и потому термины типа «пермо-карбон» считал абсурдными. Это был удар по артинскому ярусу с его переходным характером.

Краснопольский прибегает к остроумному сравнению. Представим, пишет он, что археологи разрыли курган; в нем монеты «двух последовательных царствований». Как датировать возраст кургана? «Очевидно, время сооружения кургана определяется монетами последнего царствования, хотя бы они находились в ничтожном количестве. Зная местные условия жизни (близость от торговых и административных центров и пр.) народа, соорудившего курган, можно составить себе представление о том, в начале или в конце последнего царствования сооружен был курган».

Не так же ли, дескать, с артинским ярусом? Карпинский отыскал в нем пермские формы — превосходно. Это «монеты последнего царствования». Значит, его возраст — пермь. Критик сам чувствует «грубость этого сравнения», однако убежден, что оно «вполне применимо к нашим пермо-карбоновым осадкам».

Прежде чем рассказать, как парировал Карпинский выпад своего оппонента, небезынтересно взглянуть, как он вообще относился к научной критике и, в частности, к критике своих воззрений. Мы собрали из разных статей его на сей счет замечания. «Я не имею обыкновения, — признавался он, — писать какие-либо возражения или поправки, считая разногласия чрезвычайно полезными, а недоразумения хотя и вредными, но в скором

времени само собой устранимыми».

Невозможно согласиться с тем, что научные «недоразумения» устраняются сами собой в скором времени, однако факт, он так считал (хотя если взять в контексте, то утверждение получает не столь обобщенный характер — скорее имеется в виду неправильное толкование его, Карпинского, положений и вытекающие отсюда «недоразумения»).

«Идеи не пропадают, а вопросы приоритета большой цены не имеют», — бросает он в другом месте.

«Равнодушному к вопросам приоритета, мне все-таки трудно молчать в интересах истины...» — вот единственная побудительная причина для ответа.

«Научная критика только тогда бывает крайне полезной и желательной, когда она рассматривает значение каждого аргумента автора, приводимого как основание его вывода, и лишена голословных утверждений». Это-то положение и нарушает Краснопольский. Он рассматривает не каждый аргумент автора и теряет цельность восприятия. Применимо ли его сравнение с археологическими раскопками?

Увы, никак не применимо, парирует Карпинский. Это фунт аршином мерить. Оно бы еще подошло, ежели бы окаменелости были вымыты из более древних отложений. «Подобные случаи известны, но опытного геолога они не могут ввести в заблуждение: при определении относительной древности принимаются в соображение только новейшие ископаемые. В смешанной фауне формы древние продолжают жить совместно с новыми; в данные годы или царствования монеты предшествовавших лет не чеканятся».

«Насколько я могу понять, автор едва ли не склоняется к тому мнению, что вообще не нужно устанавливать какие-либо подразделения осадков переходного характера. Такого взгляда придерживаются и другие ученые, находя введение их в науку совершенно ненужными и потому вредными».

Другие ученые — это зарубежные геологи; в некоторых иностранных изданиях появились отрицательные рецензии на монографию, посвященную артинскому ярусу. Это нападки на эволюционные идеи в геологии; Краснопольский, таким образом, солидаризируется с антиэволюционистами. Оставить без ответа т а к у ю критику — значит уступить принципиальные позиции. «Никак не могу согласиться, что введение в науку понятия о переходных образованиях, — начинает свои возражения Карпинский, — было совершенно излишним; напротив, оно было плодотворно и способствовало уничтожению прежнего представления о системах как обособленных естественных группах».

Если вдуматься в эти строки, то мы легко установим, что Александр Петрович засчитывает за теорией переходности двойную ценность: первая — устанавливает истину (что само собой понятно), вторая — учит геологов по-новому рассматривать природные явления, разрушая в их представлениях остатки «катастрофизма» (теория Кювье, согласно которой между системами существуют резкие «перерывы»). Воспитанные в старых традициях исследователи не способны верно толковать некоторые геологические наблюдения; их умы не подготовлены к восприятию п е р е х о д н о с т и как реального природного явления. «По прежним понятиям, переходные отложения не должны были существовать, хотя изредка геологи старой школы и не обходились без них: но на действительное их значение, так сказать, закрывались глаза».

Поэтому-то «геологи, воспитанные прежней школой... не могут оценить всей важности исследований, направленных на отложения, выполнившие между собой промежутки между системами».

Теория переходности стала важной вехой в истории развития наших представлений о строении земли.

Может возникнуть вопрос: а не испортились ли служебные отношения между директором и его подчиненным после возникшей между ними полемики? Нисколько. Они еще много лет потом работали вместе, и, судя по всему, так же дружно, как и до дискуссии. Да и в ответе своем Александр Петрович счел неделикатным называть по имени оппонента — именно в силу служебных отношений (о чем читатель, конечно, мог и не подозревать!). Он называет его анонимно «автором листа 126... обширного и богатого по содержанию сочинения»!

Полемика тесно связана с работой Карпинского над артинскими аммонитами (ответ Краснопольскому составил одну из глав посвященного аммонитам палеонтологического трактата). Аммониты — из класса головоногих, обитали они в морях и имели свернутую в спираль раковину. Мягкое тельце животного помещалось во внешней части раковины — так называемой жилой камере; кроме жилой, в раковине было еще много «воздушных» камер, внутри которых (от самой начальной до жилой) проходила трубка («сифон»). Перегородки между камерами представляли собой изогнутую пластину и прикреплялись к раковине по сложно построенной линии («сутурной»). Перечисленные детали важны для распознавания групп аммонитов; мы все время употребляем глагол «были» — аммониты и аммонеи (и весь обширный класс аммоноидей, куда они входили) вымерли.

За четыре года до выхода в свет трактата Карпинского в Казани была

опубликована обширная монография профессора П.И.Кротова, также посвященная аммонитам. За четыре года... У Александра Петровича было время приостановить исследования и отказаться от темы, дабы не повторять результатов, уже достигнутых другим...

У него было достаточно времени, но он не остановился, не прервал своей работы и не изменил ее плана; он ввел в нее только многочисленные ссылки на предшественников (каковым, строго говоря, Кротов и не являлся, артинскими аммонитами Карпинский занимался, как помним, в 1873 — 1874 годах). Кротов привлек огромный эмпирический материал, в результате, как верно определил академик А.А.Борисяк, получилась «добросовестная, но заурядная палеонтологическая работа», которая «не только не делала излишней монографию А.П., а наоборот, она подчеркивала исключительные достоинства последней... Она была исполнена на биологической основе; именно работа об артинских аммонитах вводила в русскую палеонтологическую литературу онтогенетический метод изучения ископаемых».

Он не остановился, потому что у них с Кротовым были разные цели, хотя и пользовались они одним материалом. Казанский профессор погрузился в подробнейшие перечисления перегородок, сифонных воронок, лопастных линий и представил добротнейшие их описания, лишенные какой-либо идеи. Карпинскому аммоните нужны были не просто сами по себе. Он заметил в них одну прелюбопытную особенность. Изучив множество образцов от «недоразвитых» до обладавших совершенной формой, он выделил определенную повторяемость, которую проследить можно было как в индивидуальных особях (если так можно выразиться об окаменелостях), так и во всем роде в целом. Короче, ему удалось установить, что аммонит в своем развитии (индивидуальном, онтогенетическом) повторяет путь рода — филогенез.

И, как отмечал Карпинский, «среди исчезнувших, совершенно вымерших групп животных, по-видимому, нет таких, у которых изучение их онтогенетического развития и выяснения филогенеза было бы доступно с такой легкостью, как у аммонит».

Конечно, это весьма относительная легкость. Пришлось много потрудиться. Большинство артинских аммонитов относится к семейству пролеканитид; Карпинский впервые выделил три подсемейства, изучив которые пришел к выводу, что самым древним из них свойственна особая форма сифонной лопасти и двух боковых лопастей. Это наблюдение стало как бы путеводной нитью, она повела в глубь веков. Где-то в раннем девоне отыскан общий предок пролеканитид. В среднем и верхнем девоне у того

появилось несколько утолщений, или, как палеонтологи называют, «приращения боковых лопастей». Стали вырисовываться в е т в и развития; одна из них повела к роду «даралитес», другая — к роду «парапроноритес». Еще несколько усилий, и найдена новая ветвь, а она, в свою очередь, повела к роду медликотиний. Медликотинии распадаются на три группы, одна из них устанавливает связь между пермскими аммонейми и триасовыми (обычно генетические связи между ними не устанавливаются, поэтому наблюдение Карпинского очень важно).

Прекрасный пример того, как в работе Геолкома сочетались наука и практика. Лист 126 и объяснительная записка к нему — самая что ни на есть практическая геология, однако в ней подняты теоретические вопросы (вытекающие из практических требований: как толковать некоторые геологические наблюдения, с точки ли зрения теории переходности или нет). Палеонтологическая монография — «чистая наука» с «чисто» научными выводами о филогенезе пролеканитид, но в ней ответ на выпады оппонента, то есть задеваются и практические мотивы.

Но коли уж мы заговорили о ч и с т о й науке, обратимся вновь к личности, стоящей как бы особняком в геолкомовской дружной артели, к личности, которая могла бы составить величайшую славу Комитету, однако даже штатной должности геолога не могла для себя добиться, а долгие годы принуждена была удовольствоваться более чем скромной должностью делопроизводителя и консерватора, к личности, конечно же, Евграфа Степановича Федорова. Пора разобраться в отношениях между двумя великими деятелями русской науки — Карпинским и Федоровым, в отношениях сложных, изменчивых и развивавшихся на протяжении более чем тридцати лет.

Глава 12

Карпинский и Федоров

(опыт сравнительного жизнеописания)

Впервые в стенах Геолкома они встретились 28 марта 1885 года. Таким числом помечено уведомление о принятии Е.С.Федорова в Комитет временно исполняющим должность консерватора и делопроизводителя. «В.и.д.» — временно исполняющий должность — три буквы будут соседствовать с фамилией Федорова все десять лет его службы под начальством Карпинского.

За плечами Евграфа Степановича было 26 лет, прожитых деятельно и укрытно. Необыкновенное математическое дарование его открылось рано, семи лет. Случайно открыл он учебник геометрии, по которому занимался старший брат. Совершенно не подозревая, что леммы, аксиомы, гипотезы и теоремы требуют последовательного изучения на протяжении гимназического курса, «Графчик» проглотил их залпом — и был потрясен красотой и стройностью доказательств.

Шестнадцатилетним отроком приступает он к самостоятельному математическому творчеству. Задумывает колоссальное сочинение, впоследствии выпущенное им под названием «Начала учения о фигурах». «Пришел я к этой теме, — вспоминал он в конце жизни, — исходя из наслаждений, испытанных мной при ближайшем изучении изящных соотношений между геометрическими фигурами...» Редкое в устах ученого прошлого столетия признание эстетического начала в качестве импульса, побудившего к глубоким математическим размышлениям. Уже готовы впервые чертежи, уже выступают контуры будущей монографии, но неожиданно Федоров забрасывает построения и расчеты, как ему кажется, навсегда...

«Кому годны нынче формулы, чертежи? — рассуждает он. — Народ темен, забит и нуждается в помощи просвещенных людей». Он становится подпольщиком. По заданию революционеров уезжает за границу. Там созревает у него план издания нелегальной газеты. Вместе с друзьями организует подпольную типографию. Она расположена в Петербурге на Кирочной улице. Выпускает прокламации и газету «Начало».

Чудом спасается Евграф Степанович от ареста. Тревожное для него время. Он много думает о своей судьбе. Прав ли он, отказавшись от своего

призвания? В конце концов он решается вернуться к математике. Достает заброшенные тетрадки. Поступает в Горный — и с блеском заканчивает его, первым на курсе. Покровительствовавший молодому ученому профессор И.В.Мушкетов не советует ему уезжать из столицы, где можно пользоваться библиотекой и советами крупнейших математиков, и добивается для него места в Геолкоме.

Главное различие между Карпинским и Федоровым восходит к различию их дарований. Дарование Федорова — вулкан, внезапно прорвавшийся и грохотавший с перерывами всю его жизнь. Дарование Карпинского — тихий, медленный, величавый разлив.

Если гений — это терпение, то терпение (то есть трудолюбие!) Карпинского поистине гениально.

Вся его жизнь — медленное разворачивание свитка, на котором нанесены письма его гения.

Свиток длинный, и нужно было прожить долгую жизнь, чтобы его развернуть. И надо было быть уверенным, что развернешь, и не торопиться.

Карпинский оставил труды во всех областях геологии. Он рассматривал проблемы геотектоники, петрографии, исторической геологии, палеонтологии, рудной геологии, стратиграфии и картографии. Некоторые из его трудов носят фундаментальный характер, все серьезные, глубокие, академичны в лучшем смысле слова. Ни в одной из перечисленных областей он не совершил переворота (в отличие от Федорова, который это сделал в кристаллографии). Но все обогатил своими исследованиями.

- Позвольте, провожу вас. Вот ваша комната, вот стол.
- Благодарю, господин директор.
- Сотрудники введут вас в курс обязанностей.
- Я их уже знаю.
- Желаю удачи!

Вот и встретились! Вот и произошла эта знаменательная и вместе с тем будничная (несколько неприметных фраз!) встреча двух великих ученых — в чем-то очень похожих и таких разных... Вот и сошлись они под одной крышей — хотелось бы думать, неспроста; соединенными усилиями будут способствовать славе науки, которую оба безмерно любят, а дружбою — обогащать друг друга, оберегать от жизненных невзгод...

Занятия в Геолкоме, как и во всех учреждениях, которыми руководил когда-либо Карпинский, протекали с такой тихой размеренностью, естественностью, «домашностью», что Федоров, нигде прежде толком не служивший, по натуре не склонный подчиняться регламентации и р а с п о р я ж е н и я м, поначалу как будто растерян, но очень скоро дает себя поглотить этому ненавязчивому деловому ритму. Считается бестактностью интересоваться, закончена ли работа, если даже она важная составная часть общей работы; никто никого никогда не торопит; все увлечены. Очень скоро Федоров убеждается, что тут под одной вывеской собраны блестящие геологические умы. Геолком переехал, занимает особнячок на 4-й линии Васильевского острова; на воротах медная табличка «Геологический комитетъ». Дорожка ведет к крыльцу; тяжелая дверь поддается нехотя; по широкой лестнице попадаешь в вестибюль. За столиком — наискосок в углу — швейцар; дверь прямо — в круглый зал со стеклянным потолком; дверь налево в коридор, куда выходят кабинеты и еще две лестницы: наверх, в мезонин, и вниз, в полуподвал.

Обязанности швейцара милостиво взял на себя обитавший неподалеку в меблированных комнатах капельдинер Александринского театра Литвинов. Кроме приглядывания за галошами, на нем лежала обязанность отправлять письма и принимать их от почтальона; он выполнял ее с огромным достоинством. Однажды Карпинский обратил внимание на то, что международная корреспонденция адресуется в Геолком на имя какого-то доктора Литвинова: оказалось, швейцар на конвертах внизу под обратным адресом «Геолком» приписывал «д-ру Литвинову».

— Ну, батенька... — развел руками Карпинский.

Отправку писем перепоручили Федорову; швейцар же теперь целыми днями просиживал в вестибюле за столиком, читая газету. Если входил кто-либо из членов Присутствия, он снимал пенсне, складывал газету, крепко разом вставал, решительными шагами подходил, принимал большими и указательными пальцами обеих рук сначала пальто, потом шляпу, трость, нагнувшись, поправлял галоши; пяточок тонул в его широкой ладони...

Когда входил Федоров, он производил усиленное шуршание газетой и отсутствующе вскидывал голову; это надо было понимать как знак полного и даже вызывающего пренебрежения. Но замечал ли эти ужимки Евграф Степанович? Замечал ли самого швейцара-камердинера, его стол, газету и пенсне? Он вечно спешил! Так мало остается времени для научных занятий! Он все старается делать быстрее, чем другие. Стремительно идет по улице, полы шинели развертываются; глаза уставлены в одну точку.

Заходит в типографию Якобсона на 7-й линии, здесь печатаются «Известия» и «Труды» Геолкома. В конторке освобождают место, приносят корректуру. Садится:

— Убедительно прошу тишины!

Приходит с жалобой наборщик; у Евграфа Степановича странный почерк: красивый, тонкий и совершенно неразборчивый. Он вскакивает, летит в цех. Объясняет. Потеряв терпение, становится к кассам — литеры мелькают в его руках. Наборщик завороченно смотрит.

— Можно подумать, вы когда-то работали в типографии!

Скорее, скорее!.. Бегом в Геолком. Сегодня Присутствие. В круглом зале собрались сотрудники, профессора, академики. Зал меблирован венской мебелью. Рассаживаются за длинным столом; Карпинский садится за небольшой столик, в кресло; рядом с ним Федоров. Он будет протоколировать. Входит Литвинов с самоваром. Чаепитие непременно сопутствует заседаниям; обычай заведен Карпинским и никогда не нарушается. На столе вазочки с печеньем, баранки, сахарница.

Замыслы, которые вынашивает Федоров, грандиозны, и непостижима быстрота, с которой он претворяет их в жизнь. Относит в редакции рукопись за рукописью. Выходят «Этюды по аналитической кристаллографии», где впервые применяются понятия проективной геометрии по отношению к кристаллам. Это дает возможность раскрыть смысл некоторых неясных закономерностей и упростить кристаллографические вычисления. Но кристаллы нельзя понять, рассуждает он, не постигнув законов симметрии. «Кристаллы блещут симметрией», — пишет он.

И принимается за разработку законов симметрии. Выходят из печати «Основные формулы аналитической геометрии в улучшенном виде», «Симметрия конечных фигур», «Система правильных систем фигур». В совокупности эти монографии содержат всеобъемлющее учение о симметрии, охватывающее конечные и бесконечные системы. Федоров выводит особые геометрические законы, характерные для кристаллических систем. Законы эти соответствуют 230 различным способам, по которым только и могут располагаться элементарные частицы в кристаллах.

В сущности, за пять лет, с 1885 года, когда он поступил в Геолком, по 1890-й, когда закончена была «Симметрия правильных систем фигур», Евграф Степанович создал новое учение о симметрии, преломленное таким образом, что оно раскрывало внутренний мир кристалла. Старому поколению кристаллографов его произведения кажутся слишком абстрактными, теоретическими, слишком математическими; его не

понимают. Но молодежь пленяется его построениями; у Федорова появляются поклонники и ученики. (Через много лет рентгеноанализ кристаллов подтвердил правоту теоретических построений Федорова; он дожил до счастливого дня и мог написать о себе гордые слова: «Перед строгими кабинетными выводами как бы преклонилась природа, и кристаллы расположились в тех системах, которые явились необходимым выводом из понятия о правильных системах точек (пространственных решетках)». Не следует забывать, что выводы Федорова сделаны в эпоху, когда реальное существование атомов и молекул подвергалось сильному сомнению.

Летом Геолком пустел: сотрудники разъезжались по своим «листам»; уезжал и Федоров.

У него был свой «лист»: северный Урал, страна Вогулия, как он ее называл (коренное население вогулы), — болота, горы, тайга, переходящая в тундру, ледяные, черные реки, через которые приходилось по сто раз на дню переезжать вброд на лошадях. Не без колебаний согласился он возглавить экспедицию в труднодоступную местность; больно отрываться на пять-шесть месяцев в году от любимых вычислений. Но, взявшись за какую-либо работу, он всегда увлекался ею; так было и на сей раз. Изобрел новый способ лодочной съемки. Изучал вогульские обычаи и одежды. Пробовал даже сочинять беллетристические произведения из местной жизни...

По странной прихоти судьбы, центральной базой экспедиции Федорова, городком, откуда начинались его странствия по дикому краю и где они кончались, был выбран Богословск. Родина Карпинского.

7 января 1886 года физико-математическое отделение Академии наук избрало Карпинского действительным членом на степень адъюнкта по геологии. Адъюнкт — низшая ступень в академической иерархии: обычно баллотировались молодые одаренные ученые. Александру Петровичу 40 лет, девять лет профессорствовал в Горном институте, год руководит Геологическим комитетом. В представлении, подписанном академиками Шмидтом, Кокшаровым, Вильдом, отмечались его петрографические изыскания, палеонтологические исследования, открытие артинского яруса и другие общеизвестные заслуги.

Новоизбранному предоставляется право выступить на общеакадемическом собрании — важный момент! От первого выступления во многом зависит, как сложится репутация адъюнкта и его академическая карьера. В креслах сидят лингвисты, химики, востоковеды, историки; тема

должна быть понятна всем и раскрыта доступно, но не поверхностно. Карпинский избирает темой геологическое прошлое Европейской России. Рассказывает о наступлении моря и воздымании суши, первобытной жизни, ее расцвете, смене растительных и животных форм, засолении морей и опреснении бассейнов, катастрофах и миллионолетнем покое...

Доклад понравился — материал нов. Александр Петрович запомнился академикам. Доклад стал составной частью «Очерков по геологическому прошлому Европейской России», классического труда, на котором воспитывались поколения геологов.

Прошло два с половиной года. Март 1889-го. Карпинский избирается в экстраординарные академики. На сей раз тема публичного выступления исключительно сложна: «О правильности в очертании, распределении и строении континентов». Карпинский говорил с присущей ему простотой и «домашностью», как на заседании Присутствия, а впечатление от выступления, произведенное на академиков, было ошеломляющим. Над кафедрой он развесил карты. Карты материков и океанов, однако знакомые очертания их выглядели непривычно и странно.

Карпинский распластал глобус так, что в центре проекции оказался Северный полюс. Что же предстало взорам академиков? Огромное тело Евразии с включением Австралии и Африки повторяется в уменьшенном виде в очертаниях Северной Америки. Столь же поразительно сходство Южной Америки с Антарктикой; на плане Карпинского они внизу, и, хотя их единство отличается от единства верха, бросается в глаза сходство в некоторых закономерностях плана.

Вероятно, в этом месте доклада слушатели почувствовали недоумение, даже неловкость: в таком виде планета предстала перед ними впервые. Еще больше эти чувства возросли, когда Александр Петрович принялся за показ сходства и удивительного равновесия в распределении горных кражей и даже глубинных, сокрытых масс. На всех материках архейские древние ядра справа, а молодые хребты слева. Области трансгрессий (потоплений), установленные методом геохронологического анализа, тоже подчинены видимым закономерностям, равно как и складки горных пород, если брать их в обобщенном виде. Особое значение приобретает тихоокеанская граница материков.

Несомненно, здесь действует некий принцип симметрии, установить который в применении к геологии еще предстоит (и тут Карпинский как ученый протягивает руку Федорову). Все главные континенты, подмечает Александр Петрович, аналогичны относительно имеющихся на их поверхности горных масс, «хотя горные системы тем сложнее, чем больше

континент». Закономерность эту Карпинский связывает с соотношением между очертаниями, сложением и ростом материков. Поверхность земного шара подвержена закономерной повторяемости, то есть симметрии. Смелые и совершенно новые для своего времени выводы Карпинского «сыграли, — как утверждают исследователи законов симметрии в геологии И.И.Шафрановский и Л.М.Плотников, — основополагающую роль в развитии современного учения о критических меридианах и параллелях земного шара».

Александр Петрович подходит к другой карте и предлагает рассмотреть ее. Это карта Марса. На распределение его материков и впадин, несомненно, оказала влияние ось вращения: она непостоянна. Вращение планеты влияет на смятие пород и соотношение покойных геологических областей с активными.

Указка, которую держит Александр Петрович, возвращается к тихоокеанской линии. Вдоль нее все складки опрокинуты налево, в сторону океана, что означает тангенциальное смещение на запад по одну сторону и на восток — по другую. На запад материка смещены вдоль берегов Америки, на восток — вдоль берегов Азии и Австралии. И Карпинский высказывает мысль, которая должна была смутить даже выдавших виды академиков. Он говорит о передвижениях гор, передвижениях материков. Ничего подобного здесь еще не слышали! Впрочем, ни в одной академии мира этого слышать и не могли. Доклад Карпинского и статья на ту же тему, вскоре вышедшая из печати, появилась за 24 года до первых набросков Вегенера (1912 г.) и за 22 года до построений Тайлора (1910 г.). Вегенер и Тайлор, между собой полемизировавшие, оставались географами. Карпинский выступает как геолог, привлекающий данные астрономии. Идея о тангенциальном смещении материков Карпинского опережает сходную идею Тайлора на много лет.

Федоров, оформляя протоколы заседаний Присутствия, против фамилии Карпинского рядом с титулом «директор» ставит: «академик».

Сам он по-прежнему «и.д.».

В один из вечеров 1891 года Евграф Степанович ждал к себе в гости Карпинского и старого профессора Еремеева, заведующего кафедрой минералогии Горного института.

Незадолго до этого Федоров закончил разработку и описание двух важных изобретений. Он понимал, что новая кристаллография, им создаваемая, будет неполна, если не упростить практическое кристаллоизмерение, бывшее до тех пор чрезвычайно громоздким и

доступным лишь выученным мастерам. Никогда прежде не увлекаясь механикой и приборостроением, он берется за сложную работу, создает двукружный ганиометр и особую приставку к поляризационному микроскопу, впоследствии получившую название «федоровский столик».

Из воспоминаний Людмилы Васильевны, жены Е.С.Федорова:

«Как-то Евграф предупредил, чтобы я приготовила вечернюю закуску и чай, так как он пригласил Карпинского и Еремеева на демонстрацию придуманного им оптического столика к ганиометру. Пришел и Карножицкий (ученик Федорова, талантливый, рано умерший кристаллограф. Название прибора дается Л.В. неправильно. — Я.К.) помочь Евграфу. Когда эта демонстрация кончилась, пошли мы ужинать.

Я думала, что их займет этот столик, особенно потому, что это изобретение их ученика и они будут продолжать ученые разговоры. Ничего подобного. Еремеев паясничал, как не подобало бы серьезному ученому, и рассказывал анекдоты; Александр Петрович ухмылялся. Евграф в душе бесился, не улыбался даже на анекдоты; как, должно быть, ему было обидно такое равнодушное отношение к его излюбленному детищу.

Когда распрощались, Карножицкий вышел с профессорами; потом вернулся и рассказал, что Еремеев вертел пальцем у лба и смотрел в упор на Карножицкого.

...Наутро Евграф за утренним кофе бодро провозгласил:

— Как они там ни относись к моему изобретению, а я уверен, что оно имеет большое значение и потому будет жизненно.

И ушел на службу удовлетворенный. Я за него успокоилась, хотя и обидно было и зло брало...»

Положение ученого, имеющего содержание и вольного заниматься любыми волнующими его научными проблемами (а такой статус предоставляло звание академика), было бы ему наиболее удобно. И Федоров это прекрасно понимал. Трудом своим он заслужил право баллотироваться в академию. Но то, что Карпинскому давалось легко, без видимых усилий, никак не давалось Федорову!

Кандидатуру его выдвигают на соискание научной премии — ее получает другой. Освобождается кафедра геологии в Лесном институте, Федоров претендует занять ее — занимает ее другой. Академики Чебышев, Бекетов, Фаминцын, Ковалевский рекомендуют Федорова к избранию в академию — и здесь его ждет неудача!

«Невзгоды меня могут сильно ослабить физически, — старается подбодрить он себя, — но они, кажется, поднимут меня нравственно: человек от удач теряет способность сочувствовать другим, а я замечаю

прилив доброты и жалости...»

Но наконец и его терпение иссякает.

Довольно унижений, довольно, наслушался отказов! Он уезжает. Десять лет прозябания в жалкой должности консерватора и делопроизводителя — и даже не в должности: он по-прежнему «и.д.», десять лет — разве не оскорбление? Нет, подальше от холодного Петербурга, от чванливой академии, которой положено поощрять дарования, а она их не замечает...

Весной 1895 года Федоровы переезжают в Богословск. Управляющий Турыгаскими рудниками встречает Евграфа Степановича радушно; назначает солидное жалованье. Неожиданно догоняет его извещение об избрании членом Баварской академии наук. (К слову сказать, Карпинский тоже в это время получает подобные знаки международного признания: избран в члены-корреспонденты Королевского общества наук в Геттингене, вице-президентом Международного геологического конгресса. Но ему не привыкать!)

Жизнь в Богословске складывается для Федоровых как нельзя более благополучно. «Счастливейшие для моей семьи годы». Для семьи! «Сам же я поседел». Ему перевалило за сорок, он кажется себе стариком. Повидимому, мысленно он все время возвращается к случившемуся, ищет виновника неудач. Временами одолевает желание забыться, отринуть прошлое. Но в Богословске так многое напоминает о Карпинском! Богословцы гордятся своим земляком. Сохранился дом Карпинских, мимо него Евграф Степанович каждый день проходит, направляясь в контору. Горные инженеры, в кругу которых он вращается, читают статьи Карпинского, обсуждают.

Ночами мучают кошмары. «При засыпании мне навязчиво мерещился образ Карпинского в виде какого-то чудовища, желающего меня пожрать и от которого я не мог оборониться. И это ежедневно, с постоянством какого-то физического закона. Я до конца жизни не сумею понять, откуда образовались у меня такие дикие образы Карпинского... Наши отношения казались дружественными, хотя я, поглощенный в течение остального дня научными трудами, встречался с ним только по должности».

Прообраз этих чудовищных сновидений и ведать не ведал, что тревожит чей-то ночной покой! Вины его тут нет... И все же не уйти от вопроса, почему Карпинский остался равнодушен к судьбе Федорова. Не помог? Будь он вообще человеком черствым, себялюбивым — тогда и

спрос другой. Федоров не был бы исключением, а то ведь исключение, и е д и н с т в е н н о е! Не перечить всех, кому Карпинский помогал, за кого хлопотал, кому руку помощи протянул в трудную минуту, а Евграфу Степановичу не протянул...

Во всяком случае, так считали Федоров и сочувствующие ему; версия оставалась и в истории науки. Попробуем разобраться.

Александр Петрович убежден был — и убеждение это его не покидало на протяжении всех десяти лет, — что Федоров работник в Геолкоме в р е м е н н ы й. Слов нет, Евграф Степанович добросовестно исполнял свои обязанности, к тому же включился в сложную экспедиционную работу, которую проводил талантливо, но не к тому ведь лежала его душа!

Прикинем, что мог сделать Карпинский для Федорова? Перевести из «и.д.» в «д.»? Это мог. Но вздуматься: оно, пожалуй, никого бы не удовлетворило. Одно дело — человек временно занимает должность, пока не устроит судьбу как получше. Другое: постоянно исполнять обязанности делопроизводителя — и кому? Огромного дарования математику! Нет, уж коли переводить его, так даже не на должность младшего, а старшего геолога! Выше ее в Геолкоме не было. Выше только директор. Ибо члены Присутствия (академики и профессора) работали б е з в о з м е з д н о.

Хорошо. Старший геолог. Но штат Геолкома состоял из восьми единиц. Из восьми! На каждом неподъемная масса обязанностей. Составление карты России. Поиски полезных ископаемых. Инспекция месторождений по всей империи. Изыскания вдоль линий строящихся железных дорог. Восемь человек. Они трудятся самозабвенно, дружно, а главное — много.

Если бы Федоров занял должность старшего или младшего геолога, оставалось бы у него время для математики и кристаллографии? Нет. Представляется, что Карпинский это понимал.

Но, допустим, им двигали не забота о Федорове, его даровании, а чисто служебные интересы. Что ж, в таком случае их стоит принять во внимание. Он всегда заботился о поддержании атмосферы благожелательности, взаимной приязни и мира в подведомственном ему учреждении. Федоров был трудным человеком. Не любил подчиняться. Карьеристские соображения были ему чужды, и было обостренное чувство справедливости — и все-таки, может быть, Карпинский боялся, что он внесет разлад в Геолком?..

И последнее, но немаловажное. Раскрытие этой темы невольно ведется так, что «оправдываться» приходится Александру Петровичу. Истцом и обвинителем как бы выступает Евграф Степанович. Тут некоторая историческая аберрация. Она проистекает из наличия документов в

архивах. Карпинский не любил жаловаться. Ни письменно, ни устно. Его архив не хранит никаких следов недовольства Федоровым (в отличие от архива последнего).

Десять лет проработал Федоров под началом Карпинского. Это пора наивысшего расцвета его научной деятельности. Стоит ли слишком сурово судить об условиях его работы в Геолкоме?

Отныне судьба разводит наших героев; их встречи будут редки. Жизнь Александра Петровича течет размеренно. Постепенно, избегая конфликтов и стараясь никому не повредить, освобождается он от административных обязанностей. Просит отставки от заведования кафедрой в Горном институте. Совет неохотно принимает ее, присваивает ему звание почетного профессора. В 1903 году уходит с поста директора Геолкома. Ему присваивают звание почетного директора. Он целиком отдается научной деятельности.

Все же досуга теперь больше; посвящает его музыке, театру. Он знаком с композиторами, певцами, художниками, они любят бывать в его доме. Приемные дни — по четвергам. Устраиваются импровизированные концерты. Большинство гостей, конечно, ученые. Обсуждаются последние новости, публикации. Тематика его научных занятий, как всегда, разнообразна.

А что же Евграф Степанович? Наконец и ему улыбнулась фортуна! Предложили занять кафедру (не обошлось без хлопот его давнего покровителя Мушкетова). Правда, не столичную, а скромную кафедру в сельскохозяйственной Петровско-Разумовской академии в Москве, но он несказанно рад! Конец мытарствам, скитаниям, неустроенному житью.

Ему полюбился Петровско-Разумовский парк и дом, предоставленный ему академией; когда он устроился в нем, то купил большой концертный рояль, о котором мечтал всю жизнь; потом фисгармонию. Вечерами музицировал, и студенты собирались под окнами слушать. Выходит в свет его учебник кристаллографии — в своем роде уникальный, поскольку все разделы построены на результатах собственных авторских исследований. Евграф Степанович увлекается кристаллохимическими анализами; он создает новую научную дисциплину: кристаллохимию.

В конце ноября 1900 года четверо академиков во главе с Карпинским, учитывая освободившуюся вакансию, обратились с запиской в Академию наук: «Мы при настоящих обстоятельствах не считаем возможным сделать какие-либо представления о замещении вакансии по минералогии, не

остановившись прежде всего на профессоре Федорове... Без преувеличения можно сказать, что не существует лица, занимающегося минералогическими и петрографическими вопросами, которому бы идеи г-на Федорова и предложенные им методы были неизвестны». Такой рекомендации вполне достаточно, и 13 декабря Федоров единогласно избирается в академию на степень адъюнкта.

Что ж, мечта сбылась? Он в академии. Восемь лет назад это сделало бы его счастливым.

Избрание в академию связано по статуту с переездом в Петербург. Его извещают, что будут предоставлены квартира, содержание, лаборатория. Все это у него есть и здесь! Он медлит, колеблется. Пишет письмо президенту. В письме ставит вопрос об организации Минералогического института — предложение новое по тому времени, назревшее. Чтобы осуществить его, понадобится, по его подсчетам, не меньше двух лет. «Раньше же этого срока... я не имею возможности переехать по семейным обстоятельствам».

Академики настаивают. Недоумевают: такого еще не бывало, чтобы новоизбранный медлил влиться в их ряды. В конце концов, быть может не без влияния Карпинского, Федорова оставляют в покое; ему разрешают посещать собрания академии нерегулярно, что являлось, вообще говоря, нарушением устава.

22 сентября 1904 года Карпинский, по-видимому, желая закрепить формально существующее положение, выступил на заседании физико-математического отделения. Протокол гласит: «Положено возбудить ходатайство о разрешении г.Федорову проживать в Москве с сохранением ему содержания от Академии...»

Но Федоров так привык к своей подозрительности по отношению к Карпинскому, что и здесь ему мерещится что-то недоброе. Какая-то, пишет он, «дьявольская интрига». Утром следующего дня он посылает в Петербург письмо и не просто отказывается от вознаграждения (что мог бы сделать, никого не обижая) — он обвиняет авторов проекта в намерении запятнать его имя!

Это конец. Отступить теперь некуда. Остается подать прошение об отставке. «Ваше Императорское Высочество, — обращается он к президенту великому князю Константину, — изволили видеть... попытку запачкать мое имя, побудив принять участие в противозаконном дележе казенного пирога. Такова пропасть в воззрениях, целях, задачах скромных людей науки, подобных мне, и господ академиков, важных представителей нашей бюрократии...»

Под «важными бюрократами», вероятно, понимается и Карпинский.

Эта странная вспышка раздражительности привела, однако, к последствиям, которые трудно было предположить.

Совет профессоров Горного института получает право выбирать директора; раньше он назначался приказом министра. Ведут поиски кандидата. Имя Федорова у всех на устах — в связи с вышеописанной академической историей. Конечно, Евграф Степанович, рассуждают ученые, был несколько несправедлив к академикам, письмо его слишком желчно, но разве не проявил он принципиальности, бескорыстия и независимости характера? А не эти ли черты желательны прежде всего у человека, которому предстоит возглавить институт? И в Петровско-Разумовское направляется приглашение...

Так Евграф Степанович вернулся в Петербург.

Пять лет оставался он на посту директора.

В 1910 году вышел в отставку, получил кафедру кристаллографии — на этот раз действительно самую сильную по этой специальности в стране.

Теперь и впрямь сбылись его самые заветные мечты! И странно: чем-то он сразу становится похож на Карпинского! Он добр, он научился снисходить к слабостям других, принимает у себя друзей, учеников, вечерами музицирует...

Передвинем повествование несколько вперед, ко времени последних встреч Карпинского и Федорова.

1919 год. Пожалуй, за всю историю академии, которая насчитывала без малого 200 лет, не знавала она такого разброда, отчаяния, упадка, перемежаемых взрывами единения, восторга, фантастических проектов. Общие собрания проходили в нетопленном гулком зале, и Карпинский с трибуны, с которой привык говорить о материи Земли или бюджетах отделений, докладывал о крупе, теплых портянках и масле...

Уже два года он президент. Когда после выборов его поздравляли друзья (а то были первые выборы, прежде президенты назначались высочайшим указом), то говорили о достойном увенчании его карьеры, о почете, которым окружено его имя; он отшучивался: «Мне устраивают торжественные похороны». И ни поздравители его, ни сам он и подозревать не могли, какая доля ждет его на этом посту, к а к а я работа ожидает...

Александр Петрович восьмой десяток, он не сразу разобрался в неистовом колдовстве событий, происходящих в стране. Всю жизнь он прожил в науке, для науки; ему больно видеть заколоченные лаборатории,

пустые кабинеты, неподвижные динамо-машины. На прием приходят старые коллеги, садятся, не снимая шапки, не развязывая шарфа — у президента не топлено; решают, где раздобыть полкило химикалиев для производства опытов.

— А вы слышали, Александр Петрович, такой-то подался в Новочеркасск — там у него родственники держат свиней, так он надеется у них прокормиться...

— А вы знаете, такой-то уехал в Берлин. Увы, отговорить не удалось...

Они прекрасно помнят такие, казалось бы, недавние и неправдоподобно далекие времена, когда переезд кого-либо из академиков в другой город, смерть кого-либо или даже болезнь становились событием, коллеги спешили навестить родственников, кого-то предостеречь, кому-то помочь, кого-то утешить. Теперь уезжают многие, умирают многие, болеют еще больше...

День президента заполнен хлопотами: раздобыть для кого-то пару валенок, вязанку дров, найти корм для собак Ивана Петровича Павлова, соседа по дому и друга. Вместе с Алексеем Максимовичем Горьким заседает он в Комиссии по оказанию помощи нуждающимся ученым и литераторам, распределяет жилье и посылки из-за границы, пайки и книги. Он заботится о каждом академике — и как же ему в такой-то момент не вспомнить о своем беспокойном и великом современнике, забыв все то, что разделяло их в недавние и неправдоподобно далекие годы... Тем более он слышал, что Федоров болен, Федоров голодает...

И он едет к нему домой. Застает в постели. Евграфу Степановичу трудно ходить. Он сильно ослаб, больше лежит. Об их беседе мы знаем со слов Людмилы Васильевны. Академия обновилась, объясняет Карпинский, все, что раньше возмущало в ее порядках Евграфа Степановича, изживается. Наука будет служить людям труда. Просит дать согласие на баллотировку. Федоров дает.

И Карпинский садится и пишет еще одну рекомендацию Федорову. Вместе с ним ее подписывают Вернадский, Курнаков, Крылов — ярчайшие светила на небосводе русской науки того времени.

В январе 1919 года Федорова выбирают действительным членом Академии наук.

«Он со всей энергией принялся за работу, — вспоминала Людмила Васильевна. — Извозчиков не было, приходилось ходить голодным до трамвая, и он очень уставал. Паек — моя надежда — оказался незначительным, а Евграф еще непременно делился со мной, как ни старалась я отнекиваться. При такой слабости своей он еще умудрялся

мечтать: с лихорадочно блестящими глазами говорил о Кольском полуострове, о его апатитах, сиенитах и возможных там залежах золота, хлопотал об экспедиции в Америку молодых ученых».

Однако силы заметно убывали, вскоре он вынужден был прекратить свои поездки на трамвае в академию.

Он подолгу недвижимо сидит в кресле: по-видимому, перед внутренним взором протекает вся его жизнь.

«В один из самых голодных дней Евграф грустно сказал: «Теперь, на склоне лет, вспоминаешь пережитые кипучие страсти и с удивлением себя спрашиваешь: к чему было все это? Кому были нужны те внутренние волнения, которые приходилось переживать при проявлении несправедливости? Да и всегда ли это были истинные несправедливости?»

Поразительное признание в устах умирающего! Он судит себя и не во всем оправдывает, посылает прощальное «прости», и нельзя не думать, что оно не относится к Карпинскому, человеку, которого он так когда-то не любил, ревновал к его налаженной и удачливой жизни и истинную душу которого он, кажется, в конце концов оценил.

Весной Евграфа Степановича не стало.

Карпинскому же предстояло прожить еще много лет, много поработать, бороться за преобразование академии, выпускать книги...

Глава 13

Академия

Теперь, когда читателю известно, какую роль сыграет академия в жизни Александра Петровича и какую роль сыграет он в жизни академии, стоит рассказать немного о ней самой.

Академия давно, незаметно и постоянно занимала его мысли, потому что была вместилищем и символом науки солидной, прочной, торжественной, как само ее здание с восемью колоннами под фронтоном и двумя лестничными маршами, сходящимися у колоннады. Он любил академию задолго до того, как приобрел хоть какое-то право постучаться в ее массивную дверь; но он не хотел «какого-то» права, не мог себе этого позволить именно из-за любви и внутреннего пиетета перед этим научным форумом; он дал согласие баллотироваться лишь тогда, когда работы его получили признание; и нисколько не сетовал на избрание в адъюнкты, что по первоначальному проекту 1724 года означало «студент», «ученик академика».

Сергей Федорович Ольденбург (запомним это имя!) как-то остроумно заметил, что у каждой академии свой характер: Берлинская, например, гуманитарная, наша естественно-математическая. С определением можно бы и поспорить, но то, что ни одна академия не похожа на другую, так что подчас затруднительно их сопоставлять, и склад каждой определяется не одними потребностями страны и науки, но и характером народа, — верно. Великий Петр начертал: «Понеже ныне в России здание к возрождению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтобы здесь следовать в протчих государствах принятому образцу...», то есть никак нельзя переносить к себе слепок с западной формы, и продолжил: «но надлежит смотреть на состояние здешнего государства... и такое здание учинить, через которое бы не токмо слава его государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и розпложение оных польза в народе впредь была».

Прекрасно Петр понимал, что такая приноровленная к «здешнему государству», истинно Р о с с и й с к а я академия возрасти может только самовитым неспешным ходом, без понуканий и одергиваний; академик требует почитания. И с какой же обдумкой, оглядкой подходил к первому — и уж оттого особого смысла исполненному акту (потому как: зачин, пример для будущего!) — назначению п е р в о г о президента. Посылая

библиотекаря своего Шумахера в Европу присмотреться, выискать, а буде кто приглянется, то и замолвить словечко насчет переезда в Петербург — Петр что же наказывал? Не только многознание его оценивать, но и доброе сердце — ведь он хотел видеть у себя «социетет» наук и художеств, не просто, значит, собрание ученых и деятелей искусства, а доброе, братское содружество их.

Петр привлекал наиболее выдающихся ученых, и делал это с присущим ему размахом, и этот факт исполнен не одного новшества и смелости и немалого гуманистического смысла. Петр славил науку как силу выше узконационалистического применения, а с тем вместе заботился и о национальной выгоде. И какие еще при том находил слова! Предписывая переводить научные труды на русский язык, выразился так:

«И понеже российскому народу не токмо в великую пользу, но и во славу служить будут, когда такие книги на российском языке печатаны будут, того ради надлежит при каждом классе академическом одного переводчика и при секретаре — одного ж...»

П е р е в о д ы послужат «не токмо в великую пользу, но и во славу» — скажете, того языка, с к о т о р о г о перевели? Нет, и того, на к о т о р ы й! На русский то есть.

Так мог мыслить только человек подлинно государственного ума и благородной души.

Однако необходимо ведь задуматься и о самих академиках, «кои почитания достойны». Ну конечно, лаборатории, книгохранилища — все к их услугам. («А чтоб академики в потребных способах недостатку не имели, то надлежит, дабы библиотека и натуральных вещей камора Академии открыта была».) Да, это так, но ведь и они же люди... Трогательно звучит следующий параграф «Проекта положения об учреждении Академии»:

«Ученые люди, которые о произведении наук стараются, обыкновенно мало думают на собственное свое содержание, того ради потребно есть, чтоб Академии кураторы непременно определены были, которые бы на оную смотрели, о благодетельстве их и надобном приуготовлении старались... Надлежит учинить директора и двух товарищей и одного комиссара над деньгами».

Вот так. Ученые, они рассеянные... Без куратора и попечителя и пообедать забудут. Какое же, однако, положил им Петр жалованье? Тысячу рублей; некоторым полторы и две. Кроме проездных (предстояло путешествие в Петербург), годовое жалованье вперед. Словом, не обидел. Государь смотрел трезво. «Ибо трудно поверить, — писал он, — чтоб кто

охоту имел к службе чужого государя, то прожить, что он в своем отечестве имеет».

Итак, снабженный полномочиями и инструкциями эмиссар Шумахер отправляется на поиски. Император желает заполучить лучшие силы; если бы это вообще было возможно, он рад был бы перевезти в Северную Пальмиру весь цвет европейской науки и искусства. Переезды ученых из одной страны в другую известны в христианском мире со времени возникновения первых университетов. Если взять списочный состав Прусской академии за 1724 год, то французов мы в нем насчитаем больше, чем немцев. Но то добровольные путешественники, сообразующиеся исключительно с выгодами собственной славы, благополучия, престижа; государству до них нет дела, как и им до него. Петр же впервые — прибегнем опять к современному обороту — вопрос о научных кадрах решает «на правительственном уровне», то есть как важную государственную задачу.

Конечно, не со всеми, с кем хотелось, сумели договориться и не все, с кем договорились, впоследствии решились подвергнуть себя и семью дорожным испытаниям, но взглянем, каково оно, первое поколение русской академии. Блестящие имена, первоклассные мастера, глубокие умы! Астроном Жозеф-Никола Делиль, парижанин (в России он, конечно, сразу же стал именоваться Осипом Николаевичем), Иоганн-Георг Дювернуа, естествоиспытатель (Иван Георгиевич); Иоганн-Георг Гмелин, натуралист, путешественник, вскоре по прибытии в Петербург отправившийся на Урал и в Оренбургские степи (тоже Иван Георгиевич); оптик и механик, изобретатель приборов Иоанн Лейтман. Вспомним физиков Бюльфингера и Крафта и могучую плеяду математиков: Германа, Гольдбаха, братьев Бернулли и, наконец, Эйлера. Да, ради одного Леонарда Эйлера, гения, неумоимого труженика (Кондорсье в некрологе о нем сказал: «Гений кончил вычислять и жить»), стоило «затевать» академию. Эйлер согласился на переезд с радостью, приехал с охотой, полюбил Россию, и она обязана ему основанием русской математической школы.

Кого же поставить во главе славной когорты? Знаменитейшего из знаменитостей, ученейшего из ученых?

Петр поступает иначе, и, пожалуй, мудрее.

Придется вернуться назад, во времена отца его, царя Алексея Михайловича.

Алексей Михайлович страдал головными болями; русские лекари не могли ему помочь, и он велел приискать сведущего медика за рубежом. Послы указали на некоего Блюментроста, состоявшего на службе у герцога

саксен-готского. 12 марта 1667 года врачу передали письмо русского царя; в нем содержалось предложение принять в Москве чин ученого гигиениста. Блюментрост был сыном пастора, рос в бедности, образования добился прилежанием, а славы — трудолюбием; у герцога жалованье выдавалось нерегулярно; он подумал и согласился. Через год он в Москве; 26 июня его представили царю. Он сумел понравиться: царь одарил его серебром, бархатом и собольими шкурками. Блюментрост стал пользоваться не только его, но и детей — Федора, Софью, Петра, и те привязались к нему. (Сохранились документы, свидетельствующие о том, что Софья во время стрелецкого мятежа спасла ему жизнь.) Блюментроста повысили, дали чин лейб-медика с годовым жалованьем в 730 рублей. Нарекли Лаврентием Алферовичем.

В Москве у него родились два сына (с сыном и двумя дочерьми он приехал). Младший появился на свет, когда отцу было 73 года! Лаврентий Алферович души в нем не чаял и не мог довольно удивиться тому, что он «совсем, совсем русский». Мальчик играл с посадскими ребятишками, купался в Яузе. Рос на глазах Петра и частенько забавлял его своими выходками. Пятнадцати лет от роду мальчик слушает лекции в Галльском университете, продолжает образование в Оксфордском, затем Лейденском университетах; в последнем защитил магистерскую диссертацию.

Началась служба при дворе. Молодой человек обладал большими способностями, ему прочили будущее в науке, но практические занятия оставляли мало времени; кроме того, он стал помогать Петру в создании музеев и увлекся этим. В 1715 году был послан за границу с целью «откупить анатомический кабинет», что с успехом и исполнил; заодно показал европейским знаменитостям составленное им описание болезни императора, провел своеобразный консилиум и очень этим ему угодил. Быть может, Лаврентию Лаврентьевичу не хватало энергии; он был мягок, добр и любил больных.

Вот этого человека Петр и назначил президентом.

Неспроста же, не по одному благоволению или капризу! Не знаменитый ученый — пусть, и годами не стар — тридцать три, но превосходно образован, владеет европейскими языками новыми и древними (латынью, языком учености), вместе с тем «совсем, совсем русский». Коренной москвич. Знает Россию, ее нужды. И академики принимают Блюментроста безоговорочно! Угадал Петр, им нужен вроде бы и «свой» человек, но и русский, иначе что же они: как на необитаемом острове. В чужой-то стране.

С портрета смотрят острые глаза; они насмешливы и добры. Высокий

лоб, прямая прорезь рта; пышный, по моде парик. Мюллер, современник Блюментроста, пишет, что тот был «с академиками вежлив, обходителен и ласков». Они отвечали тем же. К сожалению, эти качества хороши, когда есть за спиной твердый и справедливого нрава покровитель. Петр скончался в 1725 году, и уступчивого Лаврентия Лаврентьевича вытеснил злобный и властолюбивый Шумахер, бывший эмиссар. Он незаметно прибрал к рукам академию и однажды заявил, что Блюментрост «здесь больше бывать не будет...».

О, академия многое и многих на своем веку перевидала! И доставалось ей нередко от доморощенных критиков и закордонных.

Александр Петрович ко времени вступления в ее ряды успел близко сойтись со многими заграничными учеными и убедился, что «безгрешных» академий нет, везде случаются распри, ошибки в выборе новых членов академии, как государства, переживают подъемы и спады. Российская не исключение. Ей многое досталось преодолеть, чтобы набрать силу. А сила есть. Александр Петрович знал, каким уважением пользуется его академия за рубежом. Прочный фундамент заложил Петр I!

В семейных преданиях сохранилось, что Александр Петрович случайно наткнулся на изображение императора, отыскивая в подвальных помещениях академии шлифовальную мастерскую. Это произошло в первые дни после избрания и было воспринято им как добрый знак. Так ли было, или он в другом месте видел картину, установить теперь невозможно.

Речь идет о мозаичном панно «Полтавская баталия» работы Михаила Васильевича Ломоносова.

Завет же петровский: быть «с академиками вежлив, обходителен и ласков» — он запомнил...

Глава 14

Геолком. 1897 — 1904

Долголетнее упорное давление Карпинского на министерство в конце концов дало плоды: в 1897 году было подписано указание о значительном расширении штата и бюджета Геолкома. Ассигнования увеличились с 30 до 75 тысяч в год, штат с 8 до 22 человек. Конечно, и это было смехотворно мало сравнительно с задачами, которые Геолком себе поставил и которые мужественно и планомерно выполнял.

Предстояло принять четырнадцать человек; немного, — и с тем большей тщательностью следовало отнестись к подбору кандидатов. Избранники должны быть не только талантливыми и энергичными людьми, Александру Петровичу хотелось, чтобы они были еще и душевно добрыми и, выражаясь по-старомодному, хорошо воспитанными людьми, ведь им предстояло укрепить ту созданную им обстановку «домашности», которая одна и могла поддержать этот напряженный, но неназойливый ритм работы, в каком жили геолкомовцы.

Карпинский принял Л.И.Лутугина, А.А.Борисяка, Н.Н.Яковлева, Э.В.Толля и других. Алексею Алексеевичу Борисяку было 25 лет, всего год назад кончил Горный институт; очень скоро он стал выдающимся палеонтологом, впоследствии — академиком, директором Палеонтологического института. Леониду Ивановичу Лутугину — немногим более тридцати; с 1892 года он под руководством Чернышева вел разведку Донбасса, а войдя в Геолком, возглавил ее. Составил полное геологическое описание угольного бассейна, ставшее классическим; признанный глава русской угольной школы. Барон Толль Эдуард Васильевич — известный полярный исследователь. В 1900 году на судне «Заря» искал Землю Санникова и северный проход в Тихий океан. Впоследствии трагически погиб на острове Беннета.

Может показаться неправдоподобным, но новый набор Геолкома, равно как и старый, состоял из выдающихся исследователей. Но поскольку Александр Петрович не брал их «готовенькими» (многие только что покинули студенческую скамью), тем более ясно выступает его роль воспитателя.

Вполне возможно, что министерство еще долго тянуло бы с увеличением бюджета и штата, если бы в 1897 году в Петербурге не должно было состояться одно примечательное событие, связанное как раз с

геологической наукой. Седьмой Международный геологический конгресс.

Шестнадцать лет, прошедших с памятного конгресса в Болонье, Карпинский плодотворно и увлеченно участвовал в работе международных конгрессов. Еще на пятой встрече ученых русская делегация предложила один из конгрессов провести в Петербурге; на шестой Карпинский подтвердил приглашение — и оно встретило одобрение участников. Александр Петрович был выбран председателем Организационного комитета, а все геологи и члены Присутствия Геолкома — его членами.

Принимать у себя ученых почиталось честью для города и страны. В программу встреч геологов входили и экскурсии. В этом отношении Россия располагала возможностями огромными, но маршруты надо было хорошо продумать и спланировать. Решено было организовать поездки по Кавказу, Уралу, Донбассу, центральным губерниям. Александр Петрович несколько раз ездил на Кавказ, сговаривался с местными геологами, осматривал объекты. Чернышев посетил Урал, Никитин побывал на Средней Волге, Шмидт — в Прибалтике, Головинский — в Крыму...

В июне 1897 года начали съезжаться гости. Их собралось невиданное количество — 704 человека. Прежде «рекорд» принадлежал четвертой лондонской сессии — 442 геолога. Карпинский был избран президентом конгресса, Никитин и Иностранцев — вице-президентами, Чернышев — генеральным секретарем, Михальский — казначеем. Таким образом, всей работой конгресса руководили члены Присутствия, и когда вечерами они собирались на квартире Александра Петровича, чтобы подвести итоги хлопотного дня, то шутили, что ничего, дескать, особенного в их нынешней работе нет — обычное заседание Присутствия.

Наши ученые экспонировали шестидесятиверстную геологическую карту Европейской России, российскую часть геологической карты Европы, листы детальных съемок Донбасса, Урала и Кривого Рога. Шестнадцать лет назад, когда только приступали к этой работе, предстояло покрыть шесть миллионов квадратных километров территории. Шестнадцать миллионов сплошного «белого пятна»! И вот она, карта! Иностранцы толпятся около нее, рассматривают. От начала и до конца руководил съемками Карпинский. Он, Чернышев, Никитин и Михальский — четыре всего-навсего человека! — сняли восемьдесят пять процентов всей площади! Остальные пятнадцать достались на долю Армашевского, Гедройца, Шмидта, Штукенберга и еще нескольких геологов. И какая тщательность работы, научная дотошность в разработке каждой детали! Вспоминая о днях триумфа, Чернышев писал: «Русская геологическая наука явилась на этом конгрессе как равная по значению с начавшей сравнительно ранее

культивироваться в Западной Европе и Америке».

Закончилось прослушивание докладов, делегаты разбились на группы и разъезжаются на экскурсии. И снова иностранцы удивляются. Оказывается, трассы железных дорог, по которым предстоит ехать, исследовались тоже работниками Геолкома. Великая Транссибирская магистраль. К западу от Байкала ее разведывали Богданович, Краснопольский, Высоцкий, Мейстер, к востоку — Обручев, Герасимов, Иванов. Они составили первую в истории геологическую карту районов Сибири и Северного Казахстана. Барон Толль исходил Виндаво-Рыбпнскую линию, когда на ней еще ни одного столбика не было. Сплошь леса, болота, чахлый кустарник. Никитин разведывал линию Москва — Крейцбург, Вебер — Оренбург — Ташкент...

Александр Петрович тоже возглавлял экскурсионную группу; он повез ее на Урал. Поездка длилась без малого две недели; передвигались где на тарантасах, где верхом — благо все к этому были приучены походной жизнью, — а где и пешком через кряжи, увалы, расщелины. В группе были австрийцы, немцы, французы, финны, поляк, японец. Александр Петрович давал пояснения на французском и немецком; все находили, что рассказывает живо, интересно. Спускались в шахты, ездили на прииски и рудники. Инженеры и горнопромышленники встречали гостеприимно, задавали ужины и обеды. Под конец поездки состоялся прием у губернатора в Екатеринбурге.

После окончания конгресса в Петербург на адрес Геолкома стали поступать из разных стран журналы; крупнейшие ученые — Годри, Барруа, Менье, Кейльгак — делились впечатлениями. Доктор Филиппсон, например, писал: «Конгресс дал всем участникам прекрасную возможность познакомиться с Россией... прежде всего благодаря многочисленным экскурсиям в различные районы Европейской части России, а также на Урал и Кавказ. Многочисленные участники конгресса сердечно благодарят за этот великодушный подарок, преподнесенный нам Россией. Мероприятия в таком масштабе не проводились до сих пор ни на одном конгрессе».

Однако с отзывом геолкомовцы могли познакомиться только осенью. В разгаре был полевой сезон, и они разъехались по стране. Чернышев с Морозевичем отправились на Новую Землю. Вебер уплыл в Баренцево море. Богдановича Карпинский командировал на Чукотку проверить слухи о золотоносности полуострова. Конюшевский обследовал острова Медный и Беринга. Геолкомовцы работали на Шпицбергене, Сахалине, Командорских островах, в Уссурийской тайге...

Когда листаешь отчеты о путешествиях, то видишь, что это скорее были научные экспедиции, нежели производственные изыскания; по-видимому, Карпинский придерживался какого-то определенного направления (которое не совсем до конца раскрывалось в известных планах Геолкома) в изучении страны; научное познание должно было обгонять хозяйственный расчет; забота не об одном сегодняшнем дне двигала им. Но Геолком был производственной организацией в первую голову и чутко откликался на требования промышленности. Промышленности же нужно было топливо: уголь, нефть. Сотрудниками Геолкома велась разведка Кузнецкого бассейна, было открыто несколько месторождений вдоль железнодорожных магистралей, что было экономически очень выгодно; искали уголь в далекой Фергане. Но лучшие специалисты-угольщики заняты были в Донбассе.

Выше упоминалось имя Лутугина. Нужна была известная смелость, чтобы зачислить Леонида Ивановича в штат. Он замешан был в революционном движении, подвергался преследованиям. Позже, после ухода Александра Петровича с поста директора, Лутугину, у которого не нашлось защитника, пришлось покинуть Геолком, но при Карпинском он работал спокойно. Донбасс менялся на глазах: росли копры, и разорялись деревни; мужички в лаптях стояли в очередь у дверей шахтоуправления; им выдавали обушки, и по очереди входили они в клеть, чтобы спуститься в забой. По штрекам хлюпала вода, стволы крепились наспех, часто случались обвалы. Лутугин не мог оставаться равнодушным, протестовал, ездил к управляющим ругаться. Слыл смутьяном. Зато уважительно про него говорили: «Чует уголек».

Подземная карта была крайне несовершенна. Возраст углей каждый инженер определял по-своему, однако ясно было, что угли, как выражаются геологи, разновозрастные; считалось, что и качество их зависит от возраста. Лутугин проанализировал в лаборатории тысячи образцов; его вывод был противоположен общепринятому мнению: не в возрасте суть, а в метаморфизме, то есть степени переработки.

Лутугин с учениками (среди них был и впоследствии известный академик П.И.Степанов) провел площадную съемку всего Донбасса. Он как бы «метил» пласты и в конце концов выделил основные, опорные, маркирующие горизонты, а уж потом представилась возможность составить полный разрез угленосной толщи Донбасса. Историк Геолкома И.Л.Клеопов справедливо замечает, что съемки, проведенные Л.И.Лутугиным в Донбассе, были одними из лучших в мировой практике и явились прекрасной школой для молодых геологов. Более того, лутугинская

методика была попользована и при исследованиях, проводимых не только в угленосных бассейнах.

В новом составе Геолкома пять старших геологов, шесть младших и шесть помощников геологов. Впервые в геологической службе организована химическая лаборатория; при ней лаборант и его помощник. Должность делопроизводителя и консерватора ликвидирована, вместо нее учреждена новая — секретаря Присутствия.

На эту новую должность был зачислен человек, которому суждено было занять особое место в истории нового Геолкома, стать живой его летописью и душой.

Глава 15

Социетет наук и художеств

Когда в 1886 году сорокалетний директор Геолкома был избран в академию, он встретил там немало знакомых, с которыми прежде приходилось сталкиваться или по делам Геолкома, или на заседаниях Минералогического общества, Общества естествоиспытателей природы или в Горном департаменте. На собрания Физико-математического отделения академии приходили Гельмерсен, Кокшаров, Вильд. Генрих Иванович Вильд состоял директором Физической обсерватории, которая ранее относилась к Горному ведомству. Она вела широкие исследования физического состояния Земли; сам же Вильд увлекался климатологией и метеорологическим прогнозом. Научное планирование земледелия и промышленного развития без этих дисциплин невозможно, и изыскания Вильда пользовались в академии вниманием и поддержкой. Он организовал сеть метеорологических станций, создал магнитную и метеорологическую обсерватории в Павловске. Физическая обсерватория собирала сведения о перемещениях воздушных масс на огромном пространстве — от Ледовитого океана до степей Центральной Азии, от Балтики до Камчатки.

Поскольку атмосферные перемены и явления земного магнетизма связаны с распределением глубинных масс, Вильд нередко консультировался с геологами, в частности с Александром Петровичем. Со своей стороны, он старался приохотить новоизбранного собрата по академии к изучению полярных стран, что тогда чрезвычайно занимало умы европейских ученых. В столицах разных стран собирались так называемые полярные конференции; русскую академию представлял Вильд. Александр Петрович действительно увлекся полярными исследованиями. Пройдет некоторое время, и он даже возглавит Полярную комиссию академии, работа которой широко развернется сразу после революции.

80-е годы ознаменовались крупными открытиями в астрономии; возникла астрофизика, занимающаяся изучением строения небесных тел, их физических свойств и химического состава. Александр Петрович всегда живо интересовался космологией и свои построения, касающиеся земной коры, старался увязывать с данными этой науки. Мы помним, что в своем знаменитом докладе «О правильности в очертании, распределении и строении континентов» он сравнивал земные кряжи с марсианскими, и это

позволило ему установить связь горных масс с осью вращения планеты. Теперь у него установились дружеские отношения с астрономами, появилась возможность глубже познакомиться, беседуя с ними, с новейшими достижениями науки.

Центр ее сосредоточился в Пулковской обсерватории. За три года до вступления Александра Петровича в академию, в 1883 году, обсерватория пополнилась 30-дюймовым рефрактором, для своего времени «величайшим и совершеннейшим», как поспешили возвестить газеты, и были правы. Показывал его Александру Петровичу, когда он приехал в Пулково, директор обсерватории О.В.Струве, сын знаменитого астронома В.Я.Струве, сформулировавшего математический закон распределения звезд первых девяти классов в различных частях Млечного Пути. Александр Петрович знал старшего Струве, беседовал с ним. Теперь его сын показывал Карпинскому приборы, пассажные инструменты новой конструкции, вращающиеся башни, гордость пулковцев — одна из них, предназначенная для фотометра, имела особое, изобретенное в Пулкове устройство...

В стенах академии Александр Петрович смог лучше узнать старого знакомого по Геолкому Ф.Б.Шмидта и привязаться к нему. Фридрих Богданович, как человек и ученый, оказал немалое влияние на Карпинского; необходимо сказать о нем несколько слов. 18-летним юношей поступил он в Дерптский университет, записавшись на историко-филологический факультет, и закончил его по разряду русского языка и словесности. Но одновременно прослушал курсы химии, физики, минералогии и ботаники; по ботанике даже сдал экзамен. Прошло три года, и он представил диссертацию, посвященную одному из аспектов ботаники. Друзья и родные решили, что его научные интересы установились. Нет, оказывается, все эти три года он вел еще и палеонтологические раскопки, отыскал и описал интереснейшую фауну силурийского периода. Петербургская академия, познакомившись с его палеонтологическими работами, оценила их столь высоко, что присудила молодому магистру Демидовскую премию.

Он уезжает в Москву и записывается в университет — опять-таки на историко-филологический факультет. Слушает лекции по древнерусской литературе у Буслаева. Однако не пропускает и лекций ботаника Шифера и геолога Щуровского. И все-таки любовь к палеонтологии побеждает, и он решает посвятить себя ей одной! С 1859 по 1863 год путешествует по Сибири, Амурскому краю и Сахалину. Позже, когда составлялась первая геологическая карта России, глубинное строение Сибири было нанесено на

нее под непосредственным наблюдением Шмидта. На Амуре и Сахалине он открыл богатые отложения третичной и юрской флоры и дал общее освещение геологии местности.

С 1881 года печатается его исследование некоторых представителей ископаемой фауны силурийской системы Прибалтики, оно стало одним из основных сочинений стратиграфической литературы 80-х годов. Фридрих Богданович перекидывается на изучение еще более древних — докембрийских отложений и дает ценнейшее описание органических остатков. Его назначают заведующим Минералогическим музеем академии. Помещение, в котором располагался музей, было небольшим, но коллекции славились на весь мир. 487 тысяч номеров насчитывалось в каталоге музея. Шмидт 25 лет заведовал им.

Вот так удачно сложилась научная карьера бывшего филолога, чего нельзя сказать о его личной жизни. В молодости Фридрих Богданович пережил неразделенное чувство и остался верен ему — или памяти о нем — на всю жизнь. Он снимал холостяцкую квартиру, но Александр Петрович предпочитал видаться с ним и беседовать не там, а в кабинете Минералогического музея. Более всего привлекало его в старшем друге разнообразие интересов, хотя Шмидт не занимался русской словесностью как ученый, но любил ее и считал долгом знакомиться с новинками литературы в этой области; любил театр, музыку. По-видимому, Шмидт в известной степени в глазах Александра Петровича приближался к идеалу академика, каким он его себе представлял: настоящий академик должен быть широко образованным, никак не замкнутым в сфере своей науки, непременно добрым и безукоризненно честным...

Вероятно, через Шмидта Карпинский познакомился и сошелся с академиками Второго отделения, которое тогда переживало расцвет своей деятельности; на собраниях его рассматривались главным образом сочинения по русской и славянской филологии и истории. С докладами выступали Ф.И.Буслаев, И.И.Срезневский, А.А.Потебня, Ф.Ф.Фортунатов, И.А.Бодуэн де Куртэнэ. Пройдет немного времени, и их доклады составят золотой фонд русской филологии. Русская диалектология и история русского языка их усилиями сформировались как самостоятельные дисциплины; начала зарождаться сравнительная грамматика индоевропейских языков, в свете которой делались попытки представить развитие славянских языков. Все это были интереснейшие начинания, и Александр Петрович с живым любопытством, который еще подогревался Фридрихом Богдановичем, знакомился с ними.

Социетет (то есть содружество) наук и художеств — так представлял

себе и такой хотел видеть академию Петр. И в 80-х годах, когда в ее состав вошел Карпинский, она вполне отвечала желаниям Петра. И она была отечественной академией, о какой мечтал великий реформатор, уверенно и гостеприимно приглашая в свою столицу иностранных ученых знаменитостей. Вживание академии в российскую действительность произошло быстро, быстрее, чем можно было ожидать, — тому способствовали колоссальная фигура ученого, озарившего своими трудами начало истории академии и весь ход последующего ее развития, и колоссальное деяние, затеянное академией и с блеском выполненное, несмотря на неисчислимы трудности. Личность эта — Ломоносов; деяние — академические путешествия, открывшие Россию русским и всему миру как край несметного богатства и красоты.

Среди сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, охвативших все отрасли науки, Карпинского, конечно, в первую очередь интересовали геологические. «Велико есть дело достигать во глубину земную разумом...» — с гордостью, которую Александр Петрович всем сердцем разделял, писал Ломоносов. И сам пытался разумом проникнуть «сквозь тесные расселины и вечною ночью потраченные вещи...». В 1763 году он выпустил «Первые основания металлургии или рудных дел», книгу, охватывающую круг знаний, необходимых горняку и металлургу. Заключительная часть ее «О слоях земных» — свод геологических теорем; в ней содержится также своеобразный прогноз минеральных скоплений в недрах России.

Это ставшее классическим сочетание теоретических построений с практическими выводами характеризовало и указы руководителям экспедиций, которые академия посылала одна за другой в глухие и недоступные уголки страны. Ученые отправлялись на телегах — и пропадали в суеде проселков; лишь время от времени (очень редко!) прибывали от них в академию весточки или заколоченные ящики с образцами. Зато с собою, возвратясь, они привозили столько материала, что разбирать его хватало и им самим, и их преемникам иногда на десятилетия. Особенно прославились экспедиции П.С.Палласа, И.И.Лепехина, С.Г.Гмелина.

Академия стала центром научного познания России и сама стала подлинно российской.

Академики, конечно, много думали о лучшем внутреннем устройстве своего научного учреждения. Нельзя было слепо копировать иноземные образцы. Против этого восставал и Ломоносов. Его перу принадлежит проект устава академии. Любопытна та роль, которую он отводил президенту. «Президент Академии наук не токмо главные правитель и

начальник, но и оберегатель оные от посторонних приключений и наветов». Оберегатель, то есть должен о б е р е г а т ь академиков. «Оберегатель», продолжает Михаил Васильевич, должен быть «природным россиянином» и образованным человеком, знающим «нужнейшие языки».

Глава 16

Погребов

По странной прихоти судьбы тот, кто пришел на место Федорова, тоже получил приставку «и.д.» — исполняющий должность — словно место это было заколдовано и без приставки его никак было не получить; только на сей раз вполне она была правомерна, и носил ее новый обладатель не десять лет, как Евграф Степанович, а двадцать три года.

Правомерна потому, что Николай Погребов был без высшего образования, и Карпинский, вообще говоря, не имел права принимать его на службу. «Известия Геологического Комитета» за 1897 год извещали: «Директор доложил, что министр земледелия и государственных имуществ согласился на утверждение техника путей сообщения Погребова исполняющим должность секретаря и библиотекаря Геологического комитета». Согласился! Значит, пришлось хлопотать, просить. Вероятно, дополнительным, но еще более серьезным препятствием служило прошлое Погребова, и Александр Петрович шел на определенный риск, хлопоча за него, и, видно, сознавал, что хлопоты стоят того. Геолком приобретает нужного, полезного человека и работника. Как всегда, Александр Петрович не ошибся. Чутье не обмануло его. Погребов стал своеобразным центром в коллективе сотрудников Комитета и оставался им долго, десятки лет, когда Карпинский уже давно ушел из него, а потом и из жизни...

Впрочем, может быть, Александром Петровичем двигала еще и простая человеческая жалость: когда Погребов постучался в двери Геолкома, он был в положении отчаянном: на руках пятеро детей, заработков никаких, и позади ссылка — мучительных три года на безлюдной Онеге, где пропитание себе и семье находил переменной рыбалкою, да жена, медицинская сестра по профессии, кой-чего обретала родовспоможением...

В раннем детстве врачи обнаружили у него чахотку, и родители увезли на воды в Германию (отец, видный чиновник, в старости удостоен был звания почетного гражданина города). Там Коля рос и русскую грамматику учил по немецкому учебнику; когда же исполнилось одиннадцать лет, процесс в легких как будто бы загдох, и мать решила вернуться с ним в Петербург. Определили его в реальное училище. Однако едва приступил к занятиям, кашель возобновился и на щеках зардел болезненный румянец.

Погребов вспоминал, что однажды родителей вызвал директор

училища и посоветовал мальчика забрать, иначе-де ему вовсе станет худо, как бы даже не умер. И они уж сами к тому склонялись, чтобы вновь его везти за границу, но что-то в мальчике страшно переменялось, что-то восстало, и они наткнулись на решительный его отказ. Он сорвал с шеи теплый шарф и сбросил на пол шубейку. Он скинул рубаху и пустил из крана холодную воду...

С тех пор ни разу в жизни не надел он зимнего пальто, ни одного дня не начал, не обтершись мокрым полотенцем, отказался от сладостей и сдобы; он выработал для себя правила жизни и никогда не изменял им. Правила были суровы, и, быть может, призрак Рахметова витал перед мысленным взором юноши, как перед взором тысяч других юношей тогда. Николай спал на жесткой койке, укрывшись грубым шерстяным лоскутом, обходился парюю брюк да потертым пиджаком, питался картофелем, не потреблял спиртного и, как Рахметов, имел единственную слабость — не сигары, он не курил — крепкий чай. Любил, считал целебным напитком. Все. Других слабостей иметь он себе не позволял.

Как «политический» он проходил по делу Александра Ульянова. Однако принадлежность к заговору с целью царевубийства доказана не была (и он действительно не был к тому причастен) — ответ держал за распространение прокламации «К обществу», составленной Ульяновым. Прокламации хранились в его квартире, но при обыске жандармы их не нашли. Приговор был сравнительно мягок: три года ссылки.

Вот почему Александр Петрович Карпинский, с которым Погребова познакомили после отбытия наказания и долгих поисков работы, не мог душевно не пожалеть его... У Александра Петровича к тому времени было множество учеников, но этот, пожалуй, самый необычный. «Карпинский просматривал, — вспоминал Погребов, — неукоснительно все печатавшиеся статьи в корректуре и всегда делал весьма ценные и интересные замечания. Каждому из авторов он давал чрезвычайно четкие объяснения и большей частью сообщал их также мне как секретарю Комитета и техническому редактору его изданий. И вот эти-то почти ежедневные собеседования с Александром Петровичем и его разъяснения по целому ряду весьма разнообразных вопросов расширяли мои знания по геологии и давали такую школу, такую возможность учиться у Карпинского, какую вряд ли кто-либо другой имел».

Библиотека Геолкома состояла теперь из тысяч томов на десятках языков и стараниями Никитина доведена была до образцового порядка, но этот порядок надо было поддерживать; ежедневно поступали из разных стран бандероли с книгами и отправлялись в разные страны русские

издания; все следовало фиксировать, заносить на карточки. Переписка Геолкома росла из года в год и требовала внимательной проработки. Погребов читал корректуру «Трудов» и «Известий», но брался также, чтобы заработать немножко денег, править корректуры монографий геолкомовцев, брался за переводы, чертежи...

Вскоре Геолком доверяет ему самостоятельные исследования — и он изучает устья рек Русской равнины, входит в особую комиссию, которой поручено отыскать источники водоснабжения столицы, нужды которой в питьевой и технической воде все возрастают. Домой возвращается едва к шести часам, к обеду — время, когда собирается вся большая семья; отобедав, удаляется в комнату свою, ложится на кожаный диван, подкладывает под голову кожаную подушку (на этом диване до конца дней своих будет спать, на нем и смертный час встретит) — отдыхает до одиннадцати вечера, потом встает к чертежной доске, которая заменяет письменный стол... Работает до четырех ночи.

Аскет, он не выносит роскоши — увы, под это понятие подпадают предметы или потребности, которые другим кажутся естественными и необходимыми, например, желание жены учить детей музыке и танцам. Разговоры за обеденным столом не всегда спокойны. Семья выдержала лютое испытание ссылкой, но не выдерживает испытания бытом... Она распалась — Погребов живет один.

Впрочем, давно уже настоящим домом его стала маленькая комнатка библиотекаря, вторая дверь налево во втором этаже геолкомовского особняка. А комнатка эта — своеобразным клубом Геолкома, в котором постоянно толпился народ. «Опять митинг», — ворчал директор, проходя по коридору, а сам нет-нет да заглянет послушать. А.И.Погрובה так и называет в своих воспоминаниях: «Это был клуб... Николай Федорович не курил, но его комната была самая прокуренная...» Она запомнилась всем посетителям Геолкома. Н.И.Берлинг, гидрогеолог, пишет о «знаменитой характерной для жизни Геологического комитета на 4-й линии комнате секретаря и библиотекаря, где была вечная сутолока и обсуждались всякие наболевшие вопросы... Жизнь Николая Федоровича никак нельзя отделить от политической жизни того времени».

Несомненно, особый аромат, особую привлекательность комнате придавало то, что в ней царствовала книга, для всех столь обожаемая. «Я всегда любил книгу, — вспоминал академик Д.В.Наливкин, — а тогда просто благоговел перед ней. То, что все книги подчинялись Николаю Федоровичу, ставило его на необыкновенную высоту и еще увеличивало уважение к нему. Было ясно, что он сам «болел книгой». Каждая новая

покупка, новая партия книг, полученных из-за границы, доставляли ему самое большое удовольствие. Отказ в деньгах на книги он переживал как личную обиду, как преступление и боролся до полной победы. Особенно гордился Николай Федорович собранием геологических карт — одним из лучших во всем мире уже тогда».

Вскоре в Геолкоме произошло примечательное событие: принята первая женщина — Александра Ивановна Фролова. По измененному штатному расписанию библиотекарю полагался помощник; вот на эту должность и взяли Фролову, имевшую опыт библиотечной работы.

В 1910 году Николай Федорович и Александра Ивановна поженились. Женитьба преобразила Погребова. Исчезла его замкнутость, неподатливость. Он окружил жену вниманием, заботился о детях, их было трое: два сына и дочь. Приобрел даже участок на Карельском перешейке и поставил дом на берегу быстрой неширокой реки Сестры. Мог ли он думать, что этот водный поток, который он исследовал как гидрогеолог, разрежет пополам сердце — и семью; в первом случае, так сказать, символически, во втором — в самом прямом смысле. В 1918 году, когда определялась государственная граница между СССР и Финляндией, она прошла как раз по реке Сестре. Николай Федорович был в это время в Петрограде, а Александра Ивановна с детьми на даче. Она не знала и предположить не могла, что назначена последняя дата перехода границы, и когда утром следующего дня приблизилась к реке, то увидела на обоих ее берегах вышагивающих пограничников...

Увидеть мужа больше не привелось.

Лишь младший сын Николай Николаевич Погребов смог в 1957 году вернуться на Родину. Но отца давно уже не было в живых.

...Он снова один, но не одинок; на работе окружают люди, в квартире кто-то вечно живет, у кого нет пристанища: нуждающиеся студенты, какие-то дети, которых он воспитывает, а иных и усыновляет, и, конечно же, старые друзья-революционеры, освобожденные из тюрем; им подыскивает работу — по возможности, у себя в Геолкоме; например, составлять библиографические справочники (в этом качестве перебивали Лукашевич, Панкратов, Бибергаль, Ольга Фигнер и другие известные народники). Словом, коммуна, у каждого свои обязанности: кто готовит обеды, кто стирает белье, убирает в комнатах, а по воскресеньям гурьбой вываливают во двор — пилить и колоть дрова.

Он часто болеет: донимают приступы тропической лихорадки, которую подхватил на изысканиях близ Баку и от которой избавиться так и не смог; в 1919 году перенес оспу, через три года — брюшной тиф. Он

никогда не обращался к врачам; если же их приводили друзья, он со вздохом позволял осмотреть себя, но от микстур и лекарств решительно отказывался. Друзья пытались также приучить его носить перчатки, галоши, шапку, теплое пальто, но из этого ничего не вышло. (В 1936 году геологи Ленинграда торжественно отмечали его 75-летие. Свою ответную речь он начал так: «Если бы я принимал какие-нибудь меры, чтобы сохранить жизнь, если бы эти мероприятия помогли, я мог бы считать это своей заслугой, но никаких мероприятий я не принимал: я не виноват, что мне 75 лет».)

Академик П.И.Степанов называет эрудицию Погребова «огромной». Биограф Погребова профессор Р.Ф.Геккер пишет: «Существует выражение «ходячая энциклопедия». Не хочется по причине избитости, а в данном случае и неточности, употреблять его по отношению к Николаю Федоровичу. Николай Федорович был «кладезем знаний» — эти слова к нему больше подходят». Суть, разумеется, не в названии; пройдя великолепную школу у Карпинского, Погребов вырос в подлинного ученого; интересно отметить, что в стиле работы, в самом стремлении к полной законченности, проработке всех деталей, к тому, что можно назвать «академичностью», он навсегда остался поклонником Карпинского. Да иначе, конечно, и не могло быть.

Погребов оставил труды по гидрогеологии, оползневым процессам. В 1902 году обнаружил близ села Ополье в 16 верстах к востоку от Ямбурга (ныне город Кингисепп) выходы горючего сланца. Он отдал много лет их изучению и в конце концов доказал, что они являются ценным сырьем, как химическим, так и топливным. Сейчас кукерскит (такое название получил сланец) интенсивно разрабатывается.

Когда началась Великая Отечественная война, Николай Федорович был стар, ему перевалило за 80. Во Всесоюзном геологическом институте был создан военный отдел, подчинявшийся командованию Ленинградского и Северного фронтов. Блокада ставила проблемы, с которыми ученые прежде и не сталкивались. Где взять стройматериал для дотов? Какие грунты устойчивы и можно ли в них возводить укрепления, в каких нельзя? Как подвезти воду к госпиталям и передовым позициям? Как бороться с притоками, чтобы не заливало окопы. Наконец, потребовалось огромное количество зеленой краски, чтобы маскировать здания и площади Ленинграда, — где взять сырье для ее приготовления?

Как было обойтись без Погребова с его «кладезью знаний»? Казалось, у него готовы ответы на все вопросы. «Ни вражеские бомбежки, — рассказывает бывший руководитель военного отдела Г.П.Синягин, — ни

артиллерийские обстрелы, ни уговоры товарищей не удерживали его от выездов на фронт... Эти поездки немислимы были без Николая Федоровича. Только его огромный опыт и знания позволяли сразу, без производства полевых работ решать на месте разнообразные вопросы...»

Свидетельница последних дней Погребова Н.А.Ревунова вспоминает такой случай: «Как-то поздно вечером к Николаю Федоровичу постучали и попросили дать сведения о толщине льда на Неве. Николай Федорович при свете копилки нашел необходимые сведения в своей обширной библиотеке, в которой все было на определенном месте, так что с закрытыми глазами он мог достать нужную книгу».

«В ноябре перестали ходить трамваи. С утра он шел в институт на 20-ю линию, потом в Дом ученых на Дворцовую набережную (там столовался) и обратно домой на 3-ю линию Васильевского острова. Эти ежедневные прогулки в 5 — 7 километров не восполнялись питанием... От ходьбы он уставал и даже подкреплялся портвейном, который был получен на паек по карточке; при этом он виновато говорил, что выпил рюмочку для подкрепления сил. Кто знал резко отрицательное отношение Николая Федоровича к спиртным напиткам, тот поймет, что только крайняя необходимость поддержать силы заставляла его употреблять портвейн.

Я приходила с работы с картфабрики и, если Николая Федоровича еще не было дома, шла встречать к Дому ученых. Как-то в конце декабря я задержалась и встретила его у университета. Он еле двигался и говорил, что очень боялся, что я его не встречу и он упадет и умрет на улице. Он еле шел, держась за меня, ни о чем не говорил...»

Он лег на диван, отвернулся к стене.

В последние дни отказался от еды, даже от питья. «Я уже отработал свое, а вам еще работать».

Приехали сослуживцы, они исхлопотали для него место в госпитале. Но подняться он уже был не в состоянии, а носилок не было. Их не хватало для раненых.

Николай Федорович умер 10 января 1942 года.

Его похоронили на берегу Финского залива, в месте, где хоронили покойников с Васильевского острова. Оно за Смоленским кладбищем. Памятника не поставили, а дощечку скоро сдуло ветром и засыпало снегом. И могила его затерялась среди тысяч других могил блокадного времени.

Всю жизнь Николай Федорович благоговел перед именем Карпинского и несколько раз принимался за воспоминания о нем. Но даром литературного изложения Погребов не владел, получалось сухо, и, неудовлетворенный, оставлял записки неоконченными. Сохранились

черновики, из которых Р.Ф.Геккер составил сводную статью «Об исследовательском стиле А.П.Карпинского».

Она в основном о деятельности Александра Петровича на посту директора Геолкома. «Александр Петрович со свойственной ему аккуратностью и тщательностью проводил в жизнь принцип коллегиальности, что создало для геологов Комитета благоприятную обстановку, своеобразную школу, воспитавшую ряд крупных ученых». Вставал Карпинский, подмечает Николай Федорович, очень рано: «Лучшее время — раннее утро: он встает в пять часов, и со свежими силами работа идет легко и быстро».

Любопытны воспоминания о работе Карпинского над расшифровкой загадочных ископаемых остатков; Александр Петрович проявил при этом исключительную разносторонность, поразившую Погребова: «Перебрал и изучил всю литературу, какую только мог достать у нас и за границей».

«Когда работа была опубликована, она вызвала появление обширной литературы на эту тему. Был и ряд критических статей, в которых высказывалось несогласие с мнением автора... Но оказалось, что ответы на все эти вопросы были заранее продуманы Александром Петровичем... Материал, следовательно, был проработан до самых мельчайших подробностей... Во всех своих исследованиях А.П.Карпинский всегда точно и до конца отшлифовывал каждую мельчайшую деталь большой и многогранной работы и давал четкие, ясные и определенные ответы на все возникавшие вопросы. Такое отношение к делу невольно увлекало и захватывало окружающих его учеников и товарищей по работе, побуждая их также вкладывать в работу всю свою силу и энергию».

Глава 17

Геликоприон

Мы подходим к необычайно интересной стороне творчества Карпинского; можно даже сказать — чарующей стороне, если бы было принято с подобными эпитетами обращаться к строгой и выверенной науке. Однажды мы имели случай обронить два слова о некоем артистизме, который проявился вдруг в характере положительнейшего Александра Петровича, и проявился всего раньше во внешности: длинные волосы, костюм свободного покроя; затем в страстном увлечении музыкой и наконец в том кругу, в котором он начал вращаться и в который входили художники, артисты. Однако все это внешняя сторона; предстоит показать, что истоки артистизма глубже, коренятся в самой натуре будущего тайного советника, в самом его научном мышлении, как бы это ни звучало непривычно. Но прежде надо отметить, что к данному периоду аналитическая сила его ума достигла наивысшей остроты и что он в совершенстве овладел всеми методами, которыми владела тогда геологическая наука. Есть глубокие научные сочинения, которые можно сравнить с симфониями, есть искрометные небольшие, поражающие игрой и пронизательностью мысли — они напоминают виртуозные пьесы. К ним и обратимся.

В палеонтологии известен целый ряд остатков, расшифровать принадлежность которых к каким-либо организмам, когда-либо на Земле существовавшим, не представляется возможным; они кажутся осколками неведомых, окаменелых тварей, откуда-то занесенных на нашу грешную планету. В номенклатуре они так и называются: «проблематики».

Весной 1898 года из Красноуфимского уезда Пермской губернии в адрес Геолкома пришел пакет, а вскоре за ним посылка. В пакете содержались фотографии странно изогнутого зубчатого камня, напоминавшего обломок дисковой пилы, в посылке — сам камень. Нашел его в отложениях артинского яруса инспектор народных училищ А.Г.Бессонов и, зная, что знатоком артинского яруса слывет директор Комитета, почтительнейше просил его разъяснить, что за «зверь» ему в руки попался.

Карпинский тотчас откликнулся, подтвердил ценность находки и в соответствии с геолкомовскими правилами перевел нашедшему определенную сумму денег.

Еще через неделю пришел ответ Бессонова. От принятия денег он вежливо уклонился, считая это несовместимым со своими принципами, и выразил желание и впредь по мере сил способствовать процветанию науки.

Карпинский — Бессонову (лето 1898 года)

«Имею честь уведомить Вас, что возвращенные Вами 250 рублей получены. Геологический комитет, члены которого в настоящее время уже разъехались для путешествий по России, без сомнения, будет вместе со мной чрезвычайно Вам благодарен и отнесется с глубоким уважением к предложению трудиться на общую научную пользу, расходуя свои собственные средства. Комитет также несказанно будет благодарен Вам за предоставление в его распоряжение экземпляров замечательного ископаемого, изучением которого я теперь все свободное время занят. Фотографированный экземпляр, во избежание его порчи недостаточными сведущими и неосторожными лицами, вделан в особый футляр — ящик, в котором его отлично можно видеть под стеклом. В таком виде я возил его в Академию наук, где сделал маленький предварительный доклад, причем ископаемое возбудило общий интерес и внимание. По фотографии почти никто не может узнать того класса животных, к которому ископаемое принадлежит, до того вид его для этого класса (рыбы) является исключительным. Почти все ученые, которые занимались формами, подобными красноуфимскому ископаемому, делают о них самые разнообразные предположения, сходные лишь в причислении их к классу рыб, но никому не приходит в голову, что ископаемое может иметь такую своеобразную форму, какая доказывается Вашими экземплярами, которые относятся к новому роду и новому виду. Хотя отпечаток подобной формы этого же не описанного еще рода и был найден однажды в Австралии, но описан под неверным названием... В настоящее время я прошу Вас, если Вам встретится надобность в средствах, которые превышают Ваши личные ресурсы, то будьте добры уведомить об этом Комитет».

Обратив внимание читателя на тон добросердечной простоты, с каким маститый ученый обращается к незнакомому любителю, перейдем к сути

вопроса. Попутно следует заметить, что фамилия Бессонов вошла в видовое название загадочного существа, о котором пойдет речь; для Карпинского иначе и не могло быть. Итак, Александр Петрович, несмотря на то, что «почти никто не может узнать того класса животных, к которому ископаемое принадлежит», уверенно и сразу относит его к рыбам.

В мировой литературе ископаемых остатков, подобных красноуфимскому, описывалось всего семь экземпляров.

В 1855 году американский профессор Эдвард Гичкок в каменноугольном сланце в штате Индиана нашел и представил на собрание Ассоциации наук в Провиденсе «замечательный образец своеобразного сегментированного, снабженного зубами ископаемого». Через два месяца И.Лейди в Арканзасе отыскал нечто чрезвычайно похожее; вначале он придерживался мнения, что это кусок челюсти акулы, но в 1856 году сообщил Филадельфийской академии, что считает этот остаток частью спинного шипа хрящевой рыбы. В 1866 году Ньюберри описал отдельный зуб с кусочком основания, найденный им в той же Индиане. Следующие находки переносят нас под Москву, где в каменоломнях Мячкова Траутшольд выкопал обломок, в котором сумел найти нечто схожее (и различное) с ньюберревским. Траутшольду посчастливилось потом добыть еще один экземпляр. Наконец, Водворт в Западной Австралии извлек часть сросстка глинистого железняка с отпечатком ископаемого.

Вот и все, что имелось в мировых палеонтологических хранилищах. Трактовался этот материал очень по-разному; взгляды менялись. Например, Гичкок (к его мнению присоединился и Лейди) принимал обломок за челюсть с зубами; через некоторое время он отрекся от этой гипотезы и высказал другую, в чем его поддержали Оуэн и Ньюберри; находка, заявил он, является собой часть спинного плавника акулы. Другие считали, что это нечто вроде пилы у рыбы-пилы, третьи — что это шип и так далее. Спираль геликоприона весьма внушительна по размерам — до 35 сантиметров в поперечнике; ее назначение и помещение на теле животного (где, в какой части?) представляли собой загадку.

«Изучением... я теперь все свободное время занят», — сообщал Бессонову Карпинский. Чтобы в какой-то степени передать объем работы, сделанной Карпинским, перечислим ее этапы.

1. Произвел минерало-петрографические исследования породы, в которой находились ископаемые.

2. Изучал процесс погребения, окаменения (фоссилизации) остатка.

3. Влияние породы на погребенные в ней остатки и, наоборот, влияние последних на прилегающую породу.

4. Совокупность организмов, обитавших в то время. Остатки подвергал гистологическому, сравнительно-морфологическому, этологическому исследованиям.

5. Выяснял их стратиграфическое положение. Изучал под микроскопом строение рыбьих зубов.

6. Изучал онтогению зубного органа, последовательность развития зубов.

В 1899 году трактат Карпинского «Об остатках едестид и о новом их роде геликоприон» появился в «Записках Императорской Академии Наук»; в том же году немецкий перевод появился в «Записках» Минералогического общества. Сказать, что он вызвал бурю, было бы преувеличением, но редко какой палеонтологический труд порождал столько откликов и споров, не прекращавшихся на протяжении десятков лет. История палеонтологии знает немало «сенсаций», когда та или иная находка переворачивала представление о времени обитания какого-либо животного, его облике. Сочинение Александра Петровича к такому разряду не отнесешь, однако выводы его проникли даже в широкую печать; как курьез назовем немецкий зубоврачебный ежемесячник, поместивший выдержки из русского трактата; по-видимому, редакторы полагали, что дантистам небесполезно ознакомиться со строением зубов древней акулы, обрисованным с такой подкупающей полнотой. Рефераты же появились почти во всех геологических журналах.

Геликоприон, по Карпинскому, крупная акула, обитавшая в открытом море, но нередко посещавшая и прибрежные мели, где чаще всего и находят остатки. Тяжелый завиток, по его предположению, находился впереди рыла, служил орудием нападения и защиты. Были ли у геликоприона враги? Немногие. Рог-завиток отламывался и терялся во время поединков самцов. Вид у геликоприона необычайный, особенно странным кажется завиток. «Это была совершенно необыкновенная структура, которую можно считать единственной в своем роде, — замечает Давиташвили. — Во всем мире животных трудно указать что-либо, ей подобное».

Даже через тринадцать лет английский палеонтолог А.Хей признавался, что «рисунок Карпинского казался достаточно гротескным». Истмен назвал его «высокопричудливым эскизом». Необычность вида многих повергла в изумление; первоначальные отклики были в основном отрицательными. Впрочем, даже критики не скрывали восхищения.

Иекель (немецкий палеонтолог) — Карпинскому, Берлин, 24 марта

1899 г.

«Толкование Вашего удивительнейшего из всех остатков позвоночных как симфизного челюстного ряда кажется мне все более ясным, чем более я об этом напряженно думаю. Это, конечно, интереснейшая находка, сделанная в палеонтологии за долгое время».

Э.Ван ден Брук (генеральный секретарь Бельгийского общества геологии, палеонтологии и гидрологии) — Карпинскому, 21 ноября 1899 г.

«Я благополучно получил для Общества и для себя Вашу прекрасную и столь интересную посылку, за которую искренне Вам благодарен. Она будет представлена и обсуждена на заседании сегодня вечером и, конечно, возбудит живейшее любопытство.

...Может быть, покажется дерзким, если я позволю себе выразить отличную от Вашей точку зрения. Однако в интересах науки высказать перед лицом загадки все возможные гипотезы, чтобы вызвать обсуждение».

Далее Ван ден Брук развивает предположение, согласно которому завиток помещался не снаружи, а внутри рта «совершенно так же, как радуга брюхоногих моллюсков». Прилагался рисунок. В день отправки письма Бельгийское общество устроило заседание, посвященное геликоприону; жаркие споры не привели участников к единому мнению, и они собрались еще раз на следующий день. Ван ден Брук обращался к Карпинскому с просьбой прислать «к заседанию 19 декабря сего года возражения, которые Вы считали бы нужным сделать против этой гипотезы».

Карпинский прислал свои возражения. Нельзя сказать, что с ним легко соглашались; интерес, вызванный геликоприоном, побудил ученых к усиленным поискам аналогичных остатков; время от времени такие находки (в Новой Зеландии, Америке, на Урале и в других местах) появлялись — их закупали крупнейшие музеи; и вновь вспыхивала дискуссия относительно биологии и анатомических особенностей замечательного ископаемого. И снова обращались к Карпинскому, и он

отвечал, разъяснял, спорил. Даже после смерти Александра Петровича Д.Б.Обручев счел необходимым обратиться к этой теме в связи с последними публикациями; в 1953 году он выпустил труд «Изучение едестид и работы А.П.Карпинского».

Монография Карпинского, написанная в последний год XIX столетия, и последовавшая за ней многолетняя дискуссия не только славная, но и светлая страница в истории палеонтологии. Вероятно, дело не в одном том, что так виртуозно была раскрыта запутанная «шифровка» природы, ключ к прочтению которой, казалось, был утерян; дело еще и в характере дискуссии. Вокруг геликоприона как бы образовался международный форум, существовавший десятки лет; ученые обменивались статьями и письмами. Их единственной целью было выяснение научной истины, и ничто более не занимало их. Тон обсуждению задавал Карпинский; все ученые были искренно расположены друг к другу. Это всегда было мило сердцу Карпинского! Страстная заинтересованность в раскрытии истины лишена личного пристрастия и объединяет всех.

Невозможно удержаться и не привести отрывки из писем; они приходили в адрес Александра Петровича почти до самой его кончины.

Американский палеонтолог Л.Хусаков — Карпинскому, Нью-Йорк, 30 октября 1912 г.

«Хочу выразить благодарность за оттиск Вашей новой работы (речь идет об ответе критикам монографии 1899 г., в котором содержалась также ценная систематика едестид. — Я.К.)... Я прочитал его с величайшим интересом. После прочтения Вашего изложения доказательств не остается, по-видимому, сомнений, что эти своеобразные образования были ротовыми, и весьма вероятно, частью выдавались изо рта, так что могли быть обломаны — как Вы указываете, — когда рыба ударялась о какое-либо препятствие. Вы, конечно, получили последнюю работу д-ра О.П.Хея, в которой он описывает спираль едестид... Ваша ревизия видов и распределение их в три рода... очень полезны».

А.С.Вудворт — Карпинскому, Лондон, 22 ноября 1915 г.

«...Очень рад получить Ваше любезное письмо. Открытие

нового геликоприона в Екатеринбурге особенно интересно, и я благодарю Вас за две фигуры из Вашей следующей работы (Карпинский послал рисунки из статьи, которая еще только готовилась к печати. — Я.К.). Я жду с большим интересом новое произведение... Из Португалии и Шпицбергена известны только зубы».

А.С.Вудворт — Карпинскому, Лондон, 22 июля 1916 г.

«Множество благодарностей за прекрасный мемуар о геликоприоне, который я буду изучать с большим интересом. Не может быть сомнения, что ископаемое представляет ряд челюстных зубов...»

Интересная переписка завязалась у Александра Петровича с московским профессором А.П.Ивановым; они обменивались не только письменными посланиями, но и палеонтологическими находками.

А.П.Иванов — Карпинскому, 19 февраля 1922 г.

«Позвольте мне в день Вашего 75-летия вернуть в лоно Вашего рода одного потомка, оставшегося, по нерадению родителя, некрещеным 15 лет.

Примите, окрестите и усыновите его с Вашею обычною ласкою, а в утешение нерадивому родителю пошлите его портрет и метрику, а если будет милость, то и Вашу фотографию. Некрещеныш тщательно очищен и вполне подготовлен к конфирмации; мыть его уже нельзя.

На нижней части я заметил у него нитевидный валик, которого, кажется, нет у старшего брата; это все, кажется, что я мог добавить к сделанному уже Вами (в письме) описанию».

И наконец, последнее письмо из этого цикла.

К.К.Брансон — Карпинскому, 15 января 1936 г.

«Ваше письмо с запросом относительно едестиды из Индии, упомянутой мною в автореферате в протоколах Геологического общества Америки, только что мною получено. Моя работа, описывающая этот материал, находится в печати и должна появиться в этом месяце в одном из мемуаров Коннектикутской академии наук, и я пошлю Вам оттиск, как только статья появится. Пока же я прилагаю фотографию лучшей сохранности части образца и даю беглое описание тех черт, которые не видны на фотографии.

Я... давно являюсь почитателем Ваших трудов. Я надеюсь встретить Вас на заседаниях Международного геологического конгресса в Москве в будущем году... Как только работа об образце из Индии выйдет из печати, я пошлю Вам оттиск...»

Брансону не привелось повстречаться с Карпинским на геологическом конгрессе в Москве: Александр Петрович скончался незадолго до его открытия.

Глава 18

Живые и мертвые

«С Вашею обычною ласкою...» — замечает Иванов в письме, только что приведенном, говоря о «ласке» как о чем-то давно всем и хорошо знакомом. На рубеже веков мы застаем Александра Петровича... в ореоле славы — проще всего было бы сказать, но это было слишком упрощенное и даже грубоватое обозначение того внимания, которым он был окружен, которым был о б л а с к а н окружающими в ответ на свою ласку. Так-то, пожалуй, вернее! Обласкан вниманием современников. Впрочем, у биографа нет иного пути, как перечислять сухие факты.

9 февраля 1899 года его выбирают директором императорского Минералогического общества. Выборы, как водится, проходили в отсутствие кандидата; он прибыл, когда они уже были закончены; шли обычные прения по научным вопросам; выступал минералог Ячевский. В протоколе чрезвычайного заседания читаем: «К концу сообщения Л.А.Ячевского в заседание прибыл вновь избранный директор Александр Петрович Карпинский, появление которого на председательском месте было встречено долго не смолкавшими аплодисментами. А.П.Карпинский в теплых выражениях поблагодарил собрание за оказанную ему честь избрания его директором и обещал употребить все старания к дальнейшему его процветанию. Речь его вызвала вновь аплодисменты всех присутствующих». Разумеется, Карпинский отдавал тут дань процедурной форме; и все-таки для него это были не пустые слова: «употреблю все старания к дальнейшему процветанию». Стоит заметить, что он уже состоял к тому времени председателем Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Пост директора Минералогического общества Карпинский занимал более тридцати лет.

Без преувеличения можно сказать, что в это время Карпинский был одним из самых известных за границей русских ученых. Он состоял почетным членом Болонской академии, иностранным членом Римской национальной академии, членом-корреспондентом Венской и Баварской академий, действительным членом Американского философского общества, почетным членом Бельгийского общества геологии и палеонтологии и действительным членом Лондонского общества геологии, членом-корреспондентом Филадельфийской академии естественных наук; последняя наградила его в 1897 году почетнейшим своим знаком —

медалью Гейдена. Следует, вероятно, здесь же сказать и о наградах правительственных (иностраных). По просьбе шведских ученых он помогал им в градусном измерении острова Шпицбергена; король и правительство Швеции наградили его за это орденом Полярной Звезды командорского креста I класса со звездой; по статуту имелось определенное количество таких орденов, которые вручались пожизненно; после смерти награжденного орден возвращался на родину и только тогда мог быть опять кому-то вручен. Японский микадо наградил его орденом Священного сокровища I класса; румынский король — орденом Короны.

С годами он все более тяготел к чисто академическим занятиям. Выше уже упоминалось, что он оставил Геолком. Но уйти с поста директора, не подготовив преемника, в котором он был бы уверен, как в самом себе, он, конечно, не мог. Феодосий Николаевич Чернышев прошел прекрасную школу в Геолкоме к тому времени, как Александр Петрович рекомендовал его на пост директора, Чернышев уже сам был академиком. Невысокого роста, с большой головой, куривший папиросу за папиросой и не снимавший очков с толстыми стеклами, глаза за которыми казались растерянными, он был расторопен, неутомим, самозабвенно любил Геолком; пожалуй, умением добиваться своего у начальства он даже превосходил предшественника и учителя. При нем Геолком пережил радостное событие: переехал в специально для него построенное здание, «дворец геологии», как называли его современники, превосходно спроектированный и возведенный на Васильевском острове. Рассказывали, что, когда в министерстве обсуждалось требование Чернышева отпустить средства на строительство, министр возразил:

— У самого министерства нет еще своего здания!

— Министерство может подождать, — спокойно ответил Феодосий Николаевич.

Деньги отпустили: таков был авторитет Геолкома!

Как только Александр Петрович стал «чистым» академиком, ему предоставили квартиру в академическом доме на Николаевской набережной, угол 7-й линии (теперь Набережная лейтенанта Шмидта, дом 2, знаменитый тем, что весь от бельэтажа до крыши увешан мемориальными досками, имена на которых составляют гордость русской и советской науки). Опишем эту квартиру. Она достойна того хотя бы потому, что Карпинский проживет в ней всю оставшуюся жизнь, покинет всего лишь за два года до смерти.

Итак, представьте, что вы звоните в медный колокольчик, висящий под медной табличкой с именем-отчеством и фамилией нашего героя, прислуга

отворяет дверь, вы входите в просторную прихожую и снимаете пальто у вешалки, предназначенной для гостей и п р о с и т е л е й (количество которых с каждым годом растёт). Члены семьи свое верхнее платье прячут в шкафы (у каждого свой) — они стоят тут же. Две двери из прихожей ведут внутрь квартиры. Потянем за ручку правой двери — так быстрее попадем в кабинет хозяина; в сущности, все равно для осмотра, в какую дверь входить, потому что, обойдя комнаты, мы опять попадем в прихожую: квартира как бы «кольцевая». Маленькая проходная комната — и кабинет. Этажерки с книгами, полки, на стенах несколько картин, письменный стол, заваленный рукописями. Но Александр Петрович не так уж часто сидит за ним, у него привычка работать стоя. Стоя за конторкой или... роялем. Да, за роялем, и частенько утром, захватив со стола кипу бумаг, переходит он в спальню (она примыкает к кабинету) — рояль стоит здесь — и раскладывает их на черной крышке.

Когда распахнуты все двери, открывается а н ф и л а д а комнат; по-видимому, любимая перспектива Александра Петровича, ибо он вечно просит отворить все двери и вообще не запирается. «Нечего шушукаться и секретничать», — ворчит. Но поскольку женщин в доме много и охота пошушукаться и посеCRETничать не пропадает от того, что «дедуля» (так издавна между собой называют его домашние, по-видимому, из-за ранней седины) терпеть этого не может, было выбрано особое для того местечко, вдали, за ванной, тупичок-коридорчик, в который выходила спина кафельной печи. Как уютно там было! Дети играли в углу, взрослые болтали, зная, что никому не мешают; втихомолку покуривали.

В доме любят растения, их много разных: филодендроны, пальмы, агавы, розы, кактусы... Любят живопись — на стенах картины, этюды. Из спальни проходим в столовую; о ее размерах легко судить по тому, что иногда за столом усаживаются — и не тесно — тридцать человек. Далее комнаты дочерей, людская, кухня; из кухни можно вернуться в столовую, и, таким образом, «кольцо» замыкается. Но есть еще винтовая лестница на третий этаж; там тоже три комнаты (две по 40 квадратных метров), они заняты под библиотеку. Здесь обширное собрание книг и журналов на многих языках.

Можно предположить, что не всегда «дом» был таким просторным, и количество комнат, присоединяемых из соседних квартир, росло по мере роста семьи. Александр Петрович перенес в столицу уральские понятия о доме, в котором живут вместе, совокупно, и женатые и неженатые дети. «Семейная каша гуще кипит». Он решительно не хотел отпускать на сторону замужних дочерей; зятья переезжали к ним. Первым это сделал

муж Марины Александровны, Николай Беккер, художник, и талантливый; его крымские пейзажи с плоскими крышами саклей, тополями и морем вдали, а также цветочные натюрморты (большой частью букеты сирени) были так популярны, что их репродуцировали на почтовых открытках; не лишенный честолюбия, он предпочитал пользоваться именно этими открытками и любил, когда ему писали на его открытках. (Несколько их сохранилось в архиве.) Отец Николая Николаевича, крупный предприниматель, родством с Карпинским, разумеется, гордился, однако не раз предлагал сыну в ы д е л и т ь с я — снять и обставить квартиру; но тот не мог преодолеть сопротивления Марины Александровны, боявшейся огорчить отца; да и обстановка в доме Николаю Николаевичу нравилась.

Еще в стародавние времена, когда молоды были тесть и теща, Александр Петрович и Александра Павловна, завязалась у них дружба с офицерами Финляндского полка, расквартированного напротив Горного института; один из них, Владимир Деви, был даже шафером на свадьбе Карпинских. Прошло много лет, дружба не прерывалась; теперь молодые офицеры, ровесники дочерей, приходили в дом, в столовой затевались игры, спевки... Разный народ бывал в доме! Путешественники, овечьи ветрами всех широт, и кабинетные ученые, никогда не покидавшие Петербурга, артисты Мариинки и Александринки, архитекторы; Стасов, например, композитор Мусоргский и художник Репин... Фигнер, знаменитый тенор, бывал и певал; Николай Николаевич расписывал его квартиру на Литейном...

Дочерям домашних репетиторов не нанимали, все учились в гимназии на Васильевском острове; в советское время она превращена была в среднюю школу, в ней учились дети дочерей, то есть второе поколение, а теперь посещает четвертое. Все-таки Карпинские отмечены постоянством! Марина Александровна кончила с отличием и удостоена была поездки в Гатчину к вдовствующей императрице Марии Федоровне; в семье потом долго вспоминали и подшучивали над тем, как Марьюшка наивно спросила императрицу:

— Я слышала, вы хорошая хозяйка и шьете своим внукам?

— О, всякая девушка должна уметь и шить и готовить! — И императрица милостиво тронула Марьюшкин подбородок.

У Татьяны Александровны рано обнаружился живописный талант; она поступила в Академию живописи; занималась в мастерской Кордовского. С выбором темы для выпускной картины получилась неувязка: Татьяна Александровна отказалась от предложенного библейского сюжета, вызвав недовольство профессоров. Все же достоинства ее работы (жанровая сцена

с детьми) были таковы, что картину приняли на выставку. К сожалению, в дальнейшем преподавательская деятельность оттеснила творческую; из Татьяны Александровны выработался увлеченный педагог, но за кисть она с годами бралась все реже и реже.

Представим читателям еще одного молодого человека. Иннокентий Толмачев своими палеонтологическими исследованиями привлек внимание Александра Петровича и однажды был приглашен в дом на 7-й линии. Явился в назначенный час, дернул ручку медного колокольчика — и прислугой был введен в кабинет как п р о с и т е л ь. Через полчаса вышли в столовую, хозяин представил гостя и пригласил отобедать. Иннокентий Павлович, двадцатисемилетний, высокий, любезный, образованный, сумел очаровать дам. Пожалуй, наиболее сильное впечатление он произвел на Евгению Александрову, старшую из сестер. После обеда они вместе вышли прогуляться...

Евгения Александровна была девушкой незаурядной. Необыкновенно одаренная, она владела семнадцатью языками; умела быть обаятельной и холодной, была переменчива, честолюбива; вокруг нее постоянно вились кавалеры. Вскоре выяснилось, что всем им она предпочитает Иннокентия Павловича. А тот готовился к экспедиции в Сибирь. Близилась весна, время отъезда, и Иннокентий Павлович как-то вечером робко заговорил с Евгенией о том, что его пугает предстоящая долгая разлука. Признание не было отвергнуто; вскоре молодые обвенчались и уехали вместе.

«Дом» жил весело, сестры ездили в театр, нянчили детей, ссорились, мирились, читали вслух, музицировала, снова ссорились и бежали мириться к матери. Тут на авансцену повествования нужно бы вывести, несомненно, главное лицо — жену, мать, бабушку и х о з я й к у д о м а Александру Павловну, но... увы, в который раз приходится посетовать на бедность архива Карпинского «личностными» материалами. Что мы знаем о ней? Клочки, обрывки воспоминаний, сильнее их о ней рассказывает отраженный свет, запечатленный на лицах остальных персонажей.

Она смолоду была талантлива — и пела, и рисовала, и стихи сочиняла, — но все принесла на алтарь семьи. Этот «дом» с его шумом, весельем и музыкой был ее произведением, но сделанным по меркам... его. Это он т а к представлял себе настоящий «дом» и настоящую семью (по сути, «стандарт» уральского образованного горного инженерства), а его счастье, его довольство, его покой были для нее главнейшими в жизни.

Она научилась разбирать его скорый и запутанный почерк и без конца переписывала черновики. Безошибочно угадывала его настроение, и знала все его привычки, и одна умела успокаивать его несносную мигрень,

приступы которой изводили его до пятидесятилетнего возраста (все Карпинские-мужчины страдали мигренями: холодели руки, кружилась голова, подступала тошнота. Бывало, приступ заставал Александра Петровича во время чтения лекции — он резко бледнел; стоило больших усилий довести лекцию до конца).

Мы когда-то говорили, что в девичестве она чем-то походила на мать Александра Петровича Марию Фердинандовну и в связи с этим высказывали предположение, что именно это обстоятельство и явилось тайным и благим знаком, предопределившим выбор жениха. Быть может, косвенным подкреплением тому служит и выбор младшего брата Александра Петровича — Алексея Петровича, когда-то, в почти уже забытые времена, в одной повозке с братьями в золотом караване отбывший из Екатеринбурга... Как и братья, был определен в Горный кадетский корпус, который благополучно закончил. Так вот, вскорости после того, как через старшего брата он породнился с Брусницыными и стал бывать у них, он не замедлил влюбиться и сделал предложение... младшей сестре Александры Павловны — Евгении. Карпинские отмечены постоянством в привязанностях! Правда, Евгения Павловна в пожилые годы не походила на сестру и ее свекровь. Те — расплывшиеся, важные, добрые; Евгения Павловна — подтянутая, строгая; в ней угадываются черты «классной дамы»; Евгения Павловна владела четырехклассной школой, любила учеников, принимала участие в их бедах. Как-то проведала о том, что осиротел мальчик Коля Цветков, сын брата уборщицы в ее заведении. Приютила его, воспитала, дала образование; впоследствии он стал профессором металлургии. К сожалению, домашняя жизнь ее не сложилась: Алексей Петрович пристрастился к вину...

Мария Фердинандовна скончалась в 1891 году в Екатеринбурге. «Месяца Октября тридцатого дня померла от паралича сердца вдова Полковника Мария Фердинандовна Карпинская, 68 лет, а первого ноября по христианскому чиноположению предана земле. Погребение совершал протоиерей Иоан Знаменский соборне со священником Иоаном Ювенским и Николаем Плетневым при всем причте». Как видно, похороны были пышные: вдова полковника... Всю жизнь она прожила с дочерью Марией — в замужестве Редикорцевой. (Фамилия Редикорцевых известная на Урале; она дала несколько поколений горных инженеров.) Редикорцев Иван Ильич, муж Марии Петровны, собрал редкостную коллекцию уральских камней, изучать которую приезжали ученые даже из-за рубежа. После его смерти (1899 г.) Александр Петрович позаботился о ее сохранении.

Итак, людный дом, многочисленная родня, знакомые без счета... Годы

идут, Александр Петрович сед, но крепок, как дуб. Зубы белые, походка спорая, аппетит отменный, за обедом попивает домашнее кавказское вино (присылают какие-то дальние родственники), за ужином крепкий чай — и превосходно спит. Крепко шит! Долголетие заложено в самом его существе, и со странным чувством наблюдаем мы соответствие этого предначертанного долголетия с его творчеством, неторопливостью, солидностью, ровностью и разнообразием научных исканий.

Но долголетие имеет и обратную сторону. Карпинский учился в кадетском корпусе при директоре Сергее Ивановиче Волкове. Теперь не только Волков, но и Гельмерсен, Барбот де Марни, Кокшаров и другие стали для молодого поколения именами легендарными... чаще даже именами-«учебниками» («А это тот, который учебник?..»), а он их превосходно помнит, работал с ними, чаи распивал, они как живые встают перед глазами. Да что там учителя, старшие наставники — его сверстники ушли из жизни и уходят один за другим; и люди младше его, которым бы, кажется, жить да жить, например Мушкетов... Простудился, воспаление легких... А давно ли брал перевал за перевалом в голубых и грозных Тянь-Шаньских горах. За гробом шли тысячи людей. Вернувшись домой, Александр Петрович заперся в кабинете и сел писать некролог, который наутро надо будет послать с курьером в типографию, чтобы успели вставить в номер...

Мы уже не в первый раз упоминаем об этой подробности, венчающей процедуру похорон, — некролог. И не пора ли подумать, почему он никогда не отказывался? Накопилось некрологов уже на добрый том, и, если бы он порылся по журналам и собрал их под одной обложкой, получился бы своеобразный поминально-биографический справочник, содержащий сведения о крупнейших мастерах естествознания — как русских, так и зарубежных, — и в неожиданном разрезе показывающий даже развитие естествознания. Александр Петрович в отличие от иных ученых ч и т а л своих современников, следил за их публикациями и, таким образом, достаточно полно знал их творчество; ему не составляло труда вынести оценку. Это первое. Второе — он одинаково силен был в разных областях естествознания; в поле его зрения находились ученые различных специальностей. И наконец, нельзя не заметить, что существовала и нравственная причина, по которой именно ему доверяли от лица ученых произнести последнее «прости...».

Скорбный список дорогих для него имен... Романовский... Давно ли скакали по берегу Яика, солнце слепило глаза, объезжали лохматые ветлы и старые осокори... Летом 1902 года должен был праздноваться 50-летний

юбилей его научной и практической деятельности. А Геннадий Данилович, не дождавшись юбилея, уехал осматривать Домбровские каменноугольные копи. Спускаясь в шахту, поскользнулся, упал. «Ушиб... — отмечалось в некрологе, — дал толчок болезни, приведшей к тяжелым страданиями и мучительной смерти...»

И нет уже милейшего Феди Брусницына, с которым связано, быть может, самое дорогое воспоминание — встреча с худенькой черноглазой девушкой Александрой, его сестрой... Федор Павлович работал на Урале под руководством деверя, потом, как Романовского, потянуло его на Восток. Путешествовал по Туркестану, Алтаю. Печатал геологические сводки — они не отличались глубиной, свежими идеями; в каких-то провинциальных журналах и газетах помещал рассказы и повести, и они не отличались достоинствами языка, наблюдательности... Верно, чувствовал себя неудачником, замыкался, много курил...

Самой большой потерей стала смерть Фридриха Богдановича Шмидта. Они очень сблизились в последние годы. Старый холостяк привязался к «дому», любил делать подарки детям и возиться с ними. «Не стало добрейшего и симпатичнейшего Фридриха Богдановича, — начинает Карпинский некролог. — Куда бы ни заносила его судьба, от государств иностранных до глухих, отдаленных районов Сибири, — всюду о нем сохраняются добрые воспоминания на многие годы.

...В высокой степени обладал он редким свойством, необходимым, по существу, каждому научному деятелю и состоящим в и с к а н и и и с т и н ы п р и п о л н о м у с т р а н е н и и в о п р о с о в л и ч н о г о с а м о л ю б и я — свойстве, при котором ч у ж о е л у ч ш е е в с е г д а д о л ж н о б ы т ь д о р о ж е с в о е г о м е н е е с о в е р ш е н н о г о». (Разрядка моя. — Я.К.)

«Многих и многих судьба унесет из нашей среды ранее, чем потускнеют здесь воспоминания о Фридрихе Богдановиче Шмидте». Это, вероятно, жестоко по отношению к живым; некролог вообще необычен для стиля Александра Петровича прежде всего тем, что окрашен личным отношением (хотя, казалось бы, некрологи все должны быть окрашены личным отношением), а еще более тем, что в нем сформулировано нравственное кредо ученого, как его понимал, конечно, не только покойный Шмидт, но и сам Александр Петрович. «Чужое лучшее должно быть дороже своего менее совершенного...»

Да не посетует читатель, что мы слишком затянули рассказ об этом невеселом жанре. К нему тесно примыкает другой, который также обычно остается за рамками творческой биографии, а между тем не лишен права на

существование. Произведения в этом жанре, как правило, небольшие по объему, но емкие по содержанию; окажись они собранными под одной обложкой, также составили бы солидный том, по объему нисколько не уступающий «поминальному». Мы имеем в виду р е к о м е н д а ц и и и о т з ы в ы; ими вводил он в издательства, научные общества и в академию поколения за поколениями молодых русских ученых. Что делать, судьба поставила его на перекрестке дорог, одна из которых вела в шумную жизнь, а другая — на тихое кладбище; и он встречал или, увы, провожал.

Так вот, рекомендаций и отзывов Александр Петрович написал тоже несколько сотен!

Глава 19

Академия в начале века

Академия была небольшая. Бытует несколько превратное представление о старой академии. Устав 1836 года называет ее «высшим ученым сословием России»; невольно представляется с о с л о в и е, количеством не меньше хотя бы купеческого; на деле же существовал тесный к р у г, всего-то полсотни действительных членов. Когда сходились на общее заседание в конференц-зале, то много стульев оставалось пустыми. Карпинский значился в списках Первого отделения академии — физико-математического (сюда входили и естественные науки); на заседания являлось восемнадцать-двадцать человек. Необходимо об этом помнить, потому что это определяло атмосферу, в ней господствовавшую. Академики все были знакомы между собой, большинство их жило в доме на 7-й линии. Чтобы зайти в гости, достаточно было спуститься или подняться на этаж или пересечь лестничную площадку. Академики невольно — с момента получения этого звания и переезда в академическую квартиру — проникались чувством почти родственной связанности между собой — это уж до конца жизни, потому что звание давалось пожизненно. О человеческих слабостях, семейных обстоятельствах, мелких привычках и распорядке дня друг друга они знавали подробно; нелишне заметить, что денежное вознаграждение академики получали примерно одинаковое, что исключало недоразумения.

Келейность, в которой (и не без оснований) упрекали академию публицисты и внеакадемические научные круги, несомненно присутствовала, но имела, если судить объективно, и положительную сторону: порождала чувства единения, спокойствия и уверенности, без которых не может плодотворно идти научная работа. Да ведь и менялась же академия, не стояла на месте, приспособлялась к требованиям жизни! Обрасталла лабораториями, музеями; богатство коллекции зоологического, ботанического, геологического музеев славилось на весь мир; к сожалению, помещения, отведенные для двух последних, не позволяли развернуть экспозиции для осмотра широкой публикой, что значительно снижало их ценность, но ученые иностранные и отечественные приезжали и получали возможность работать (чем охотно и пользовались). Зато Музей антропологии и этнографии и Зоологический музей владели обширными залами, и выставки, здесь устраиваемые, привлекали толпы зрителей (вход,

разумеется, был бесплатным).

Физической лабораторией руководил князь Борис Борисович Голицын; он был моложе Карпинского на шестнадцать лет. Князь в молодости был моряком, кончил морскую школу, плавал на корвете «Герцог Эдинбургский», пережил массу приключений. Во внешности его было мало аристократического, да и от ученого немного: простодушное лицо, в зрелые годы фигура несколько расплылась, и он напоминал скорее преуспевающего администратора. Однако ученым был подлинным. Увлекался различными проблемами физики, писал статьи о критической температуре, абсолютных размерах молекул, теории теплоты; изучал явления спектроскопии и рентгеноизлучения; летом 1897 года побывал на Новой Земле для наблюдения за солнечным затмением. Главным научным пристрастием его была сейсмология — наука о колебаниях земной коры, причины которых оставались невыясненными: глубинные катаклизмы, обрушения слоев. Чтобы их познать, необходимо составить четкую картину распространения волн, изучить, как преломляются они, их скорость и так далее, то есть широко поставить измерительное дело, сейсмометрию.

Увлечшись проблемой, Борис Борисович скоро устанавливает, что существующие волноулавливающие приборы малопригодны, дают грубо приближенные показания. Он конструирует свой прибор и налаживает выпуск сейсмографов новой конструкции; в мировую практику они вошли под названием «сейсмографов Голицына». Первыми приобрели их французские инженеры; от них узнали о превосходном качестве русского прибора немцы. Слава распространилась по свету — заявки поступали из разных стран.

Голицын ездил по стране, учреждал сейсмометрические станции; их образовалась целая сеть, весьма разветвленная. К началу мировой войны Россия обладала научно поставленной сейсмометрической службой, пожалуй, даже передовой в мире. Если теоретические изыскания Голицына носили натурфилософский характер (рассуждения о величине молекул и прочее), то сейсмометрические исследования проводились (и на широкую ногу!) с учетом практических нужд государства. Поговаривали, что он вкладывает и свои личные средства, и это вполне возможно, например, достоверно известно, что Иван Петрович Павлов в руководимой им физиологической лаборатории содержание одного из сотрудников оплачивал из своих денег, так как бюджет академии был ограниченным.

Авторитет русской математической школы был высок еще со времен Леонарда Эйлера. Как раз в это время, кстати говоря, началось обширное международное издание сочинений Эйлера, связанное с кропотливой

работой в его архиве, хранившемся в Петербурге, и сложным комментированием. В этой ответственной работе деятельное участие принимали академики А.М.Ляпунов и А.А.Марков. От Эйлера через целый ряд знаменитостей цепочка тянется к Чебышеву — длительное время он считался главою русских математиков. Любопытно привести слова Ляпунова о нем: «Чебышев и его последователи остаются постоянно на реальной почве, руководствуясь взглядом, что только те изыскания имеют цену, которые вызываются приложениями, и только те теории действительно полезны, которые вытекают из рассмотрения частных случаев».

Легко заметить, что Ляпунов формулирует кредо, которым руководствовалась русская математическая школа. Сам Ляпунов — после Чебышева крупнейший отечественный математик — в своем творчестве как раз и сочетал высоту теоретического мышления с конкретными практическими результатами. Обобщенная им центральная предельная теорема теории вероятностей несла в себе огромный теоретический багаж, но в то же время сыграла большую роль в разработке целого комплекса практических вопросов. Его теория устойчивости движения положила начало обширным исследованиям в России и за рубежом. Особое применение она нашла в области гигроскопических устройств и в теории автономного регулирования.

Александр Михайлович происходил из культурной высокообразованной семьи; отец известный астроном, три сына его прославились каждый на своем поприще: один стал композитором, другой — филологом, третий — математиком. Филолог и математик преподавали в Харьковском университете; были очень разными: Борис Михайлович остроумный, подвижный, твердый, жизнерадостный; Александр Михайлович замкнутый, ранимый, тихий. Студенты не валили валом на его лекции (как на лекции брата), но истинные поклонники математики, раз послушав, не могли не полюбить его негромкую, раздумчивую речь. Как-то в аудиторию к нему попал молодой человек по имени Володя Стеклов; студенты знали о нем — и почему-то именно это раньше всего узнали, — что он «племянник Добролюбова... того самого». Да, Николай Александрович Добролюбов, знаменитый публицист и друг Чернышевского, приходился Володе дядей. После лекции юноша подошел к Ляпунову, попросил разъяснить один из выводов; Александр Михайлович пригласил к себе домой, чтобы за чаем продолжить беседу. Прощаясь поздно вечером, посоветовал: «Непременно займитесь математикой всерьез. У вас подготовка неглубокая, но мыслите цепко!»

Владимир Андреевич Стеклов, закончив Харьковский университет, оставлен был при нем, вскоре защитил магистерскую диссертацию, потом докторскую, в 1903 году выбран был членом-корреспондентом Академии наук и к моменту нашего повествования проживал в Петербурге — как и его учитель, который был теперь ординарным академиком. Оба по праву считались крупнейшими математическими авторитетами.

Понятно, мы не стремимся дать развернутую картину деятельности академии в первые полтора десятилетия XX века. В наше повествование попадают ученые, с которыми Александр Петрович был наиболее близок по академии. Именно поэтому, например, переходя к членам Второго отделения (историко-филологического), придется назвать в первую очередь не имя Ключевского, сочинениями которого Александр Петрович увлекался, но с которым лично был знаком поверхностно, поскольку Василий Осипович жил в Москве, а Лаппо-Данилевского Александра Сергеевича, с которым частенько в академии встречался. Тот поставил своей задачей — и это была грандиозная по масштабам задача — издать все русские памятники, акты и грамоты, сопроводив их обстоятельными научными комментариями. С Лаппо-Данилевским связывают создание новой научной дисциплины — дипломатики частных актов; он привлек к археографической работе группу известных археографов и историков (М.А.Дьяконова, С.А.Шумакова, Н.Д.Чечулина и других), так что в совокупности они составляли как бы научный отдел при академии.

Из востоковедов в первую очередь следует назвать не Розена, признанного основателя дисциплин, характерных для академии (изучение народностей России, восточной нумизматики, истории сношений России с восточными государствами), а Сергея Федоровича Ольденбурга, с 1904 года занимавшего пост неперменного секретаря. Сергей Федорович, вернувшись из полного тягот путешествия в Китай, занят был обработкой материала, вел изыскания по истории буддизма и буддистских памятников; своеобразная философия буддизма нередко бывала предметом бесед Ольденбурга с Карпинским.

Охотно встречался Александр Петрович с Федором Ивановичем Успенским, знаменитым византологом, любил беседовать с ним о крестовых походах, российских древностях, раскопках в Болгарии. Можно было после заседания поехать к нему домой, чтобы посмотреть рукописи с множеством уникальных иллюстраций.

А каким наслаждением была беседа с Шахматовым Алексеем Александровичем, которого Карпинский почитал за воистину гениального филолога и о каждой встрече с с которым, о содержании всех бесед с ним с

восторгом рассказывал в «доме». Александр Петрович бывал во многих губерниях и по природной своей склонности легко запоминал особенности местных говоров; Алексей Александрович же живые речения изучал как ученый. Остановившись в коридоре, они принимались поддразнивать друг друга, то «цокая», то «акая», то «окая», вокруг собирались академики и смеялись. Карпинский любил слушать рассказы Шахматова о новгородских грамотах, которые тот комментировал и расшифровывал, о старорусской фонетике, о словаре, академическое издание которого Шахматов продолжил после Я.К.Грота, с которым, кстати говоря, Александр Петрович тоже был довольно близко знаком. Шахматов принимал деятельное участие в подготовке предварительного съезда славистов, потом — в подготовке к изданию грандиозной «Славянской энциклопедии»: все это живо интересовало Карпинского.

В 1899 году при академии был создан Разряд изящной словесности. В том году праздновалось столетие со дня рождения А.С.Пушкина. Событие это, широко отмеченное прессой и культурными учреждениями России, было воспринято академией как свой, а к а д е м и ч е с к и й праздник; не надо забывать, что в первоначальные петровские годы она объединяла в своих стенах науку и искусство. В постановлении читаем: «Ознаменовать столетие со дня рождения великого писателя Пушкина учреждением в Императорской Академии наук посвященных его памяти: Разряда изящной словесности и особого фонда имени Пушкина...»

Возникла мысль создать специальное а к а д е м и ч е с к о е учреждение для изучения жизни и творчества Пушкина; всего раньше оно должно было собрать его рукописи, которым в противном случае грозило уничтожение. В 1899 году проект не был претворен в жизнь, только через шесть лет это удалось сделать, возник Музей имени Пушкина, сразу получивший и другое название, ныне известное во всем мире, — Пушкинский Дом. (Окончательное его оформление произошло позже, в 1918 году.) В нем сосредоточены рукописи, реликвии, книги великого поэта — и не только его, но и других русских писателей, так что через непродолжительное время Пушкинский Дом превратился в пантеон русской литературы, равного которому едва ли найдем среди академических учреждений мира.

Писатели и поэты и прежде избирались в состав академии на правах членов-корреспондентов. Теперь же решено было учредить шесть кафедр ординарных академиков, которые должны были занять писатели и художники. В связи с этим значительно расширились цели и задачи Второго отделения, что было, разумеется, весьма сочувственно встречено его

членами. Но идея учреждения кафедр не нашла понимания с их стороны. Даже Шахматов — наиболее влиятельная фигура среди филологов — находил дополнительные кафедры для писателей и художников излишними. Восторжествовала компромиссная формула. Члены Разряда изящной словесности получали звание почетных академиков, но без содержания и определенных обязанностей. Они могли собираться, обсуждать литературные предприятия, присуждать литературные премии.

Первыми академиками изящной словесности стали Л.Н.Толстой, А.П.Чехов, В.С.Соловьев, А.А.Потехин, А.Ф.Кони, А.М.Жемчужников, В.Г.Короленко, А.А.Голенищев-Кутузов и К.Р. Последний незадолго до этого получил первую премию на академическом конкурсе, посвященном столетнему юбилею Пушкина. Он написал кантату «Памяти Пушкина» на музыку Глазунова; кантата исполнялась в день юбилея, имела успех. Вообще само создание Разряда изящной словесности во многом было обязано личным усилиям этого К.Р. За псевдонимом скрывался великий князь Константин Константинович. Президент Академии наук.

Однако прежде чем сказать о нем несколько слов, коснемся общих собраний, столь любимых Карпинским, да и разве им одним? Годовые отчетные собрания обставлялись торжественно. Заснеженная Нева, ранний зимний вечер, по Николаевскому мосту, а также по Николаевской набережной Васильевского острова мчатся сани, седоки которых по самые брови закутаны в пледы — поверх шуб, дох и меховых воротников пальто, а на ноги — поверх пледов — брошены медвежьи полсти, потому как седоки большей частью народ пожилой, даже старый, а некоторые впали уже в ветхую старость и о здоровье своем вынуждены заботиться.

Подъезд ярко освещен; массивные колонны отбрасывают на мостовую величественные тени; в прихожей полно народу, и вошедшие кряхтя и с немалым трудом протискиваются в раздевалку, где оставляют на руках расторопных служителей свои шубы, дохи и пальто с куньими и бобровыми воротниками. Сколько орденов вдруг вспыхивает в зеркалах! И Святыя Анны, и Станиславы, и Андреи Первозданные! Вошедшие окидывают с головы до ног свои отображения, взбивают подусники, приглаживают виски и плечи, расчесывают, покашливая с мороза, бороды... Одергивают фраки и мундиры — тут и генералы, и действительные статские...

Вереницею поднимаются по длинной лестнице в конференц-зал; там зажжены все люстры и бра, блестят позолоченные рамы портретов, на которых изображены знаменитые академики прошлого... Ах эти четверть часа до начала заседания! Все друг друга знают, но видятся нечасто,

особенно те, кто живет в разных городах; Александр Петрович, войдя в залу, ищет глазами Владимира Ивановича Вернадского, приезжающего из Москвы; он высоко ценит его книги и рекомендовал к избранию в ординарные академики; но, помимо общих научных интересов, они питают друг к другу нежность. Толпа разбилась на группы; слышна русская, немецкая речь; и звучную латынь, и древнегреческий можно услышать...

Между тем спешат доложить президенту, что все в сборе; кабинет его налево от вестибюля. Он встает из-за стола и захлопывает папку с отпечатанным докладом, который ему предстоит прочесть. На нем мундир генерала от инфантерии: высший пехотный чин, хотя в пехоту переведен сравнительно недавно. С детства его готовили к военно-морской карьере — с двенадцати лет в море, девятнадцати лет получил боевое крещение в битве с турками под Силистрией; под огнем руководил спуском брандера на стоявший неподалеку неприятельский корабль; был удостоен «георгия» четвертой степени.

Во время плаваний пристрастился он слагать стихи. Когда их набралась толстая тетрадка, он, возвратясь в Петербург, тайно издал, поставив на титуле псевдоним «К.Р.». Отпечатано было немного экземпляров; издатель разослал их по списку. Константин Константинович был сыном великого князя Константина Николаевича, отец его водил дружбу с литераторами, и он вырос в атмосфере обожания литературы и музыки.

Я баловень судьбы... Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, -
Рождением к величью я призван.
Но что мне роскошь, злато, власть и сила?
Не та же ль беспристрастная могила
Поглотит весь мишурный этот блеск,
И все же, что лишь внешностью нам льстило,
Исчезнет, как волны мгновенный всплеск.

Несмотря на такой образ мыслей (по некоторым сведениям, в кругу доверенных друзей он высказывался гораздо определенной в критическом и даже либеральном духе), он вынужден был поклоняться и силе, и злату, и власти — и даже проявлять ее, поскольку последовательно занимал чины: командующего лейб-гвардии Преображенским полком, главного

начальника военно-учебных заведений, генерального инспектора военно-учебных заведений. Президентом академии (с оставлением должности в армии) был назначен в 1889 году.

Псевдоним скоро раскрылся; у Константина Константиновича завязалась дружба с Майковым, Фетом. Они видели в нем поклонника «чистой» поэзии. (Поэт должен вдохновляться, писал К.Р., «лишь тем, что свято, безупречно, что полно чистой красоты».) Престарелый Фет завещал ему: «трепетный факел... вестнику света сдаю молодому». К.Р. много переводил — его перевод «Гамлета» считался классическим. Перелагал Шиллера, древнегреческих авторов, сочинял пьесы. Но особенным успехом пользовались романсы его — точнее, романсы, написанные на его стихи П.И.Чайковским: «Растворил я окно — стало душно невмочь...», «О, дитя, под окошком твоим я тебе пропою серенаду...», «Помнишь, порою ночью...». (Эти и иные романсы: «Повеяло черемухой», «Сирень», «Баркарола», «Колокола», «Мне снилось» — были любимы и часто исполнялись Александром Петровичем в кругу друзей и близких.)

Постоянных ученых занятий Константин Константинович не вел, но его комментарии к Шекспиру отмечены эрудицией и обстоятельностью. По заведенному порядку он был «приставлен» к академии от царствующей семьи. Он понимал это и старался не навязывать своего мнения и не мешать научной работе. Бюджет академии при нем превысил миллион рублей, число штатных единиц увеличено. Окрепили лаборатории, обсерватория, расширилась экспедиционная деятельность.

Вот он стоит, держа папку, высокий, худощавый, прямой, откинув коротко стриженную голову с плотными ушами и выпуклыми, холодными, «романовскими» глазами — похожий на портрет Александра III, висящий над письменным столом. Через минуту он выйдет, твердо ступая блестящими сапогами, взбежит по лестнице... появится в центре президиума и, дождавшись тишины, произнесет:

— Господа академики! Имею честь открыть годичное общее собрание!..

Глава 20

Очерки геологического прошлого...

«Очерки геологического прошлого Европейской России», несомненно, вершина дореволюционного творчества Карпинского. На них выросло, выучилось несколько поколений русских геологов. «Очерки» сформировали стиль геологического мышления и составили эпоху в изучении природных явлений на Земле — не столько по причине ошеломляющих открытий, сколько методологией изучения явлений природы. Естествоиспытатели научились видеть в каждом природном событии — плавного или катастрофического характера — колечко длинной череды предшествующих событий, иногда генетически очень далеких, — например, потопление берегов и в связи с этим изменение маршрутов птичьих перелетов, что вызывает перераспределение масс насекомых, а в конечном счете изменение морских или речных осадков — и так далее. Пример выбран произвольно, чтобы показать, как изменился после «Очерков» охват явлений природы.

С другой стороны, философски изменился подход к геологическому пласту (или комплексу пластов) как з н а к у геологических событий; пласт — и свидетель, и результат, и ключ к отгадке каких-то явлений; кроме самооценности своей, он приобретает неожиданно информативный смысл; геологический ф а к т включает в себя уже и толкование факта, то есть если геолог осматривает разрез (обнажение горных пород), он сразу и толкует его, причем совершенно произвольно. Он теперь не мыслит иначе эту операцию — и, конечно, совершенно не задумывается над тем, что в том-то и заключается качественный скачок в геологическом мышлении, который произошел после «Очерков». Из описательной дисциплины историческая геология превратилась в науку. (Разумеется, не нужно думать, что это впервые произошло в России и в том будто бы единственная заслуга нашего ученого; сам ход научного познания подводил к тому; можно назвать предшественников в России, за рубежом такой переворот произвели Зюсс в Австрии, Ог во Франции.)

Но, сформировав по-новому геологическое мышление, «Очерки», если позволено будет так выразиться, растворились в нем — и это чрезвычайно характерно для судьбы произведений Карпинского вообще. Зерно умирает в растении. Идеи, содержащиеся в «Очерках», как выражается профессор Б.Л.Личков в брошюре о Карпинском, «стали общепринятыми».

Современники не могли, что называется, подобрать слов для выражения восхищения работой Карпинского. Академик Д.В.Наливкин свою статью начинает... с описания личной библиотеки. Иные книги в ней «переплетены в старинные кожаные переплеты, напечатаны на синеватой или сероватой шершавой бумаге, с рисунками, отличающимися исключительно кропотливой точностью или, наоборот, полным пренебрежением реальности. Каждой из таких книг от полутора до двухсот лет, на них смотришь с почтением...». Другие — «в потертых папочных переплетах, на бумаге, уже похожей на современную. Каждая из этих книг не моложе Пушкина... Необыкновенно разнообразны книги — современники наших дедов и отцов... огромные фолианты, маленькие, почти карманного размера брошюры... одни весят десятки килограммов, другие легки, как тетради». В этом книжном царстве «Очерки» Карпинского занимают особое место. «Среди сонма теней, безмолвно уходящих в прошлое, они сияют, как одинокие звезды в небе», — провозглашает академик.

«Уже при первом появлении они произвели громадное впечатление; еще более росло оно в последующие десятилетия... Цитировались во многих десятках и даже сотнях работ; выдержки из них и палеогеографические схемы вошли во все учебники».

Составились «Очерки» из трех статей: «Очерк физико-географических условий Европейской России», «Общий характер колебаний земной коры» и «Замечания о характере дислокации пород в южной половине Европейской России». Название первой статьи, быть может, запомнилось читателю — оно упоминалось в главе «Карпинский и Федоров». Так назывался доклад, с которым Александр Петрович 26 декабря 1886 года выступил в торжественном публичном заседании академии. Доклад, точнее мемуар, написанный на его основе, был напечатан в «Записках Академии наук»; через семь лет там же появилась статья «Общий характер колебаний земной коры», а через два года — «Замечания о характере дислокации пород в южной половине Европейской России».

Минуло полтора десятилетия, статьи были признаны ученым миром к л а с с и ч е с к и м и, и издательство «Природа» решило, объединив их, снабдив комментариями, выпустить под одной обложкой в серии «Классики естествознания». Издание задержалось в связи с войной и было осуществлено только в 1919 году.

«Геологу нужна вся Земля!» — воскликнул в одной из своих статей Карпинский и тут же нашел возможным добавить несколько слов о России, «обнимающей громадное пространство»; у русских геологов-де особая

доля: познать планету, исключив познание России, невозможно, а ч е р е з Россию можно. Ибо отличается она «замечательными геологическими особенностями, изучение которых пролило новый свет на геологическую науку, вмещающую в себе, к слову сказать, выводы всех других наук, относящихся к нашей планете». Эти слова Карпинского очень актуальны теперь, когда взоры ученых и философов науки обратились к геологии, ибо в ней сходятся астрономия, биология, химия и физика, а кроме них, и еще нечто специфическое, что и есть наука о З е м л е. И в связи с этим с особой симпатией вспоминаются «Очерки» Карпинского, в которых используются данные различных наук и восстанавливается история Земли — не всей, и даже не всей России, лишь Европейской ее части, однако Европейская Россия, как показал Карпинский, может рассматриваться как своеобразный испытательный полигон геологии. Объясняется это тем, что Европейская Россия — от Урала до Карпат — испытала спокойное геологическое развитие. Карпинский выделяет две «области развития» земной коры: спокойную и активную, по тогдашней терминологии, столовые регионы и горные кряжи. Европейская Россия относится к первой. Для решения теоретических задач выделяет Карпинский «простоту ее геологического строения, вызываемую спокойным ходом геологических событий, не затемненных в большинстве случаев последующими явлениями, которые могли бы нарушить первоначальное взаимное отношение между геологическими образованиями различной древности или в сильной степени изменить их минеральный (петрографический) характер».

(В виде курьеза, а может быть, повода для серьезных размышлений укажем на то, что Карпинский склонен усматривать непосредственную связь между геологическим строением территории и «характером преобладающей деятельности живущего там населения». В самом деле, от геологического строения зависит распределение полезных ископаемых, растительности и сточных вод, а это не остается же без влияния на жизнь людей! Таким образом, спокойный характер славян не есть ли — пусть отдаленное — производное от спокойного характера геологического развития? Возможно, тут сказалось юношеское увлечение Боклем.)

Историческая геология — особый отдел науки, занятый реконструкцией геологической истории, начал свое развитие и становление на глазах Карпинского, и он сам был деятельным участником этого процесса, результат которого имел неожиданные последствия для практической разведки, о чем поначалу даже трудно было подозревать. «Отдел этот старается восстановить все фазы или периоды развития нашей планеты, старается показать, какое в каждом из этих периодов было

распределение суши и морей, какие возникали тогда горные и речные системы, стремится восстановить характер и размеры вулканической деятельности в течение каждого периода, выяснить все те явления, которыми обуславливались упомянутые физико-географические изменения; наконец, историческая геология имеет также целью восстановить климатические условия минувших периодов и показать, какой характер имели жившие тогда организмы и какое было распределение их по поверхности земли. Одним словом, то, что по отношению к современному состоянию земли составляет предмет изучения лиц весьма различных специальностей, то по отношению к минувшим временам стремится выяснить историческая геология». (Это классическое определение вошло в учебники геологии и без изменения сохраняется по сию пору.)

Грандиозная задача! И тут яснее становится, чем «Очерки» в свое время поразили ученых. «А.П.Карпинский, — пишет академик Д.В.Наливкин, — один из первых, если не первый, построил свою работу на двух основных положениях: 1) каждое геологическое явление представляет только этап, отдельное звено в непрерывно идущем и развивающемся историческом процессе; 2) каждое геологическое явление можно правильно понять, лишь изучая его во взаимоотношениях с другими смежными явлениями».

И далее: «Карпинский впервые с необыкновенной ясностью и полнотой показал развитие геологического процесса. Существовавшие ранее неподвижные, оторванные одно от другого построения сменились стройной картиной величественного процесса развития лика Земли, картиной непрерывной и поразительной смены морей и суши, картиной непрерывной борьбы двух противоположностей — трансгрессии и регрессии, наступания и отступания моря».

Историческая реконструкция, предпринятая Александром Петровичем, обнимает немислимое количество времени — приблизительно тридцать миллионов лет; и Карпинский, разумеется, не может не задуматься о начале всех начал на Земле, то есть, переводя на язык геологии, о первоначальной коре и зарождении жизни. Собственно, если не ударяться в натурфилософские мистификации, следует решить вопрос, являются ли подлинно древнейшие из найденных пород остатками первоначальной коры, а древнейшие следы жизни — остатками первожизни? Вывод: не являются. Нелишне напомнить читателю, что вывод сделан в конце 80-х годов прошлого столетия, когда он вовсе не казался аксиоматичным, как сейчас. «С предположением, что основные (фундаментальные) породы

представляют первичную земную кору, — спорит Карпинский, — нельзя согласиться. Первоначальная твердая оболочка Земли, судя по всему нам известному, не могла иметь характера гнейса и подобных пород. Оболочка эта уничтожена начисто...» То же самое произошло с первыми следами жизни. «Известный нам древнейший так называемый кембрийский органический мир отделяется от действительного первобытного населения Земли промежутком времени не меньшим, чем промежуток, протекший от кембрийского периода до настоящего времени. Но древнейшие органические остатки, эти наиболее ценные памятники давно минувшего прошедшего, исчезли, как не сохранились в нормальном виде и породы первичных (докембрийских) периодов. И едва ли не будет справедливо сказать, что до сих пор мы имели возможность изучать лишь последние страницы того большого тома, который составляет полную историю Земли. Нередко мы можем наблюдать, говоря фигурально, и более ранние части этой книги, но письма в них уничтожились и самый материал, на котором они были написаны, изменился до неузнаваемости».

Этот кардинальный вывод не поколеблен до сих пор, а в свое время он спас науку от ненужных поисков (и спекуляций на таких поисках). Основываясь на нем, Карпинский различает «два больших периода: и с т о р и ч е с к и й и д о и с т о р и ч е с к и й (разрядка его. — Я.К.). Последний обнимает весь докембрийский период... Все попытки разъяснить физико-географические условия Земли в прошедшие геологические эпохи возможны только в пределах исторического периода».

В своих «Очерках» Александр Петрович и осуществляет реконструкцию этих физико-географических условий.

Одно из удивительных наблюдений Карпинского — существование так называемого зачаточного хребта. Карпинский доказан, что на огромное расстояние «от западной границы государства в диагональном направлении, параллельном направлению Кавказского хребта, к горам Мангышлакским», протянулся подземный, на поверхности земли невидимый хребет. В специальной мировой литературе он получил название «линия Карпинского».

Есть что-то символическое в этом названии. Не вправе ли мы сказать, что своими «Очерками» Александр Петрович определил в русской геологической науке «линию Карпинского»?

Глава 21

Первый президент Российской...

То важнейшее в жизни Александра Петровича Карпинского событие, до которого наконец добралось наше повествование, и важнейшее; без сомнения, в истории академии, потому что, не будь его, история ее пошла бы по другому пути, — это событие, как и все в жизни Александра Петровича, и пришло и состоялось незаметно. Конечно, можно возразить, что незаметным его сделало время, что мировые события, которыми заняты были тогда люди, заслонили событие, о котором у нас пойдет речь, — это не так. Даже если отвлечься от мировых событий, то и тогда это событие поразит нас постепенностью его подготовки и незаметностью совершения. Читатель, вероятно, уже догадался, что мы имеем в виду избрание Карпинского президентом Академии наук.

Но если не отвлекаться от мировых событий, а рассматривать на их фоне, тогда, конечно, избрание предстанет ничтожно малым событием, потому что шла война вот уже два года, и конца ей не было видно. Каждое утро газеты приносили известия о новых газовых атаках и кавалерийских рейдах, разрушенных городах и потопленных кораблях, артиллерийских налетах и воздушных боях. И каждое утро газеты печатали списки убитых:

1. Кап. П.И.Янсен, убит.
- ...4. Поруч. В.Н.Сапфирский, убит.
- ...7. Старший лейт. А.А.Колчак, погиб во время боя в Балтийском море.
- ...23. Шт.-кап. М.Е.Афанасьев, убит.
- ...28. Шт.-кап. Н.Г.Кучерявенко, умер от ран.
- ...41. Прапорщ. Б.Ф.Семилуцкий, убит.

И не было конца страшному списку, и каждая фамилия стояла под номером, какой выпадал ей на данный текущий день... И в этом разгуле смерти какое уж там особенное внимание могло вызвать еще одно сообщение о смерти великого князя Константина Константиновича в 1915 году, а неполный год спустя еще одно сообщение, о смерти вице-президента В.В.Никитина. А между смертью Никитина и избранием Карпинского пролегло еще одно событие, для России невиданное, — отречение Николая II.

И тут-то впервые просматривается прямая зависимость некоего акта,

происшедшего в жизни Карпинского, с актом общественной жизни, потому что, не будь Февральской революции, академия не получила бы права и з б и р а т ь президента — и Карпинский не мог бы быть избран (правда, почти наверняка он был бы н а з н а ч е н, о чем сейчас расскажем). До сих пор его жизнь развивалась как бы сама из себя, сама себя разматывая, как свиток с письменами, начертанными прежде: ведь, право, так и кажется, что он все равно ходил бы в маршруты, писал статьи, организовывал экспедиции, составлял теории и любил свою семью и «дом» независимо ни от чего...

Итак, академия осталась без президента. Предполагалось, что этот пост займет (разумеется, по высочайшему назначению) великий князь Николай Михайлович. Пока же обязанности президента исполнял вице-президент В.В.Никитин. В самой академии мало что изменилось — если не считать, что в большом конференц-зале разместился лазарет и прилегающие кабинеты отведены под процедурные и перевязочные. Малый конференц-зал и весь нижний этаж оставались за академией, и она продолжала устраивать свои регулярные заседания, на которых присутствовало с каждым разом все меньше народу, потому что в Петербурге стало трудно с продовольствием и топливом, и академики (за исключением тех, кто входил в КЕПС) подолгу гостили на юге, где первого было больше, а второго требовалось меньше: договаривались читать лекции или проводить инспекционные поездки. КЕПС — Комиссия по исследованию естественных производительных сил России — была создана для мобилизации всех средств, могущих быть полезными для нужд обороны; Карпинский играл в ней видную роль, поскольку контролировал геологический отдел.

Впрочем, мы все по привычке пишем: Петербург. Петроград! Город переименован. Еще в начале войны. Что, кстати сказать, вызвало недовольство академиков Второго отделения (они посчитали указ безграмотным).

Вернемся, однако, к положению на академическом «престоле».

Стеклов записывает 5 мая 1916 года:

«Сегодня скончался наш вице-президент В.В.Никитин. Неожиданно заболел в воскресенье, а сегодня умер! Сразу двое, и трудно заменимых».

(Он имеет в виду незадолго до этого случившуюся внезапную кончину Б.Б.Голицына. Сколько смертей!)

«7 мая. Вчера после панихиды по Никитину собрались у Карпинского (по моему предложению). Ольденбург объяснил трудное положение академии (нет ни президента, ни вице-президента). Высказались единогласно о желании в вице-президенты Карпинского».

Тут любопытно, что неофициальное заседание президиума академии, собранное по предложению Владимира Андреевича, происходило на квартире у Карпинских (и, видно, не впервой!). Позже такие собрания у Карпинских станут частыми.

«8 мая. Похороны Никитина. Служили архиерей Анастасий (бывший профессор Александров), 4 священника, 3 диакона».

«9 мая. В 2 часа в кабинете неперменного секретаря панихида по Никитину. Академия желает... вице-президентом Карпинского. Завтра Ольденбург переговорит с министром».

«17 мая. Вечером Ольденбург сообщил, что... государь утвердил Карпинского исполняющим обязанности вице-президента».

А на следующий день Александр Петрович получил пакет от министра просвещения графа Игнатьева (академия формально относилась к ведомству Министерства народного просвещения).

«Милостивый государь Александр Петрович!

Государь Император по всеподданнейшему докладу моему в 15 день мая с.г. высочайше соизволил на поручение Вашему превосходительству временного исполнения Обязанностей по должности вице-президента Императорской Академии наук.

О таком высочайшем повелении имею честь уведомить Ваше превосходительство».

С 15 мая 1916 года Александр Петрович возглавил академию.

По всей видимости, через непродолжительное время должно было бы состояться и назначение его на пост президента. К тому все было готово. Ольденбург собрал подписи академиков под прошением о его назначении.

Как раз в это время у министра двора барона Фредерикса лежал, ожидая высочайшей подписи, указ о награждении Карпинского орденом

Александра Невского. 11 июня 1916 года — меньше чем через месяц после утверждения в должности вице-президента — он и был подписан («Всемиловнейше пожаловали бы Нашему Тайному советнику ординарному академику в знак отличия беспорочной службы на основании Устава оного...») и так далее. Указ подписан в Ставке Верховного главнокомандующего).

Если вспомнить, что в 1907 году «в воздаяние сорокалетней беспорочной службы» он был награжден орденом Белого Орла «для ношения на Владимирской ленте», то легко убедиться, что к своему юбилею он обладал полным комплектом орденов империи и владел высшим титулом — тайного советника (выше в иерархии лишь две ступеньки: действительного тайного и канцлера). К юбилею — поскольку орденом Александра Невского было отмечено 70-летие со дня его рождения и 50-летие трудовой и научной деятельности.

В шестнадцатом году ему исполнилось семьдесят!

И «сверху» (двор его любит) и «снизу» (академия его любит и просит об утверждении) он самый желанный президент.

Опыт руководящей работы в академии у него есть: доводилось ему оставаться и за непременно секретаря, и за вице-президента, замещать и на длительный срок, и на короткий, как, скажем, в случае, о котором повествует следующий приказ:

«По причине моего отъезда в Москву, а также вице-президента и непременно секретаря для присутствия при священном коронавании Их Императорских Величеств предлагаю временно исполнять должности: президента академику К.С.Веселовскому, непременно секретаря академику А.П.Карпинскому и в правлении председательствовать академику М.И.Сухомлинову.

Президент Константин,
С.-Петербург, 24 апреля
1896 г.».

Или другой случай: его занес в дневник Стеклов 5 марта 1914 года. «Вице-президента и непременно секретаря не было, принимали государя, который явился к Радлову осматривать Музей антропологии и этнографии. Карпинский был и за секретаря и за вице-президента. Тянули до 4-х часов». Стало быть, пока два первых должностных лица заняты были императором, пожелавшим осмотреть музей, о котором тогда много писали в газетах (и

действительно достойно своими богатствами самых восторженных описаний), заседание в академии проводил Александр Петрович (хотя никакого должностного места тогда не занимал), и Стеклова это нисколько не удивляет. Это оттого, что Карпинский в сознании академиков «среди равных — главный»; он на особом счету. К тому обязывала и давнишняя традиция русской академии. Согласно ей после президента и вице-президента старейшина среди академиков — тот, кто старший по возрасту и стажу избрания. Старшие — Радлов и Карпинский, но Александр Петрович «природный россиянин»...

Более чем вероятно, что назначение вскоре бы и последовало... однако история распорядилась так, что оно не понадобилось.

Академия получает право и з б и р а т ь президента. Впервые за без малого двести лет своего существования.

15 мая 1917 года академики собираются на экстраординарное общее собрание. В повестке дня один пункт: выборы президента. Но предварительно обсуждению подвергается вопрос, выбирать ли президента пожизненно или на определенный срок. Большинство склоняется к тому, чтобы ограничить пребывание на высшем академическом посту. Каким сроком? Пять лет. На этом прения, по сути, затухают, потому что когда переходят непосредственно к кандидатуре, то выдвигается лишь одна — Карпинского, и тайным голосованием избирается е д и н о г л а с н о.

Александр Петрович объявляется первым избранным президентом Р о с с и й с к о й академии наук.

Так произошло это событие, истинное значение которого оценено было через много лет, но которое современникам и даже самим участникам представлялось не столь уж приметным и потонуло в потоке других событий, сменявших друг друга с калейдоскопической быстротой; эти другие события связаны с войной, а также с предстоящими выборами в Учредительное собрание, публикациями групповых заявлений и программ, назначениями и отставками министров, журналистскими перепалками в газетах. Для примера приведем поздравление, посланное Карпинскому Стекловым из Кисловодска, где тот проводил летний отпуск:

«Кисловодск, 24 августа 1917 г. Прежде всего поздравляю Вас с утверждением в должности Президента Российской Академии наук. (Избран Карпинский в мае, а утвержден в июле, о чем Стеклов узнал из газет. — Я.К.) С этим можно все-таки поздравить; это не то, что пост министра народного просвещения, с занятием какового я не поздравляю Сергея Федоровича, наоборот, искренне его жалею. Жалею и Академию, оставшуюся без трудно заменимого непременно секретаря. Одна утеха,

что министерская чехарда, начавшаяся давно при «старом режиме», теперь еще больше развивалась и усовершенствовалась». Далее Стеклов благодарит за телеграмму, посланную Карпинским на кисловодскую железнодорожную станцию, которую Владимир Андреевич безуспешно посещал в надежде приобрести билет в Петроград. «Она помогла раздобыть билет в спальный вагон. Таким образом, выезд из Кисловодска обеспечен, если к тому времени еще будут ходить поезда и Петроград не будет занят немцами».

Перипетии с приобретением билета и министерская эпопея С.Ф.Ольденбурга (неожиданно и к огорчению академиков он согласился занять пост министра народного просвещения во Временном правительстве; однако вскоре оно перестало существовать, и Ольденбург благополучно вернулся в кабинет неперменного секретаря) занимают Владимира Андреевича больше, чем утверждение Карпинского в должности президента. И его легко понять! Чем оно важнее министерской чехарды, если поезда в любой день могут перестать ходить, а столица занята немцами!

Но были и другие поздравления, и они свидетельствуют, что немало нашлось таких, кто принципиально оценил новую личность, ставшую во главе академии. Вот одно:

«Прочитав в газетах об избрании и утверждении Вас в звании президента Академии наук, поздравляю Вас от души в этом высоком звании, радуюсь за Академию, особенно в настоящее, страшно тяжелое для культуры время, переживаемое Россией. Позвольте пожелать бодрости и здоровья, они особенно нужны теперь русским людям, стоящим во главе государственного управления». (Подпись неразборчива.)

Ученик Карпинского горный инженер С.Дембинский нашел такие слова, чтобы приветствовать своего наставника:

«Ныне, в дни всеобщего уныния, лишь на короткий миг озаренного яркой молнией свободы, отрадно чувствовать, что истинная наука и ее представители все-таки ценятся».

Ценятся... Россия не могла их ни оставить, ни забыть; им предстояли невиданные испытания, ждала лихая доля, гибельные годы, которые они не согласились бы поменять ни на какие иные.

Но они пока о том не подозревают.

Глава 22

Завещание

Живой и яркий портрет Александра Петровича, относящийся как раз к описываемому периоду, находим в воспоминаниях А.Н.Крылова.

Алексей Николаевич весной 1916 года был избран действительным членом академии; состоял на морской службе, и, посчитав потому неудобным представляться в штатском, он облачился в парадный мундир при всех регалиях и отправился в академию.

«Мне указали кабинет и сказали, что А.П. один и можно входить без доклада. Вошел. Вижу, у стола сидит почтенный старец, поразительно похожий на знаменитого математика Жозефа Бертрана...

— Честь имею явиться вашему высокопревосходительству по случаю утверждения моего избрания в действительные члены Академии наук, флота генерал-лейтенант Крылов!

— Что вы, голубчик, в таком параде и что вы меня высокопревосходительством величаете. Я Александр Петрович, а вы Алексей Николаевич. Мы здесь все равные, а я только первый среди равных.

После этого ласкового приветствия Александр Петрович перешел к беседе о войне, о флоте и др.

— Когда вам что от меня понадобится, заходите запросто во всякое время».

Такова была их первая встреча, покорившая Крылова непринужденностью, сердечностью и простотой обращения президента.

«В начале мая 1916 г. скончался академик Б.Б.Голицын. Через несколько дней звонит ко мне по телефону Александр Петрович:

— Зайдите ко мне, голубчик, мне с вами переговорить нужно.

Принял меня Александр Петрович в Академии.

— Какое у нас горе-то... Борис Борисович... — а у самого слезы на глазах, — знаю, что его заменить нельзя, а все-таки от Академии прошу вас принять должность директора Главной физической обсерватории...

— Александр Петрович, помилуйте, какой я метеоролог: я кораблестроитель.

— Нет, голубчик, у вас там будут опытные старые помощники, надо только общее ваше руководство... Услужите Академии. Мы и бумагу... заготовили, разрешите отправить.

И смотрит своим особенно ясным, как бы ласкающим взором — тут не откажешь».

Ласковому этому взору, лучистым глазам никак не мог надивиться Алексей Николаевич! Через полгода (7 ноября 1916 г.), на Севастопольском рейде взорвался броненосец «Императрица Мария», и Крылову понадобилось срочно отбыть туда — предварительно, разумеется, испросив отставки от должности директора обсерватории.

Карпинский сразу все понял.

«Вижу, вижу, там вы нужнее, как-нибудь управимся. Дайте ваш рапорт. Спасибо, что для Академии поработали.

И стал спрашивать о «Марии», обстоятельствах ее гибели, проекте подъема и пр.». И опять-таки, выделяет Алексей Николаевич, «все это ласково, чутко, доброжелательно».

И все эпизоды, запомнившиеся Крылову, свидетельства «ласковости, чуткости, доброжелательства». Как-то прислали ему на рецензию рукопись неизвестного сочинителя. «Просмотрел, вижу, что сплошное незнание основных начал механики и математики, нелепые рассуждения и громадное, самое пышное словоизвержение». О чем со свойственной ему прямоотой и не стесняясь в выражениях (с намеком даже на то, что автора столь бредового сочинения не худо бы подвергнуть медицинскому обследованию) Крылов и поведал в своем ответе.

«Через два или три дня встречаю Александра Петровича:

— Что это вы, голубчик, какой отзыв дали... Бедняга автор, может быть, целый год работал, придет справляться, да этот отзыв и увидит, зачем его так огорчать; что он вздор написал — этим он никому не повредил, за что же его обижать; но, конечно, вздор печатать не следует.

За все 20 лет, что я знал Александра Петровича, его доброжелательное отношение ко всем проявлялось неизменно само собою, оно было в самой его натуре и не могло не проявляться; примеров можно было привести еще сколько угодно.

...Едет в трамвае моя жена со своей подругой; вагон полон, все места заняты, несколько человек стоит в проходе; входит Александр Петрович, становится в проходе. Подруга моей жены, как ближайшая, встает и просит Александра Петровича занять ее место.

— Что вы, что вы, я постою, я хоть короткий, да зато устойчивый, — и лишь после настойчивой просьбы согласился сесть.

Входит дама, видимо, Александру Петровичу незнакомая, становится близ него в проходе:

— Не считайте меня невежливым, я бы вам уступил свое место, но мне

самому его только что уступила вот эта дама.

«Малые капельки воды, малые зернышки песку образуют величественный Океан и прекрасную Сушу», — учили меня с детства. Гигантские труды Александра Петровича стяжали ему славу первоклассного мирового ученого, неизменная же его доброта, искренность, правдивость, доброжелательность снискали ему то уважение, которое к нему питали не только те, кто имел с ним долголетнее общение и дело, но и те, кто знал о нем лишь понаслышке, им же имя — легион».

Таков Александр Петрович в изображении Крылова, и в этот портрет стоит всмотреться — не столько потому, что он открыл нам что-либо новое, нет (за исключением подробностей), сколько потому, что принадлежит перу человека крутого в суждениях, ядовитого и насмешливого. Но в Карпинском необъяснимая и, позволим так сказать, л у ч и с т а я обаятельность, которая с первой же минуты захватила и р а з о р у ж и л а генерал-лейтенанта Крылова.

Он стар? Да, это бросается в глаза: «почтенный старец». Но физически крепок: «хоть короткий, да устойчивый». Делами академии занимается с любовью и усердием, однако без суетливости — это видно даже из вышеприведенных воспоминаний. Способен понять страсть к науке даже у невежды; он, великий ученый, как бы даже уравнивает этой страстью с дилетантом и хлопочет, чтобы отказ не обидел того. Теперь ему приходится принимать множество просителей и удовлетворять множество просьб, и его доброжелательность равно распространяется на всех. Вот, например, к нему обращаются низшие чины:

«Ваше превосходительство, когда заболеваем мы, а главное, дети наши, с каким страданием и риском для их жизни, с повышенной температурой во время холода, ветра и мороза несем детей с дома для служителей в приемную врача в головном здании (в подвале). Покорнейше просим Вас для избежания страдания и несчастных случаев признайте возможным отвести помещение для приема врача в новом доме. Мы уверены, что Ваше превосходительство не откажет хрупким цветочкам жизни нашей и нашего отечества! Они от современных наших недостатков плохо питаются и полуодеты — подвержены разным болезням. Августа 1916. Покорные просители».

Ну, как отказать «хрупким цветочкам жизни» и не сделать все возможное «для избежания страдания»? И Александр Петрович вызывает кого нужно, дает указания и следит, не считаясь со временем, чтобы перенесли и устроили приемную врача в удобном для отопителей, уборщиц и сторожей месте.

Все это без малейшего раздражения, с той же лучистой, сияющей услужливостью, в которой ни капли благодетельства и которая не могла ни задеть, ни обидеть самого чувствительного просителя. Он не рассуждает о добре, он спешит его делать где можно.

И при всем при том подлинный жизнелюб! В его натуре ничего худосочного, выморочного, нервического (на что даже мода устанавливалась в жизни и литературе начала века); любит настоящее и всегда с легкостью довольствуется тем, что есть; любит не будущие победы, утехи и блага (и не стремится к ним, этого в его характере тоже нет) и не прошлые светлые воспоминания, а именно настоящее, сегодняшний день, сей час, сию минуту. Его любимый поэт Гёте, бывший к тому же проникновенным и вдумчивым натуралистом, признался как-то: «Меня всегда считали особенным баловнем судьбы... Но, в сущности, в моей жизни ничего не было, кроме тяжелого труда... Я за всю свою жизнь и четырех недель не прожил в свое удовольствие. Точно я все время ворочал камень, который снова и снова скатывался и надо было снова его втаскивать».

Карпинский, проживший не менее благополучную жизнь, чем его любимый поэт, не посмел бы повторить его слова — да ему бы и в голову не пришло, потому что в них слышится жалоба, а это противоречило внутреннему его миру, всегда удовлетвовавшемуся настоящим. Тяжелый труд, о котором говорит Гёте, был знаком и Карпинскому, и он бы не насчитал четырех недель, свободных от труда и прожитых «в свое удовольствие»; но труд никогда не был ему в тягость.

Вот почему, когда задумываешься об истоках этого несокрушимого телесного и душевного здоровья, невольно объяснения ищешь в чем-то глубинном, в философии бытия, которую он для себя выработал... да не выработал, а с нею родился на свет, в той природной мудрости, которая ему сопутствовала с младых ногтей и которая выражалась в первую очередь в знании себя, своих возможностей в данный момент, в умении отделять важное от неважного, в терпеливости ожидания, умении понимать других и направлять их, не навязывая своего мнения, словом, в искусстве жить — по выражению того же Гёте. Но поскольку помянутое искусство, равно как и философия бытия, вещи довольно туманные, нам от глубинных причин придется обратиться за объяснением к внешней стороне жизни, и тут мы найдем поразительную упорядоченность, причем не педантическую, не довлеющую, а естественную, изнутри исходящую.

Всему свое время, свой черед в том распорядке, которого он придерживался: усердные занятия сменяются прогулкой, чтение — возней

с внуками, утомительные совещания — уединенным музицированием. Современные социологи выделили бы, вероятно, так называемые повторяющиеся циклы: дневные, недельные, годовые. В годовом цикле непременно присутствовал летний отдых в Сиверской — и на этом (несомненно, самом приятном цикле) мы несколько задержимся, им и закончим первую часть нашего повествования. Когда-то Фридрих Богданович Шмидт рекомендовал Александру Петровичу провести месяц в деревне Сиверской, и он туда выехал с семьей; места так понравились Карпинским, что решено было снимать там дачу каждое лето. Поговаривали даже о покупке дачи, но так и не собрались со средствами. Первое время снимали большой и прекрасно меблированный дом (даже с роялем!), принадлежавший некоему купцу Шелехову; однако от него пришлось отказаться — дороговато — и поменять на более скромную дачу; ее хозяином был крестьянин Кузнецов.

Самый переезд на дачу, знаменуя собой начало лета, выливался в событие радостное и занимавшее достойное место в годовом цикле. Подкатывали, грохоча, к подъезду телеги, «дедуля» распорядился, показывал, как укладывать чемоданы, баулы, как увязывать, чтобы не растрясло по пути поклажу, удивляя извозчиков сноровкой; в последний момент кто-нибудь вспоминал, что забыта самая важная вещь, и женщины гурьбой взбегали по лестнице, мешая друг другу, внучата устремлялись за ними, визжа и брыкаясь...

Сиверское в 60 верстах по Варшавской дороге; стоит на косогоре; речка Оредежь огибает его. Вода в ней буровато-ржавого оттенка. Оредежь впадает в Лугу, а в Оредежь впадает прелестная Орлинка, почти ручей, поросший белыми лилиями и желтыми ирисами. По берегам ее далеко тянутся заливные луга; по ним на закате любил гулять Александр Петрович, надев походные высокие сапоги. За ним тянулся росяной след...

В окрестных лесах водились лоси, барсуки и лисы. Осенью, когда овес складывали в копны, приходил лакомиться медведь: разбрасывал, грыз и сосал снопы.

Население в Сиверском смешанное: живут финны, русские, ижорцы. Ижорцы, хоть и крещеный люд, сохранили странные обычаи, восходящие к темному язычеству. Например, почитали за священную одинокую сосну на взлобке, устраивали вокруг нее многочасовые молчаливые пляски.

Дома Шелехова и Кузнецова — на финском краю. Терраса кузнецовского дома выходит в яблоневый сад.

В свободные от работы часы (а работал Александр Петрович много: дочери привозили из города корректуру и служебные бумаги) он выносил

на террасу кресло и сажился в него. И сидел в полной неподвижности подолгу.

Сидел так неподвижно, что вспоминают домашние, цыплята, забредшие на террасу, взлетали на поручни и спинку кресла и гуляли по плечам и коленям Александра Петровича.

Если всходил на террасу кто-нибудь из родных, он глазами и скулами делал знаки: не спугните, мол.

Задержимся на этой сценке, взглянемся и в эту картинку. Цыплята, квохчущие и снующие по плечам президента! Кому-нибудь она покажется смешной, комичной, кому-нибудь умильной. Решимся назвать ее символической. Тише, он внимает природе, сливается с ней, погружаясь в себя...

Время перестает течь для него, останавливается, не станем и мы торопиться. Подведем итоги... мы чуть было не сказали — последние, и были вправе это произнести, потому что не кто иной, как он, в эти самые дни написал в записке, адресованной домашним:

«К с м е р т и м о е й о ч е н ь п р о ш у о т н е с т и с ь т р е з
в о».

Еще бы! Ему восьмой десяток, и хотя он еще ох как крепок — давеча километров пятнадцать отмахал по лугам и лесам, а все равно возраст такой, что она может в любую минуту явиться. Что ж, он прожил долгую жизнь, пережил всех, почитай, сверстников да и многих учеников; у него уже не осталось друзей. Последний друг умер в 1914 году 2 января — Феодосий Николаевич Чернышев. Поднимался по лестнице в свою квартиру — в их же доме, академическом, куда переехал, когда избрали академиком, — вдруг схватился за сердце и придавленно сел на ступеньку... Врач приехал, когда все уже было кончено. А они особенно с Феодосием Николаевичем сблизились после смерти Фридриха Богдановича Шмидта в 1906-м. Оба его любили...

Смерть, смерть, смерть!.. Какой-то разгул смерти, неистовство!.. Всякий раз, как входит теперь в академию, в эту прежде обитель тишины и торжественного покоя, сталкивается с нею, чувствует ее запах, запах гноя и йодоформа, слышит стоны и ругань раненых, которым дела нет до академии, до обители, до всех наук на свете, потому что все науки, вместе взятые, не могут утишить и унять раздирающую и губящую их боль... В лазарете, который разместился в академии, с начала войны дежурят его дочери и жена (сохранилась записка Карпинского Ольденбургу:

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович! Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой прислать мне чистый оттиск доклада Комиссии по преподаванию математики для внесения в него сделанных исправлений. Оттиск можно передать моей дочери Александре Александровне, дежурящей сегодня утром в лазарете до 12 часов, или моей жене Александре Павловне, дежурящей от 11 до 2 часов»), и дочери и жена, возвращаясь с дежурства, рассказывали об операциях, ампутациях, перевязках и о смерти, о трупах, которые нянечки тайком от раненых, чтобы не волновать их, выносят, прикрывши серым байковым одеялом, на носилках в подвал, а оттуда их увозят на машинах...

О, к своей смерти он отнесется т р е з в о! Он всю жизнь изучал смерть, но очищенную от страданий, вернее, плоды смерти, без которых не было бы геологии, потому что о с а д к и — главная составляющая литосферы — суть продукты разрушения, смерти, не говоря уже о палеонтологических остатках, слагающих целые пласты: это пласты, оставленные смертью, или, по-другому сказать, сотворенные смертью. Значит, смерть — наряду с жизнью — сила творительная, стирающая в прах, но из праха и созидаящая. Поймет ли кто это, кроме геолога? Геология величайшая из естественных наук, центр естествознания, потому что все науки о неживом веществе и материи и даже о космосе — они геоцентрические, родились на Земле, пропитаны нашим о ней представлением и вряд ли когда от этого представления освободятся...

Еще в 1893 году он позаботился о месте захоронения:

«В правление Смоленского кладбища.

Прошу дозволить на участке, принадлежащем Горному институту, расширить место, принадлежащее профессору Горного института действительному статскому советнику Александру Петровичу Карпинскому, а именно: перенести ограду, окружающую место с северной стороны, на два аршина дальше, то есть до ограды соседнего места. Мая 10 дня 1893 г.».

Значит, еще раньше им был куплен участок на кладбище, а мая десятого дня он хлопотал о расширении его...

Теперь же он составляет завещание.

Оно коротко. «Очень прошу исполнить желание относительно приведения в порядок библиотеки... Затерялись письма от Зюсса относительно моих сочинений... Прошу отыскать. Подобные письма передать в Геолком. Разбор вещей предоставляю дочерям. Рояль

предоставляю А.А. Орлецовые чаши, нефритовые статуэтки (подарок сибирских геологов) — Е.А. ... Мои мужские одежды — внукам. Шведскую «Полярную звезду» нужно вернуть Шведскому правительству.

К СМЕРТИ МОЕЙ ОЧЕНЬ ПРОШУ ОТНЕСТИСЬ ТРЕЗВО.

Прошу отвезти на санях прямо из города».

Почему-то ему представляется, что это произойдет зимой. Умрет он летом.

Прилагает записку: «Конверт с надписью «На случай моей смерти» находится в левом нижнем ящике письменного стола».

И внизу пририсовывает ключ, которым открывается левый книжный ящик письменного стола.

О, не нужно думать, что, готовясь к смерти, и неподвижно сидя в кресле, и вслушиваясь в писк цыплят, кося глазом на быстрые их клювики, он поставил крест на своих научных замыслах. Как бы не так! У него их столько, что хватило бы еще на две семидесятилетние жизни, но ведь он прекрасно знал, что сфера науки необъятна и что здесь так же, как и во всем, надо мириться с ограниченностью человеческих возможностей. Мечтать можно лишь о том, что твои замыслы претворят в жизнь ученики, и, таким образом, ты, твой научный поиск не кончатся, а значит, останется живою самое главное в тебе — мысль. И в этом его мечты реальны, учеников много, а он им оставит для решения столько научных проблем, что их всех — а это уже сотни жизней! — не хватит, чтобы их решить.

А президентство... Что же, президентство. При его-то огромном опыте руководить столь уравновешенным и стабильным учреждением нетрудно. Академики меняются, академия остается неизменной. Пост президента всегда был скорее почетным, нежели сложным, для исполнения. И он не сомневался, что благополучно отпрезидентствует (а такой неловкий жаргонный глагол был в ходу у ученых) столько, сколько отпущено ему будет лет для жизни.

Таким образом, итог ж и з н и (быть может, в этом месте своих рассуждений он вздрогнул — шутка ли, итог жизни — и цыплята с оглушающий пискосом посыпались с его плеч и колен), итог жизни получался чрезвычайно счастливым и вместе с тем грустным.

Исполнились все его желания. Исполнились самые заветные его желания, в которых и признаться самому себе на заре жизни не решался. Он познал дружбу, верность. Счастливое супружество, которое длится уже почти четыре десятилетия. Счастлив он в своих детях и внуках. Не все у них, правда, ладится — так ведь не бывает, чтобы уж все было гладко.

Карпинский был счастлив в своей работе, не потерял пылко́го влече́ния к ней до сих пор. Сочинения его призна́л уче́ный мир.

Пост президента одной из прекраснейших академий мира — достойное увенчание его карьеры.

Ему уже нечего больше желать!

Но ведь и с п о л н е н и е ж е л а н и й — это конец...

Часть вторая
Исполнение долга

Глава 1

Революция

Нет, не дано ему было мирно восседать в президентском кресле, наслаждаясь почетом и подумывая о покое, в котором он уже нуждался и который так любят старики. Великое событие, повернувшее ход истории современного человечества, перевернуло жизни миллионов людей, перевернуло и жизнь Карпинского. Если бы она оборвалась в июне — июле 1917 года, каким бы остался Александр Петрович в памяти потомства? Кабинетный ученый, избегавший мирской суеты и сделавший прекрасную карьеру; в конце концов заурядная судьба! В ней не хватает, право же... молодости; читатель не согласен? В возрасте, которому свойственно безрассудство, он был немножко слишком рассудочен. На восьмом десятке судьба отмечает его печатью «блаженства», коей награждает она посетивших «сей мир в его минуты роковые». Величественная, но и безмерно трудная доля! Молодость не вернешь, и редко кому дано вновь вкусить от нее, почувствовать ее, исполниться свежих сил. Судьба Карпинского не заурядна, а неповторима и уникальна.

С чрезвычайной четкостью жизнь его, следовательно, и жизнеописание распадаются на две половины. Только что закончилась первая, охватывающая 70 лет; будущие 20 совсем на них непохожи! Раскрываются качества, о которых мы и не подозревали (возможно, и он сам!). Увидим Карпинского — борца, публициста, оратора. Его глубокое понимание культуры в ее совокупности, его любовь к музыке, живописи — они известны были лишь друзьям; теперь они помогают выработать правильное отношение к духовному наследству прошлого, что чрезвычайно важно было на посту президента в этот период. Порою биография его во второй части сливается с историей Академии наук. Иначе и не могло быть. В связи с этим следует принять во внимание следующее обстоятельство. Целый ряд документов, выработанных при его руководящем участии, подписан не им, а его ближайшими сотрудниками, но документы эти имеют право на публикацию в его биографии.

Итак, жизнь его начинается как бы сначала...

Прежде чем приступить к рассказу о том, как академия встретила Октябрь, несколько слов о состоянии ее дел к моменту избрания Александра Петровича. Они были неважны. Лаборатории, музеи, институты давно страдали от тесноты помещения. Теперь «жилищный

кризис» еще более обострился, поскольку некоторые помещения отошли к военному ведомству. Расстроен бюджет. Управляющий делами академии А.И.Штакельберг предупреждал президента летом 1917 года: «Этот год будет во всех отношениях еще тяжелее минувшего и только общими усилиями возможно будет найти какой-нибудь выход из создавшегося исключительно трудного положения. Надежды на ресурсы государственного казначейства минимальны».

Докладывали президенту и о волнениях среди служащих.

Служащие академии всегда отличались скромностью, дисциплинированностью и даже некоторым смирением. Они гордились тем, что работают в знаменитом учреждении. Читатель не забыл, каким тоном проникнуто письмо служителей с просьбой перенести в более удобное место медицинский пункт.

Совсем в другом роде послания стали приходиться теперь... Однажды утром, войдя в кабинет, Александр Петрович обнаружил на письменном столе исписанный корявым почерком тетрадный лист:

«Гражданин президент!

Когда же нам, служащим Академии, будут выданы деньги, которые мы требуем! Какой же вы хозяин дома, что не можете распорядиться выдачей денег? Ведь есть из нашего брата семейные, которые получают только 42 рубля в месяц со всеми добавками и суточными. Как жить на эти деньги? Вас бы посадить на его жалованье, что бы вы запели? Если добровольно не исполните наших требований, то с вами будет поступлено, как с корниловцами в Гельсингфорсе. Иначе нам не обойтись, как насилием, довольно романовских прихвостней, долой интеллигентных буржуев проклятых!

Да здравствуют граждане максималисты!!!

Смерть! врагам! проклятым!

Примите, гражданин президент, к сведению! Примите меры и удовлетворите! Это не шутка!

Служащие Академии наук».

И разумеется, ни одной фамилии.

Что прикажете делать, получив подобную пакость? От задержек с жалованьем страдали сами академики, а о прибавке не могло быть и речи. Александр Петрович немедленно передал бумагу на рассмотрение «Союза служителей Академии», который, в недавние норы возникнув, объединял

академические «низшие чины». К чести их, надо сказать, они гневно осудили вымогателей.

«На состоявшемся общем собрании Союза служителей АН от 11 сентября 1917 года при числе собравшихся членов 56 человек. На анонимное письмо, адресованное на имя Господина президента Академии наук.

Категорически протестуем против провокаторских выходок неизвестных лиц, надевших личину служителя. Мы не дикари, как нас клеймят николаевские прихвостни. У нас нет места подобным элементам. Принято единогласно всеми собравшимися».

Видно, председатель долго требовал, размахивая листком, авторов на сцену и, не добившись, занес их самих в «николаевские прихвостни». Так-то...

С обычной своей неторопливостью, никого не дергая и не понукая, принялся Александр Петрович за работу...

Наступило 25 октября — 7 ноября по новому стилю...

Историки обычно со смущением и как бы вскользь упоминают о том, что первая реакция академии на вооруженное восстание была отрицательной. Между тем ничего удивительного или «стыдного» для академии тут нет; академики, в большинстве своем старые люди, старой формации, выросли, воспитались в определенной идеологической обстановке и удостоились высшего ученого звания при царском режиме. Лишь двое из действительных членов были избраны весной 1917 года, уже после падения самодержавия: П.Б.Струве по политической экономии и М.И.Ростовцев по классической филологии и археологии. Но они-то, кстати говоря, оказались самыми нестойкими и вскоре после восстания бежали за границу. Остальные остались. И в этом тоже ничего удивительного нет; о том, как они на сей счет рассуждали, мы сейчас узнаем. Они слишком вкоренились в свою почву и свою академию и вырвать себя могли бы только с ущербом для жизни...

Академиков обвиняют задним числом в том, что, витая, дескать, в эмпиреях, они были далеки от реальной действительности. Это неверно. Доказательством тому, что академия эта будто бы далекая и оторванная от жизни организация, остро и скоро отзывалась на злобу дня, служит самая дата первого после восстания собрания академиков. Они собрались на экстраординарное общее собрание 18 ноября (по новому стилю), через

десять дней после Октябрьского вооруженного восстания; общему же собранию предшествовали конфиденциальные совещания, одно из которых носило даже название конференции.

«Протокол экстраординарного общего собрания № 15, _ 306. Президент А.Карпинский сообщил, что согласно выраженному некоторыми членами Конференции желанию созвано настоящее заседание ввиду того, что происшедшие события угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Российская Академия наук не молчала в такое исключительное время. Во время открывшихся прений были прочитаны проекты заявлений от имени Академии, но так как ни один проект не был принят, то постановлено избрать комиссию из академиков: А.А.Шахматова, А.С.Лаппо-Данилевского, С.Ф.Ольденбурга, М.А.Дьяконова, Н.С.Курнакова и М.И.Ростовцева для составления текста обращения и представления его экстраординарному общему собранию 21 ноября».

Что называется, сухое протокольное изложение, но угадывается, какие страсти кипели в малом конференц-зале! И 21 ноября здесь вновь собираются академики, и Лаппо-Данилевский от имени комиссии зачитал текст заявления (который на сей раз собрание припяло), тон которого своей решительностью и «манифестационностью» совершенно непохож на «академический»! Казалось бы, все ясно. Позиция академии определена. Не будем торопиться.

Обратимся к воспоминаниям А.В.Луначарского.

«Сейчас же после совершения пролетарского переворота волею партии я был поставлен на ответственный и тяжелый пост народного комиссара по просвещению. В один из первых дней я в своем кабинете увидел высокоуважаемых гостей — представителей Академии наук: президента А.П.Карпинского, вице-президента В.А.Стеклова и неперменного секретаря С.Ф.Ольденбурга».

Тут небольшая, но характерная неточность: в 1917 — 1918 годах Стеков еще не был вице-президентом, этот пост занимал ботаник И.П.Бородин. Однако последний устранился от деятельности, не имевшей прямого отношения к его науке. Стеков везде выступал «за» вице-президента, а в 1919 году был избран на этот пост. Луначарский не рассказал, о чем беседовал он с высокоуважаемыми гостями и как складывалась беседа, однако нет сомнений — это вытекает из всего содержания воспоминаний, — что стороны остались довольны друг другом. Более всего этот визит напоминает разведку, и она принесла добрые результаты.

Современные исследователи подвергают сомнению дату встречи.

Считается, что она не могла состояться «в один из первых дней» (так у Луначарского). Действительно, на поверхностный взгляд крайне сомнительно, чтобы ученые отправились к наркому до 21 ноября (дата экстраординарного общего собрания) и в ноябре вообще. Но, рассуждая так, мы рассуждаем «логически», между тем поведение академиков «нелогично». Память все-таки не подвела Анатолия Васильевича; веским свидетельством тому служит следующий отрывок из его книги «10 лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян». Академия, пишет он, «имеет одну политическую заслугу: она была едва ли не первым ученым обществом, которое в буквальном смысле слова на другой или на третий день по сдаче Зимнего дворца явилось ко мне как к большевистскому наркому просвещения с заявлением, что они готовы при новых условиях, при новом правительстве работать с прежним рвением над своей научной работой. Это не значит, — оговаривается Луначарский, — что Академия наук в своем составе и во всех своих работах приспособилась к нашим условиям».

Ставить что-либо в п о л и т и ч е с к у ю з а с л у г у — ответственный для наркома шаг, и вряд ли Луначарский на него решился, если бы не был уверен в своих словах.

Итак, позиция академии изначально противоречива. Она настороженно отнеслась к Октябрьской революции, а вместе с тем ищет контактов с Советской властью. Примем во внимание и то, что руководство академии было хорошо осведомлено о личности вождя революции. Сергей Федорович Ольденбург был знаком с Владимиром Ильичем много лет. В середине восьмидесятых годов он входил в научно-литературное общество и там близко сошелся с Александром Ильичом Ульяновым.

«Владимир Ильич посетил меня после насильственной смерти Александра Ильича, которую мы, близко знавшие покойного, переживали тяжело и глубоко... Помню внимательное, мрачное лицо Владимира Ильича во время моих рассказов о его брате. Он почти все время молчал, а я рассказывал, причем он только изредка прерывал меня вопросами. Вопросы главным образом касались работы покойного... о политике почти не говорили. Сам я останавливался подробнее на глубоком интересе, который Александр Ильич питал к людям. «Вы правы, — сказал Владимир Ильич, — он жил и работал для людей, о себе, о своем никогда не думал». И мне казалось, что другой жизни сам Владимир Ильич не понимает... Я чувствовал, что Владимир Ильич все запоминает, что у него все это увязывается с тем, что он сам знал и помнил о брате. Наш разговор прерывался долгими молчаниями, и мы оба понимали, что думаем о том, о

ком говорили... Много лет прошло после этой встречи, пришла революция... На этом новом пути вождем и строителем стал Владимир Ильич, тот, глубокую человечность которого выявила для меня наша первая встреча...»

Но «глубокой человечности» и ждали прежде всего от вождя революции академики! И, расспрашивая Ольденбурга, они лишний раз убеждались в том, что в своих ожиданиях не ошиблись.

Знаком был с Владимиром Ильичем и А.А.Шахматов, директор Библиотеки Академии наук, выдающийся филолог. Ленин еще в 1891 году посещал библиотеку; потом, как установлено по документам, в 1894-м. Вернувшись из эмиграции в апреле 1917 года, Владимир Ильич посетил рукописное отделение библиотеки. Об этом посещении поведал В.Д.Бонч-Бруевич в книге «В.И.Ленин и Библиотека Академии наук».

А.А.Шахматов и С.Ф.Ольденбург были у Ленина в Смольном.

Все это как будто бы за то, что опасаться нечего и в стане академиков должно водвориться спокойствие. Чем глубже погружаешься в изучение документов этой переломной и по своему значению ни с чем даже не сопоставимой в истории академии эпохи, чем глубже стараешься вникнуть в психологию академиков, тем более охватывает атмосфера неопределенности, жгучей, тревожной и неразрешимой. Она-то и была господствующей в их среде. Мы говорим «академия», «академики», не расчлняя понятий, но академики-то были разные, и академия была неоднородна! Разные по политическим взглядам, человеческим качествам, темпераменту, наконец, просто по состоянию здоровья. Поэтому позиция академии сложнее, чем половинчатая, как определили мы ее выше, и неопределеннее.

Но половинчатость и даже сложная неопределенность, отражающие растерянность и колебания в среде академиков, нуждаются ли в оправдании? Только-только наладились печатать бланки со штампом «Российская Академия наук» — вместо «Императорская», а изменилось ли что с переменной названия? Ровным счетом ничего. И не склонны были менять.

Внутри академии ничего не изменилось, а вокруг?

Все! Вдруг, в одночасье изменилось все! Так, во всяком случае, воспринималось это академиками. И чтобы показать это «все», нам вовсе нет надобности описывать петроградские улицы, занесенные снегом, патрули с красными повязками на рукавах, многочасовые митинги на Дворцовой площади и костры у Смольного, коридоры Таврического, в которых сидели, и спали, и крутили самокрутки солдаты, длинные и

угрюмые очереди у продуктовых магазинов, беспорядочную стрельбу, откуда-то налетавшую и неизвестно где затихавшую, нам нет надобности описывать комиссаров в черных кожанках, афишные тумбы, заклеенные первыми декретами нового правительства, и даже ставшую легендарной «Аврору», которая — можно воспринять это как своеобразный символ — стояла как раз напротив дома № 2 по Николаевской набережной, угол 7-й линии, и домашним Карпинского (и других академиков), чтобы взглянуть на нее, достаточно было подойти к окну.

Нет надобности описывать это; не надо упрощать восприятие событий академиками. Необходимо понять их психологию. Дело ведь не в том, что Министерство народного просвещения стали называть Народным комиссариатом просвещения! Дело в том, что рушилась — да что там, рухнула, и в одночасье! — с и с т е м а ц е н н о с т ь е й. Президент был тайным советником и награжден почетными орденами. Оказалось, что это не только дурно — быть тайным советником, не только не почетно носить вчера еще почитаемые ордена, это опасно. Академики в большинстве своем читали лекции в институтах и университете и носили звания профессоров. Теперь же слово «профессор» стало произноситься с оттенком презрения; так, во всяком случае, академикам казалось. Оказалось, что небезопасно иметь многокомнатную квартиру, необходимую для того, чтобы разместить библиотеку и принимать гостей. Но опять-таки дело не в этом, мы слишком бы упростили ситуацию, если бы свели ее только к безопасности жилища и личности. Академики опасались того — и это делает им честь, — что под угрозой само Здание Науки в высоком смысле, над возведением которого трудились их предшественники, и трудились они всю жизнь.

Они ошибались! Здание Науки не рухнет; жизнь скоро опровергнет их опасения, но тогда они этого еще знать не могли...

Наступила зима, худая пора! Многокомнатные квартиры нечем стало отапливать, и тогда придумали: всей семьей ютиться в одной комнате, остальные запереть, а посреди ставить некое странное сооружение из жести, именуемое в высшей степени непонятно — «буржуйкой», с жадностью поглощавшее все, что ни погружали в ее жерло: щепу, куски торфа, картонные обложки и, увы, книги, и письма, и рукописи... И сколько в этих «буржуйках» погибло эскизов, набросков и законченных творений, и печатных изданий!.. Поизносились одежда, и истрепалась обувь, а сменить не на что. И в пору эту трудную разнородность академии проявилась резко. Иные укатили в деревню в надежде найти пропитание, и вестей от них никаких по причине, быть может, перебоев в доставке почты. Вестей никаких, а уж о научных статьях от них говорить не приходится; а готовые

научные статьи кипами лежат в типографии и не могут быть напечатаны: нет бумаги, краски. Математик Марков уехал с сыном в Рязанскую губернию. Ляпунов в Одессе. Зять Карпинского, Толмачев, застрял с экспедицией в Сибири.

Многие из академиков преподавали в Петроградском университете и институтах; иные из коллег-преподавателей стали поговаривать об эмиграции, а некоторые — не успели оглянуться — уж очутились там, за рубежом, и иностранные газеты приносили их полные ужасов рассказы о жизни в Совдепии. И вот в этих-то условиях преданность академиков своей академии сказалась в полной мере. Выше упоминалось, что эмигрировали всего двое действительных членов, да они не успели и проникнуться духом академии, воспринять ее традиции.

В 1923 году Ольденбургу довелось побывать в зарубежной командировке. Там он встречался с некоторыми из бывших коллег. Спорил с ними ожесточенно, и, видно, не всегда успешно; в одном из писем жене у него вырывается буквально вопль отчаяния.

«В е д ь м ы р у с с к и е, и п о з о р н о б ы л о б ы п о к и н у
т ь с в о е о т е ч е с т в о, р а з м о ж е ш ь в н е м р а б о т а т ь д л
я н а у к и».

Вот так они судили об эмигрантах.

В последние дни декабря согласно уставу годичное отчетное собрание. В 1917 году оно собралось 29 декабря. Ольденбург держал речь, говорил «о трудностях момента», о тяжелом положении академии. Даже по протоколу чувствуется, что и у него, и у слушателей неопределенно, смутно и тревожно на душе. И все же они не теряли веры! Иначе как бы Сергей Федорович мог закончить такими словами:

«Вполне сознаю, что при исключительных обстоятельствах, переживаемого времени предложение мое может показаться несвоевременным, тем не менее считаю своим долгом напомнить общему собранию, что в 1925 году исполняется 200-летие существования Российской Академии».

В двадцать пятом! Через восемь лет! И не могли же академики не знать, что нелегкими будут эти восемь лет и кто еще доживет... Нет, в душе они не сомневались, что академия не сгинет и встретит двухсотлетие свое во всей славе и красе.

Глава 2

Триумвират

И все же «трудности момента» тяжелы, время суровое... И академии, чтобы не истаять, не распасться, нужно было объединиться вокруг кого-то, кто смог бы вдохнуть в нее веру, вселить надежду, научить терпению, заставить ждать и внушить желание продолжать работать, мыслить, спорить и знать, что работа не пропадет впустую.

К величайшему счастью для академии, такой человек был.

Сохранилось предание о следующем происшествии. Возвращался как-то президент домой ненастным вечером и на набережной (б.Николаевской, как теперь стали писать, то есть «бывшей») остановлен был незнакомыми людьми, которых сам он позже определил как, «вероятно, дезертиров». В карманах они ничего не нашли для себя интересного, но содержимое портфеля их озадачило. Он был набит камнями.

— Золото небось, — прохрипела слаборазличимая в темноте личность.

— Вы почти угадали, голубчик!

И седенький старичок, тяжело и неспешно ступая, принялся с кротостью пояснять им, что это такое — камни, не камни, а образцы пород, и что такое породы и какие в них богатства, богатства невидимые, но ученым людям ведомые, и как их оттуда извлечь, а бывает, что и нельзя, и так они втуне пролежат в земле, пока не научатся добывать, и прочее и прочее — и так незаметно дошли до дому и мило распрощались, и президент поднялся по лестнице и дернул ручку звонка, чрезвычайно довольный собой и беседой с любознательными молодыми людьми.

Быть может, это только семейная легенда — не суть важно. Важно то, что им, тем, остановившим его, ни на минуту не пришло в голову, что перед ними б а р и н, что перед ними президент, что перед ними тайный советник. Ну а если б спросили они его, кто, мол, ты такой, старикашка? Он поспешил бы представиться кротко и обрадованно:

— Президент Российской академии, а в недавнем прошлом, вы знаете, тайный советник!

Но и услышав это, разве пришло бы им в голову, что перед ними э к с п л у а т а т о р или же вообще некто вышестоящий, н а ч а л ь с т в о? Конечно же, нет! Карпинский никогда не был «начальником», он не был даже и «демократичным» начальником и, кстати, не любил слова «демократичный», так же как выражения «надо быть с народом», «за

народ», чем отличался Сергей Федорович Ольденбург, который часто такие выражения употреблял; Карпинский сам был н а р о д, частица народа, труженик народный, умственный труженик и с работником ручного труда в сфере народной жизни был ровня; просто каждый на своем месте. И заповедь, выраженная в словах нового гимна: «Владыкой мира станет труд» — издавна для него, хоть он только теперь их впервые услышал, была нормой жизненного поведения: его миром всегда владел труд. И потому теперь, когда пересказывали ему речи некоторых ораторов на митингах, в которых профессоров клеймили наряду с прочими «буржуями», он возмущался, не мог поверить, что такое возможно.

Он ведь из семьи горняков и сам потомственный уральский горняк; уральская закваска стойкая, не выдыхается.

И конечно, счастье для академии, что в этот момент ее возглавил человек, в котором естественно сошлись два начала: утонченная интеллигентность и народная простота.

Однако одному ему в таком возрасте, в т а к о й момент не потянуть было академии. Как-то незаметно, как всегда, когда за дело брался Карпинский, складывается руководящее ядро; кроме Александра Петровича, в него вошли Ольденбург и Стеклов. И с какой же поразительной интуицией он выбрал и распределил роли! А сам все время остается в тени, и дирижерская палочка никогда не появляется в его руке: все само собой распределилось и улеглось в руководящем ядре...

Ольденбург выступает там, где требуются обходительность, любезность, умение вести спор, не переходя границ; Стеклов, напротив, нередко переходит границы, порой он резок, даже груб и добивается успеха там, где светская тонкость Ольденбурга бессильна. К кую роль взял на себя Александр Петрович, скажем чуть ниже, пока немного подробнее ознакомим читателя с его ближайшими соратниками.

Сергею Федоровичу Ольденбургу 54 года. Когда ему исполнилось 41 (в 1904 году), он записал в дневнике: «Пришла старость и физически и душевно. Встретим ее, постараемся встретить ее с достоинством, работать, пока хватит сил. Но и с мечтой не расстанусь, пока жив». В сорок один — старик; таковы тогда были возрастные ощущения. Но — работать. Без усталости. Каждый день. «Мы живем и работаем для человека, для человечества, для строительства его жизни» — постоянный мотив его публичных высказываний, дневниковых записей и частной переписки.

«Теперь страшно важно распространять образование... основывать библиотеки... Образование вырабатывает известную общность понимания, какую-то в значительной мере однородную массовую сознательность». И

он основывает библиотеки, читает бесплатные лекции, составляет брошюры, учреждает благотворительные комитеты, добивается отмены несправедливых приговоров, борется за права женщин, малых народностей и религиозных общин... Мы не останавливаемся на его научной деятельности, она общеизвестна; сочинения его, посвященные истории культуры Востока и, в частности, буддизма, переводились на многие языки. Он путешествовал по Востоку; письма жене, посылаемые с дороги (к сожалению, необработанные и неизданные), содержат ценнейшие наблюдения и мысли. Он был влюблен в Восток. «Я предпочитаю вообще Восток, где, как это ни парадоксально, больше Духа и люди цельнее». «Движение на Восток и развитие социализма в Европе, — размышлял он в 1912 году, — это все какой-то громадный мировой сдвиг, куда и к чему — этого никто сейчас не может знать».

В юности подружился он с В.И.Вернадским, Д.И.Шаховским, А.С.Лаппо-Данилевским, И.М.Гревским, А.А.Корниловым, А.М.Калмыковой, людьми высокообразованными, даже редкой образованности, огромной культуры, питавшимися, как тогда выражались, из первоисточников мировой литературы, философии и науки; сложился проект товарищеского сожительства, своеобразной колонии, которой придумано было даже название «Приютино». Из проекта ничего не вышло, жить трудовой колонией не пришлось, но дружба осталась, и в духовной жизни России 90-х годов «приютинцы» занимают свое место. Маленький кружок дал стране несколько знаменитых ученых, трое стали академиками. Собирались то у одних, то у других, а в конце года почти обязательно отчитывались, рассказывали о прожитом, делились планами.

«Вчера вечером было наше собрание, — пишет Ольденбург 30 декабря 1912 года после одной из таких встреч. — Хорошее, глубокое впечатление осталось от него. 30 лет братской дружбы — не многим дано так много... Было тепло, и так глубоко, видимо, охватило всех настроение этого дня... Сколько пережито вместе...»

Сухонький, легконогий, с глазами блестящими, печальными, вечно спешащий, бородка примята — он казался далеким от жизни, погруженным в свои «прекраснодушные» мечтания, но проявлял подчас удивительную прозорливость. Так, задолго еще до дипломатических конфликтов угадал он сущность кайзеровского милитаризма в Германии. «Не доверяю Германии», — записывает в дневнике в 1911 году. «Германия ненавидит Россию и только не трогает, потому что мы для нее дойная корова и мы нужны ей своим хлебом». В 1912 году уже вполне определенно говорит о н а п а д е н и и Германии на Россию в 1913 — 1914 годах.

Однажды он взволнованно предрек:

«...столетия рабства зародили в груди пролетариата ненависть к тем, кому жизнь отдала все блага и преимущества, теперь начинается возмездие.

Это надо понять, понять вместе с тем, что необходимо приложить все старания к тому, чтобы спасти... культуру, идеалы, то, что красит жизнь и что раз потерянное не вернешь. И это наша задача, сохранить их для человечества».

Он предчувствует приход возмездия — и опасается, что в роковой схватке погибнет культура. «Столыпин пишет, — саркастически отмечает он, — что революция кончена, а рядом в другом столбце (газеты. — Я.К.) казни, казни...

Революция не кончена, потому что она еще впереди». (1908 г. Разрядка моя. — Я.К.).

И вот она грянула, пришло возмездие — Ольденбург принимает революцию, принимает и возмездие, которое она несет на своих штыках, он опасается только за культуру, за тонкий слой культуры, которую разбушевавшаяся стихия может смыть. (Его психологическое восприятие революционных событий характерно для академиков, и нам важно его понять!)

Какую же роль предоставил ему играть Карпинский в руководящем ядре академии? Несомненно, «министра иностранных дел» или такого дипломатического полномочного представителя, разъясняющего позицию своей стороны и добивающегося взаимовыгодного соглашения. Его тринадцатилетнее пребывание на посту неперменного секретаря (то есть постоянное живое и кипучее общение с людьми), его опыт политической деятельности, которой он увлекался с 1906 года (и был даже министром просвещения во Временном правительстве, как мы помним, а В.И.Вернадский его помощником — товарищем министра), и природные ораторские способности делали его «дипломатическую» деятельность чрезвычайно полезной. Но в таком случае какая роль отводилась Владимиру Андреевичу Стеклову? Конечно, премьер-министра.

Как непохожи друг на друга эти трое: Карпинский, Стеклов, Ольденбург! Владимир Андреевич крупен, медлителен, басовит, насмешлив; перевитая сединою борода окладывает костистое, одухотворенное, когда-то красивое, а теперь одутловатое — по причине болезни, заставляющей его каждое лето ездить на лечение в Кисловодск, — лицо. Ступает он гроыхливо, дыхание шумно, ворчание и шутки гулко разносятся по коридорам, заставляя сотрудников хохотать и подтягиваться; его появление не может остаться незамеченным даже на людной площади.

Самые отпетые острословы боятся попасться ему на язык: сомнет, раздавит, уничтожит! Для него академия — это хозяйство, давнее, крепкое, налаженное, со своими устоями и навыками, со своими пашнями, угожьями, псеками, лугами и лесами, со своими амбарами, птичниками, конюшней и скотным двором. И все это богатство ему поручено — и если уж чего надо, он добьется, достанет, вытребует. Он к какому хочешь вельможе в кабинет ворвется, махнув рукой на секретарей, и вытянет, что нужно; а коли принудят долгим отнекиванием, так и палкой может по полу так постучать, что стекла задребезжат.

Он никогда не занимался политической деятельностью и не одобрял, когда ею занимались ученые, и Ольденбурга неоднократно порицал за то, но его политические симпатии и антипатии выражены даже резче, чем у искушенного Сергея Федоровича. Владимир Андреевич яростный и непримиримый противник монархии. Его тетрадки и блокноты содержат многочисленные тому подтверждения; приведем только запись, сделанную им в блокноте в 1916 году: «Всем наконец становится ясно, что от правительства, доведшего страну до такого ужаса и позора, нечего ждать...»

Время от времени для себя в дневнике проводит он анализ программ различных партий и пытается вывести, какая из них всего более подходит к российским условиям; однако анализ страдает академической отрешенностью, и оттого выводы довольно наивны. Впрочем, он не разглашает результатов своих уединенных раздумий и нисколько не претендует на роль политического пророка. Зато наблюдения его, касающиеся лидеров политических группировок, полны занимательности и метки; в этом он сходится со своим приятелем академиком Крыловым, оба любят юмор, владеют им, пересыпают свою речь церковнославянскими оборотами, любят хлесткие выражения и крепкие словечки...

Какую же роль в этом «академическом триумvirате» Александр Петрович заготовил себе? Можно бы опасаться, что он стучится рядом с такими яркими и самобытными личностями; у него нет политического опыта Ольденбурга, и он не обладает стекловской мощью. Ничуть не бывало! Он умеряет, когда это нужно, бурную энергию Владимира Андреевича и направляет дипломатические усилия Сергея Федоровича. Коли уж мы прибегли к названиям должностей из области государственно-административного устройства, то какую же «правительственную» должность отведем Карпинскому? Она совпадет с официальным постом, который он занимает. Президент.

Но для него и для всех академиков это не означает исполнение — пусть самое добросовестное и даже талантливое — разнообразных

президентских обязанностей. В данных исторических обстоятельствах этого было бы недостаточно. Президентство для Карпинского некая высокая миссия, которую должно ему с честью исполнить. Какое непомерное испытание: история требует от него качеств, которыми он не обладает! Он всегда был «тихим» академиком, не вступал в споры, чурался политических дискуссий. И судьба потакала ему в этом! Однажды в Горном институте разразился политический скандал: группа профессоров потребовала восстановления «неблагонадежного» студента, грозя в противном случае групповой отставкой (март 1904-го; так называемое «коноваловское дело»). Оставайся там Карпинский — ему пришлось бы выбирать между бунтарями-преподавателями и консервативной дирекцией. Но он уже там не работал! Три года спустя неприятный инцидент произошел в Геолкоме. Несколько членов Присутствия потребовали увольнения Погребова — опять-таки в виду политической неблагонадежности. Но Карпинский уже там не работал. Можно припомнить и другие подобные случаи.

И вот «тихий» ученый вознесен на высший в руководстве академией пост в момент наивысшего накала революционной бури! Да ему ли в эту пору президентствовать? Тут нужен боец. Однако очень скоро со своей покойной мудростью Карпинский рассудил, что в том кроется огромная выгода для академии; что он, чуждавшийся партий, политической борьбы и любых шумных акций, воплощает в себе чистоту науки, насколько она может быть чиста. Так он приходит к осознанию своей исторической миссии. Теперь не суть важно, что он, Карпинский, ученый с мировым именем. В русской академии немало ученых с мировыми именами. Он президент. Но небывалый президент. Он олицетворение академии. Ее лик, ее слава, ее старость, ее седины, которые невозможно обидеть или забрызгать грязью.

Удивительным образом академики сразу же интуитивно постигают то особое значение, которое приобретает Карпинский на посту президента в этих необычных условиях. Его освобождают от мелких дел, исполнение их берут на себя Стеклов и Ольденбург, Крылов и Ферсман. Его освобождают от переписки, не имеющей кардинального для академических дел значения, и от подобных же встреч. Он, как вершина, скрывается в дымке. Он общедоступен, в его кабинет может пройти каждый, но впечатление такое, что он всегда немножко недоступен. Вопреки давним привычкам он позволяет теперь корреспондентам фотографировать себя, портреты его появляются в журналах. Рядом нередко фотографии матросов. И если матрос воплощение порыва, мятежа и безудержности, то лицо президента

на фотографии воплощение мудрости и всеведения, а все вместе сливается в разрушительно-созидательной работе революции.

Нам важно понять психологическую ситуацию. Академики моментально почувствовали, что им есть вокруг кого объединиться; это во многом предопределило их дальнейшее поведение.

Психологическая ситуация лишь каким-то дальним отсветом отражается в документах, которыми оперирует биограф и историк; однако без реконструкции ее невозможно сколько-нибудь глубокое и исторически-правдивое (не подогнанное — пусть невольно, бессознательно! — под современность) понимание событий тех давних лет.

9 февраля 1918 года В.И.Вернадский писал А.Е.Ферсману:

«Для меня ясно... одно — надо употребить все силы, чтобы не прервалась и усилилась научная (и всякая культурная) работа в России... В конце концов, я не сомневаюсь в конечном торжестве и отношусь спокойно к формам новых государственных строений: слишком велика масса народа и слишком много в ней талантливости. Надо употребить все силы, чтобы новое поколение отошло от своих отцов равно прекрасным и в народной толще, и в интеллигенции. И тут главная сила в научной работе... Я все глубже ухожу в свою работу о живом веществе и одновременно свожу обобщения по геохимии».

Восприятие событий и мировосприятие в широком понимании, которые ощущаются за этими словами Вернадского, свойственны и Карпинскому. Он тоже за то, чтобы не прервалась, а усилилась научная и культурная работа в России. Мы скоро увидим, с какой ответственностью и страстью он будет ратовать за преемственность культурных традиций. «Она одна может явиться надежным залогом жизненного творчества», — сформулирует он. Подобное беспокойство общепонятно (в наше время оно выглядело бы банальным!), однако нетрудно показать, что оно преимущественно свойственно естественнонаучному мышлению. Оба они, Вернадский и Карпинский, геологи, а понятие о «преемственности» одно из основных в этой науке.

Пласт, несущий в себе минеральные богатства, образуется в процессе так называемого осадконакопления. Это сложный природный процесс, физико-химическую и термодинамическую сущность которого мы здесь затрагивать не станем; однако если по какой-либо причине наступает перерыв в осадконакопления (то есть нарушается «преемственность»), его

богатства могут рассеяться, состав пласта измениться; может даже погибнуть пласт или его часть. «Перерыв в осадконакоплении» — термин, знакомый первокурснику геолфака, а само явление это, в природе весьма распространенное, изучается представителями многих естественнонаучных дисциплин.

Вернадский и Карпинский, перенося его на человеческое общество (в какой степени это правомерно, опять-таки не станем обсуждать, ибо наша задача — по мере возможности вскрыть психологию), сохраняют даже термины: перерыв, разрыв. Геолог мгновенно по ассоциации добавляет: разрыв пласта, перерыв осадконакопления. Далее ассоциация углубляется. Непрерывное накопление осадков — процесс эволюционный, а перерыв в осадконакоплении — динамический (связанный с вынесением пласта на дневную поверхность и его размывом либо с вторжением инородных тел и т.д.). При перенесении этих процессов на человеческое общество они превращаются в процессы эволюционный и революционный.

В самом огрубленном виде вывод таков: если динамические процессы, происходящие в обществе, не прерывают осадконакопления культурного пласта, тогда «я не сомневаюсь в конечном торжестве». Перерыв в осадконакоплении (непреемственность традиций) неизбежно ведет к разрушению пласта, он «выветривается». Если победившая революция не прервет накопления культурного пласта, не порвет с преемственностью традиций, тогда «мы ее принимаем».

В.И. Ленин в статье «Об едином хозяйственном плане» заметил: «...инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки... по-своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т.д.»².

Мы видим, как по-своему, ч е р е з д а н н ы е с в о е й н а у к и подходят к признанию революции выдающиеся ученые академии.

Обстановка, психологический климат, сложившиеся в руководящем ядре под воздействием Карпинского, и то мировоззрение, которым он и его соратники были проникнуты, подготовили почву для первых контактов академии с Советской властью.

Глава 3

Первые контакты

Со своей стороны, и Советская власть в лице Наркомпроса, в чье ведомство отошли научные учреждения, готовилась к переговорам с академией. Они начались вскоре после Нового года, который, впрочем, отмечался лишь старыми людьми, а молодыми был дружно отнесен к пережиткам отмирающей эпохи. В академию явился Л.Г.Шапиро, в недавнем прошлом профессиональный революционер, теперь один из видных деятелей Комиссариата просвещения. Его проводили, как водится, к неперемому секретарю, поскольку тот ведал канцелярией, а также внутренними и внешними связями академии. Закончив разговор с Шапиро, Сергей Федорович зашел к Владимиру Андреевичу, и вместе отправились к президенту. Втроем они заперлись и долго разговаривали...

24 января 1918 года состоялось очередное экстраординарное общее собрание; экстраординарные что-то стали собираться чаще ординарных...

«Неперемный секретарь доложил, что его посетил представитель Комиссариата по народному просвещению по вопросу о возможной научной работе Академии в связи с различными государственными задачами настоящего времени. Положено уполномочить неперемного секретаря ответить, что ответ Академии может быть дан по каждому отдельному вопросу в зависимости от научной сущности вопроса по пониманию Академии и от наличности тех сил, которыми она располагает».

Стало быть, «отдельных» вопросов было поставлено несколько, касались они использования академических сил для решения «государственных задач настоящего времени».

Вернувшись после собрания домой, В.А.Стеклов занес в записную книжку свои соображения: «...Отказываться априори нет оснований, но в каждом частном случае Академия в зависимости от ее мнения о том, стоит или нет разрабатывать предлагаемый вопрос, находит ли она его достаточно заслуживающим научного интереса, имеет ли подходящие научные силы, может согласиться или отказаться, единственно по научным соображениям, но принципиально не отказывается и не может отказаться...»

«Не отказывается и не может отказаться». Знаменательный момент! Мы стоим у вехи; отсюда начинается новая дорога истории академии.

Молодая власть, которой от роду два месяца с небольшим и в прочности которой все кругом сомневаются (а вернее сказать, не сомневаются в непрочности), спрашивает академию, согласна ли она сотрудничать с нею? Академия «не отказывается и не может отказаться».

Теперь работники Наркомпроса могут приступить к разработке конкретных предложений, направленных академии.

Но Шапиро, строго говоря, не был первым представителем Советской власти, появившимся в академии. Сразу же после Октября по лестничному пролету, обрамленному восемь массивными колоннами, взбежал коренастый молодой человек в ладных хромовых сапогах. Во внутреннем кармане тужурки у него лежало следующее удостоверение:

«Удостоверение.

Настоящим удостоверяется, что т. Иван Васильевич Егоров 21 ноября 1917 года на заседании Государственной комиссии был избран комиссаром Академии наук».

Впрочем, удостоверением теперь никого не удивишь. Все имели. Карпинскому тоже выдали. Всю жизнь он пользовался визитными карточками. Пришлось их отправить в мусорную корзину и взамен показывать в случае надобности картонную книжечку. В ней подтверждалось, что он состоит на «советской службе в Народном комиссариате по просвещению. № 3374. Действительно по 1 января 1919 г.». Попросили фотографию, и Александр Петрович представил для наклейки снятую лет десять назад, а то и больше; другой, видно, не нашлось. На снимке он моложав и бодр — как, впрочем, и положено быть человеку, начинающему службу в Комиссариате просвещения.

Исследователи утверждают, что комиссар Егоров не вмешивался во внутреннюю жизнь академии и, возможно даже, не встречался с президентом. Что касается первого, вероятно, оно так и было; относительно же знакомства с Александром Петровичем — вряд ли. Не таков был у президента характер. Косвенным доказательством личного общения президента с комиссаром может служить и телеграмма, направленная Егоровым Карпинскому 7 марта 1918 года; в ней ставится вопрос о сохранении здания за одним из архивов. Не будь Егоров представлен Александру Петровичу, он скорее обратился бы к вице-президенту...

29 января 1918 года, через пять дней после общего собрания, состоялось заседание Государственной комиссии по просвещению.

Луначарский на нем сообщил, что «академики уже представили смету и согласие войти в переговоры относительно реформ». Завидная оперативность! Старики академики не медлят.

Не медлят и наркомпросовцы. У них готова записка «Положения к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства». Название чуточку нескладное и громоздкое, ну да опыту еще маловато.

Вероятно, потому, что его вручил лично Л.Г.Шапиро (а может быть, академики дознались, что он был его единственным или главным автором) — только в их среде сей манускрипт получил название «Записка Шапиро». Так и говорили: «А вот в записке Шапиро... Нет, голубчик, вы потрудитесь внимательно перечесть в записке Шапиро...» — и все понимали, о чем идет речь. Речь же там шла о том, чтобы объединить ученых и определить им задачи в новых условиях. Записка слишком обширна, приводить выдержки не имеет смысла, перескажем вкратце. Нужен мобилизационный центр науки. В ту пору любили кстати и некстати употреблять военные термины. Мобилизационный. Кто мог им стать? Специальная комиссия при академии. В нее должны войти представители научных организаций и обществ. Технического общества, Вольного экономического общества, Общества имени Чупрова и других.

Цель? Основная и ближайшая задача, отмечалось в проекте положения... то бишь в положении к проекту! — «широкое и всестороннее исследование народнохозяйственной труда в основных его отраслях (сельское хозяйство, промышленность, обмен, транспорт, организация потребления, финансы и т.д.)». Исполнитель? «Средствами широко организованного коллективного исследования на основе привлечения рассыпанных в стране научных сил разнообразнейших уровней, привлекаемых к участию в соответствующей стадии работы».

Опять-таки тяжеловато изложено, но академики тотчас смекнули: это же наш КЕПС! Комиссия по изучению естественных производительных сил России, успешно работающая с пятнадцатого года и обобщившая накопленные знания по минеральным источникам, полезным ископаемым, земледелию, транспорту и другим отраслям народного хозяйства.

Карпинский передал записку в КЕПС, попросил прислать ему свои соображения; там она попала к А.Е.Ферсману. Опять-таки нет надобности подробно пересказывать ответ Александра Евгеньевича, хотя он горячо обсуждался академиками; вообще, эти «пристрелочные залпы» (позволим себе и мы употребить военный термин) казались им исполнены чрезвычайного значения. Ясно было, что в будущей академии получат преимущественное развитие прикладные науки, технические; возможно,

будут созданы даже новые отделения и секции.

Ферсман возражал против того, чтобы академия взвалила на себя изучение «всего» народного хозяйства; дескать, задача эта «по своей широте, сложности... лежит вне круга... Академии и практически трудно осуществима в ее стенах». Действительно, это, по сути, неподъемная для академии работа. Лучше расширить, предлагал Ферсман, КЕПС. Что же касается «распыленных научных сил», то их, да, их нужно взять на учет. «В тяжелые моменты русской действительности задача об охране то-то, что есть, должна доминировать над идеей нового строительства». Пока, мол, главное — это сберечь то, что есть, а оправимся, укрепим — примемся строить. Мысль разумная, но в Наркомпросе она показалась несколько пессимистической.

Суммируя впечатления от этого первого обмена мнениями, надо сказать, что Луначарский с сотрудниками высоко оценили возможности академии и поставили ее во главе ученых сил государства; сформулирован был также принцип коллективности работы ученых. Академия же готова взять на себя определенные задачи «экономическо-технического изучения хозяйственной жизни страны».

20 февраля 1918 года академики собрались на очередное экстраординарное собрание. Повестка дня «О предложении Комиссариата по народному просвещению относительно мобилизации русской науки». Вот насколько важными представлялись академикам эти первые определяющие контакты с Советской властью! В протоколе указывалось, что деятельность академии «тесно связана с благом России», что она всегда занималась изучением материальных и духовных богатств Родины. (И духовных! — не забыли подчеркнуть академики.) И потому наряду с КЕПСом, Центральной сейсмической комиссией, Магнитной и другими они назвали Комиссию для составления диалектологических карт русского языка, Комиссию по изданию «Академической библиотеки русских писателей», Комиссию по изучению племенного состава населения и другие. Без познания духовных богатств России «материальных» богатств недостаточно.

И в заключение:

«Академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром».

Это ответственное заявление, сделанное с полным пониманием своих возможностей и своей способности справиться с тем, что обещано. Найдены нужные слова, и Советская власть их приняла и поняла.

Глава 4

Луначарский пишет Карпинскому

Известие о том, что академия согласна сотрудничать с Советской властью, мигом облетело ученые общества страны, и от них посыпались запросы. Так ли? Подтвердите...

«Меня посетил на днях некто Л.Г.Шапиро, — спешил поделиться с Ольденбургом председатель Московского общества сельского хозяйства А.И.Стебут. — Между прочим, названное лицо указало, что Академия наук дала свое принципиальное согласие работать в контакте с Комиссариатом...» И заверял, что и общество не замедлит дать свое согласие, «если работа будет вестись под общим руководством Академии наук».

Московское общество сельского хозяйства — одно из старейших, создано в 1820 году для содействия развитию земледелия. Ольденбург ответил: да, мы вступили в контакт, академия будет работать, «но, — делает осторожную оговорку, — она каждый раз будет сама решать вопрос о том, входить ли ей в рассмотрение данного дела, и сама будет определять формы и способ своего участия в работе».

Авторитет академии огромен, и Советской власти, желающей объединить все научные силы страны, чрезвычайно полезно то, что академия, дав согласие сотрудничать с Советами, этим самым невольно склоняет к тому же и другие научные организации; Советская власть не может не признать за академией этой ее безусловно п о л и т и ч е с к о й з а с л у г и.

Но все понимают, что пока только подготовлены условия для добрых переговоров «на высшем уровне», в которых со стороны академии выступит, конечно, президент, а со стороны Советской власти в данном случае нарком просвещения. В начале марта 1918 года Луначарский садится писать письмо Карпинскому. Он отправил его 5 марта 1918 года. Первое обращение наркома к президенту!

Сверху канцелярское предписание: «Президенту Российской Академии гражд. А.П.Карпинскому» — и дальше текст самого письма: «Чрезвычайная серьезность народнохозяйственной проблемы и самый объем стоящих перед страной экономических задач требуют постановки исследования столь широкого, что вне коллективно организованной работы, вне планомерной координации отдельных усилий исследователей

это невозможно».

Мысль, уже известная академикам из записки Шапиро. Луначарский развивает ее: «Для всякого значительного научного начинания вопрос об организационном центре является наиболее существенным». Он вспоминает КЕПС и ее работу; в ней, по мнению Луначарского, «инициатива и организационные возможности» академии «получили такое яркое выражение». «Академия в ходе своих работ уже сама близко подошла к границам народнохозяйственной области, причем не всегда оставляла эти границы непережденными».

(КЕПС лежит довольно далеко от нашего повествования, потому что Александр Петрович, курируя геологический отдел, все же близкого участия в его работе не принимал: руководили им такие выдающиеся умы, как Вернадский и Ферсман. Обоим им в разное время он дал рекомендацию в члены академии.)

Луначарский ничего не навязывает академии, письмо в этом смысле исключительно тактично, он только напоминает о том, что академия хотя в прошлом и являлась «высшим в России представителем чистой теоретической науки... тем не менее, учтя нужду страны, повинувшись острой необходимости в напряженной научной активности всех сил России», взяла на себя почин и попыталась «установить живую связь между наукой, техникой и промышленностью».

Далее он перечисляет темы, «непосредственно переводящие исследование к вопросам технологии, экономии и права». Таковы разного рода вопросы, связанные с потребностями промышленности, экономики и экспорта. Ветряные двигатели, рыбный промысел и икорное дело, водное законодательство, хлопководство и шелководство — академией, и в частности КЕПСом, изучался очень широкий круг научно-прикладных проблем. Нарком дает понять, что надобность в таком изучении остается и потому «отдаленность области настоящих работ Академии от задач экономического изучения России на деле меньше, чем это может показаться с первого взгляда».

Следовательно, академии не так уж трудно будет приспособиться к изменившимся условиям и приступить к решению задач, которые поставит перед ней Советская власть.

И в заключение нарком произнес знаменательные слова, которые академики, конечно, и хотели от него услышать:

«...В тяжелой обстановке наших дней, быть может, только высокому авторитету Академии наук с ее традицией чистой независимой науки (разрядка моя. — Я.К.) удалось бы, преодолев все

трудности, сгруппировать вокруг этого большого научного дела ученые силы страны».

Глава 5

Ответ президента

Ответ Карпинского — документ исключительной важности, и без него не обходится ни одно исследование, охватывающее рассматриваемый период истории Академии наук; все же представляется, что трактовка его либо бывает неполна, либо выделяет не самые главные стороны, и, таким образом, выношенные и для Карпинского важные мысли оказываются в тени. Он перечисляет меры, принятые в прошлом академией по объединению научных сил и рассматривает формы, в которых она может сотрудничать с Советской властью, но это-то как раз и имеет лишь исторический интерес! Между тем исследователи останавливаются именно здесь.

Начнем, однако, сначала. Карпинский не поддался веяниям моды: обращение, с которым он адресовался к Луначарскому, вероятно, выглядело в глазах некоторых молодых сотрудников Наркомпроса непростительно старомодным.

«Милостивый государь Анатолий Васильевич!» — вывел он.

У академиков еще оставалось в ходу (и долго будет оставаться!) обращение «господин». Так начинается, например, записка КЕПСа (ответ на записку Шапиро), подписанная Ферсманом и Ольденбургом; копию ее Александр Петрович послал Луначарскому. «Господину президенту Академии наук...»

Карпинский говорит о «дифференциации науки» — на первый взгляд не совсем ясно. Понимать надо так: развитие науки идет через специализацию, членение, разделение; такова объективная тенденция. (Сам он, как знаем, чурался перегородок в науке — и в своем личном творчестве стремился к объединению отраслей наук, — но как о р г а н и з а т о р в науке он подчиняется объективному ходу развития.) Дифференциации этой у нас мешает «общий низкий уровень культуры». Это не требует объяснения: нужны школы, вузы, миллионы грамотных людей. «Направление русской жизни с громадным неисчислимым для себя вредом еще более помешало этой дифференциации внесением совершенно ложного понятия о специализации как антидемократической привилегированности...»

Это место недостаточно ясно изложено и допускает разные толкования. По нашему убеждению, слова президента полемически

направлены против некоторых идеологических учений начала века (в частности, толстовства), в которых настоящим тружеником, достойным истинного уважения, провозглашается мужик или заводской рабочий, а с п е ц и а л и с т (инженер-химик, например, геолог, биолог) почти барин, почти помещик, почти аристократ. Его труд л е г ч е. Его положение привилегированней.

Карпинский еще раз возвращается к этому. «Глубоко ложное понимание труда квалифицированного как труда привилегированного, антидемократического... легло тяжелою гранью между массами и работниками мысли и науки». Ясно, что не массы, не «трудящиеся» и не работники мысли и науки эту грань между собой положили. Тут отрывка феодальной психологии. Общество не может успешно развиваться, относясь так к работникам мысли и науки. Себя Карпинский — мы уже писали о том — считал равней мужику и рабочему в общем народном труде; того же требовал для философа, музыканта, бухгалтера. «Настоятельным и неотложным является поэтому для всех, кто уже сознал пагубность этого отношения к научным работникам, бороться с ним и создать для русской науки более нормальные условия существования».

«Чистая наука должна войти в тесное общение с техникой и прикладным знанием вообще, ибо для всякого ученого в настоящее время ясно, что подобное тесное общение плодотворно для обеих сторон и является истинным залогом настоящего, глубокого использования сил природы и сил человека для создания новой улучшенной во всех отношениях жизни».

В этих словах целая программа действий для работников науки — и она в дальнейшем развивалась в полном согласии с высказанным здесь пожеланием Карпинского. Возможно, не всем ученым в то время были ясны смысл и польза тесного общения чистой науки и прикладного знания. Возможно. Не для всякого. Куда важнее, что это понимал президент!

И наконец, добирается он до р а з р ы в а в преемственности традиций, который его глубоко заботит и который он считает «несчастьем русской жизни». К сожалению, по его наблюдениям, такой разрыв уже произошел...

Что же касается конкретных форм сотрудничества академии с Советской властью, Карпинский сторонник решения определенных, четко оговоренных задач, иначе «легко было впасть в теоретичность и прийти к построениям недостаточно жизненным... Долголетний рабочий опыт убеждает Академию, — пишет Карпинский, — в необходимости начинать с определенных реальных работ, расширяя их затем по мере выяснения дела». Е.Н.Городецкий в своих трудах «К истории ленинского плана

научно-технических работ» и «Рождение Советского государства» убедительно показал, что предложения Карпинского были правильны.

Таким образом, письмо президента захватывает широкий круг вопросов, а впервые высказанный призыв сохранить культурный пласт «без разрывов» отражает святое беспокойство, понятное и в наше время.

Сопоставление его письма с запиской КЕПСа, копию которой он отправил Луначарскому, приводит к мысли, что последняя составлялась не без его участия — во всяком случае, преамбула. Она содержит близкие ему мысли, текстуально несущие отпечаток его стиля. «Спасение государства и русской культуры лежит в широком подъеме народного труда, — разве это не Карпинский? — планомерно продуманном использовании природных богатств и в бережном сохранении и охране работников свободной научной мысли и рассадников научного творчества русского народа».

Все это он не раз говорил в своих выступлениях. В преамбуле содержится любопытнейшая мысль, с которой согласились бы современные экономисты и экологи. Мало изучать природные богатства страны, утверждают авторы. Мало выяснять технические стороны отдельных отраслей народного хозяйства. Необходимо исследовать взаимоотношения, «которые устанавливаются жизнью между природой и ее трудовым использованием».

В своем плане авторы и пытаются найти такую увязку.

«Прошу Вас принять уверение в совершенном почтении и преданности. А.Карпинский», — заканчивает Александр Петрович письмо Луначарскому.

Глава 6

Весна 1918-го

Анатолий Васильевич получил его в конце марта; в начале апреля он едет в Москву.

Из протокола заседания ВЦИК IV созыва, стенографический отчет 11 апреля 1918 года.

«Луначарский. После моего приезда в Москву я в первый же день обратился к т.Свердлову с просьбой дать возможность хотя бы на короткое время выступить перед Центральным Исполнительным Комитетом специально для того, чтобы сделать ему доклад о моем письме к президенту Академии наук и ответе его на это письмо... Я прочту (письмо президента. — Я.К.) в некоторых выдержках...».

Луначарский держал в портфеле не только письмо президента, но и смету, разработанную академиками (он назвал ее «экономной и блестящей»), и проекты учреждения некоторых институтов. На следующий день, 12 апреля 1918 года, со всеми этими документами и имея уже одобрение ВЦИК его деятельности по установлению связей с академией, Анатолий Васильевич отправился на заседание Совнаркома. Председательствовал В.И.Ленин. Луначарский сделал доклад «о предложении Академией наук ученых услуг Советской власти...».

Впервые Совет Народных Комиссаров обсуждал вопрос об организации научных исследований. И касался он непосредственно перспектив развития академии.

Постановление СНК РСФСР о привлечении Академии наук к государственному строительству. 16 апреля 1918 года:

«Совет Народных Комиссаров в заседании от 12 апреля с.г., заслушав доклад Народного комиссара по просвещению о предложении Академии наук ученых услуг Советской власти по исследованию естественных богатств страны, постановил:

пойти навстречу этому предложению, принципиально признать необходимость финансирования соответственных работ Академии и указать ей как особенно важную и неотложную задачу разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил».

Этим постановлением академия была юридически признана советским учреждением и поставлена на государственный бюджет.

Вопрос о сумме, которую она испрашивала, обсуждался несколькими днями ранее на заседании Государственной комиссии по просвещению. Луначарский, как явствует из документов, настаивал на предоставлении сверхсметного кредита и заявил, что «Председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ленин заверил, что в случае реальных затруднений необходимая сумма будет предоставлена».

Она была предоставлена, и академия смогла развернуть работу.

В то время как Луначарский участвовал в Москве в работе заседаний, чрезвычайно важных для судьбы Академии наук, в Петроград для встречи с ее руководителями приехал секретарь Совнаркома Николай Петрович Горбунов. Он выполнял поручение Ленина и, как сам писал позже, «согласно общим директивам Владимира Ильича, вел переговоры с Академией наук и отдельными академиками о привлечении Академии наук к работе по восстановлению хозяйства страны».

Суть этих переговоров становится ясна из протокола заседания Отделения исторических наук и филологии академии, где после сообщения о приезде Горбунова следует:

«Совет Народных Комиссаров считает крайне желательным возможно широкое развитие научных предприятий Академии и приглашает Академию довести до сведения Совета об имеющихся предположениях экспедиции, предприятий и изданий Академии с тем, чтобы им могло быть оказано скорейшее содействие. Кроме того, т. Горбунов просил, чтобы Академия по этому же предмету снеслась с обществами и учеными учреждениями... Со своей стороны, он обещал принять все меры к тому, чтобы пожелания Академии и других ученых, учреждений получили скорейшее удовлетворение».

Это первое посещение академии представителем высшего правительственного органа, к тому же выполнявшего непосредственное поручение В.И. Ленина. Через Горбунова Карпинский устанавливает прямую связь с Совнаркомом — и представленной возможностью он немедленно пользуется! Как только Горбунов отбывает, Карпинский садится за письмо в Совет Народных Комиссаров. В исторической литературе оно получило название «Письмо А.П. Карпинского в СНК о нуждах Академии наук и работающих с ней учреждений». Датировано 17 апреля 1918 года.

Прежде всего президент просит по возможности скорее утвердить бюджет и сметы по предприятиям. «Отсутствие утвержденного бюджета на текущий год является, к сожалению, большим тормозом для начатых и предпринимаемых работ». (Общая смета академии рассматривалась

Наркомпросом 20 мая 1918 года и сразу была представлена на утверждение в Совнарком.)

«Чрезвычайно беспокоит Академию, — писал дальше Карпинский, — вопрос о печатании ее трудов, сотни листов которых ждут очереди...» Академическая типография в простое, а она — не преминул напомнить президент — «справедливо считается по качеству своих работ одной из лучших, а во многих отношениях и лучшею в России, и смело может соперничать с наиболее известными иностранными типографиями». Нельзя ли часть хотя бы трудов отпечатать в 1-й Государственной типографии? — спрашивает он. (Такое разрешение последовало 26 июня; денег для печатания с академии не взяли, их выделило государство.)

Далее президент рассказывает о нуждах обществ, с которыми академия работает в постоянном содружестве. Таковы Русское географическое общество и Археологическое общество. Первое приступает «к предприятию громадной научной и государственной важности — «Географическому словарю России». Археологическое, возникшее в 1816 году, посылает экспедиции, изучает памятники древности, нумизматику, эпиграфику. Президент горячо, как он выразился, ходатайствует за них и прилагает к своему письму перечень мер, необходимых для поддержания жизнедеятельности обществ, а также Стебутовских сельскохозяйственных курсов.

Случались перебои и в работе Книжной палаты, обязанной вести учет русской печати. «Отсутствие или задержка в выдаче кредитов тормозит это дело, государственно необходимое: за последние месяцы, — сетует президент, — мы решительно не знаем, что вышло из печати в России». С Книжной палатой связаны Библиотека академии, Публичная библиотека и Румянцевский музей. Они тоже нуждаются в помощи. К письму президент приложил записку КЕПСа о плане использования природных богатств страны (копию ее имел и Луначарский).

Как видно, перечень требований, с которыми Карпинский обратился к правительству, скромнен и составлен с учетом тяжелого положения, в котором из-за разрухи и войны находилось государство. Большинство требований правительство без задержки удовлетворило.

В последних строках письма содержится просьба обращаться, когда это необходимо, непосредственно в высшие государственные органы, минуя Наркомпрос. Академия всегда так поступала и полагала бы, рассуждает президент, «что в интересах дела важно сохранить за нею право, которое она имела со своего основания, почти 200 лет тому назад, обращаться в особо важных случаях непосредственно к высшему органу

власти, который всегда может обеспечить путем одновременного рассмотрения вопроса всеми заинтересованными ведомствами необходимую срочность».

Как видим, весной 1918 года между молодой Советской властью и Академией наук велись напряженные и чрезвычайно важные переговоры.

К этому же времени относится создание ленинского документа, получившего в литературе название «Набросок плана научно-технических работ»³. Написание его датируется 18 — 25 апреля 1918 года.

Он невелик по объему; приведем его полностью.

«Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил России (в этом месте следующая сноска В.И.Ленина: N В. Надо ускорить издание этих материалов из всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения, и в союз типографских рабочих, и в Комиссариат труда». — Я.К.), следует немедленно дать от Высшего совета народного хозяйства поручение

образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России.

В этот план должно входить:

рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта.

Рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях.

Наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении

к земледелию».

Историки науки по праву усматривают в «Наброске» гениально очерченный контур долгосрочных и фундаментальных научных работ, при выполнении которых академии отводится роль собирательного центра — роль почетнейшая! Не сразу было осознано, но постепенно дошло до сознания всех, что академия вступила в новую эру развития. Немало еще впереди споров, немало переживаний, но все заметнее становится, что академия на новом пути, поворот совершен.

Глава 7

Драма в Сиверской

Мы показали лишь одну сторону — несомненно самую важную — деятельности президента с начала революции; но работа академии «не прекращалась ни на один день», как с гордостью подчеркивали ученые; следовательно, приходилось исполнять и обязанности, связанные с научной работой отделений. Архивные документы хорошо передают ее наполненность и разнообразие. Но поразительное дело! Самое, кажется, тщательное знакомство с ними убеждает в том, что академики не знали — даже Ольденбург и Стеклов, — что творится в душе у Александра Петровича. О несчастье, которое с ним стряслось, академия знала, не могла не знать, хотя в документах это отразилось опять-таки бегло, но как тяжело он переживал горе — о том знали, наверное, лишь родные...

Зимой 1918 года тяжело заболела Александра Павловна. Пришлось свезти ее в больницу. Потребовалась операция. На первых порах ей полегчало.

Наступила весна. Александра Павловна просила отвезти ее в Сиверскую, надеясь поправиться на свежем воздухе и на деревенских продуктах. Врачи не препятствовали: семья перебралась на дачу. Ниже приведем отрывки из письма внучки Александра Петровича А.В.Балтаевой автору этих строк. Упомянем только, что диагноз, который врачи сообщили родственникам, а те скрывали и от больной, и от друзей, был убийственным — рак.

«Крестьяне угощали больную после операции бабушку (но купить было непросто, предпочтение было обмену). Не приходило сроду в голову Дедуле и моей маме, которая вместе с подростком тогда П.И.Толмачевым (внук. — Я.К.) — Люсей, как его звали в доме, бинтовала и ухаживала за больной, что надо только сделать хороший дорогой подарок, и все сельские угощения будут моментально в должном количестве. Наконец поняли, и все пошло легче.

Поезда в город нормально ходили, мост, спаленный белой «дикой дивизией», был давно налажен, дед и Евгения Александровна ездили часто в город».

Так продолжалось до 15 июля.

С утра вид больной не внушал опасений. Евгения Александровна уехала в Петербург, хотя, как вспоминает А.В.Балтаева, «ее очень просила

бабушка... что-то ей хотелось, чтоб все были дома».

Евгении Александровне не пришлось больше увидеть мать живой. Она скончалась днем 15 июля.

Кончина жены была страшным ударом для Александра Петровича. Они прожили в счастливом согласии сорок пять лет.

Он привык с ней советоваться, думать при ней вслух и посвящать ее в научные замыслы; за столько лет она научилась разбираться в его науке! Они читали одни и те же книги и никогда порознь не ходили на концерты и художественные выставки; давно уж она стала частью его самого.

Она была центром семьи, такой большой, шумной; без ее догляда и незаметной власти семья, наверное, распалась бы, а Александру Петровичу так всегда становилось больно, когда кто-нибудь в сердцах говорил, что уйдет из «дома»... Он не мог представить, чтобы с в о и жили под разными крышами...

«Похоронили ее на местном кладбище, километрах в двух или полутора от деревни, там же была похоронена маленькая внучка А.П.Беккер, дочь Марии. На похоронах почти никого не было. Дед совершенно был растерян. Так его потрясла ее смерть, что он временами не мог дать себе отчета, что хоронит жену. И спросил, где же Александра Павловна?..

Моя тетя Таня нарисовала в карандаше портрет умершей в гробу... Этот портрет висел у Дедули над конторкой, где он занимался... И куда бы он ни ехал: на заседание, в театр, в гости — он проходил через комнату-кабинет, подходил и стоял у конторки...

Как я понимаю — со смертью бабушки кончилась нормальная жизнь в доме».

Мысли о собственной смерти вновь овладевают Александром Петровичем. Он достает старое завещание, переписывает его. «Ввиду того, что завещание мое... уничтожено кончиною А.П., очень прошу членов моей семьи о следующем: похоронить меня, если не случится непредвиденных затруднений... рядом с А.П.».

Как знаменательна эта оговорка о «непредвиденных затруднениях»...

Глава 8

ГОЭЛРО и КМА

Знаменательна она тем, что никто — и президент в том числе — не мог ничего определенного сказать о завтрашнем дне; разгоралась гражданская война, усилился голод, а с ним болезни, эпидемии... Петроградские ученые еще не страдали от бомбежек, артобстрелов, ружейной пальбы, а такое случалось с участниками экспедиции (продолжали свои маршруты несколько этнографических, геологических и археологических экспедиций; их судьба служила вечным источником беспокойства для Карпинского), случалось и с астрономами Пулкова.

Л.А.Белопольский (астроном, академик) — Карпинскому. 2 ноября 1977 г.

«Начинал с субботы у нас появились солдаты... Принял меры к сохранению приборов. В понедельник ночью привезли артиллерию. Началась сильная канонада, и шрапнельные снаряды полетели на нас. Такой интенсивный огонь продолжался до пяти часок...»

5 ноября 1919 г. (Запись в дневнике Ольденбурга):

«Директор Пулковской обсерватории сообщил, что 20, 21, 22 октября пришлось прекратить всю наблюдательскую работу в связи с разыгравшимися военными действиями под Пулковом. Почтово-телеграфная контора эвакуирована, петроградский телефон находится в исключительном распоряжении военных властей, детскосельский телефон снят совершенно. Получение пропусков сопряжено с большими трудностями и препятствиями».

От такого рода «затруднений» их петроградские коллеги были избавлены, но от всего остального нет: «и глад и хлад» их терзали, и будет ли у родных возможность перевезти его в Сиверскую, когда придет его

последний час, Александр Петрович не знал... И уж конечно, никак он не мог знать и даже представить себе, какими особыми обстоятельствами уготовано ему покоем далеко от Сиверской и далеко от Петрограда...

И вот в это трудное время разрухи, голода и войны, время тяжелых душевных переживаний Александра Петровича и дум его о близкой смерти академия разворачивает блистательные научные деяния, разворачивает энергично, с дальним прицелом и неспешно, как это и было свойственно всегда президенту. Необходимо еще добавить, что весь пореволюционный период распространялись слухи, а иногда и официальные версии о реформе академии или полной ее ликвидации как ненужного пережитка отброшенной старины; слухи эти крайне нервировали «трех старцев» (темы этой мы коснемся ниже). Но ничто не останавливало академию...

Теперь у нее есть деньги, и немалые, таких она с начала войны не имела, и один за другим учреждаются институты, о создании которых она давно мечтала и проекты к созданию готовила заранее. В 1918 году возникают Физико-химический институт, Институт платины и благородных металлов, Радиевый институт. В записке ученых о будущих исследованиях этого последнего из перечисленных институтов прозорливо говорится:

«Постепенное изучение явлений радиоактивности приоткрыло в настоящее время несколько завесу, скрывавшую долгое время от взоров человечества те почти безграничные возможности, которые перед ним открываются в его постоянной борьбе с природой в случае целесообразного использования колоссальных запасов энергии, присущих атомам радия... Дело правильной постановки всестороннего изучения радия в России... дело большой государственной важности».

В бытность свою директором Геолкома Александр Петрович добился учреждения Почвенного комитета (читатель, вероятно, помнит!) ввиду особой важности почвенных исследований для России. Теперь при его содействии возникает почвенный отдел при КЕПСе — пройдет несколько лет, и он будет преобразован в Почвенный институт имени Докучаева.

КЕПС пополнился и другими новыми отделами: нерудных ископаемых, каменных строительных материалов, животноводства, оплотехники, исследования Севера. С русским Севером Карпинский как геолог и государственный деятель связывал большое будущее, об этом он говорил на заседании отдела 31 мая 1918 года: «На долю русского Севера и прежде всего Мурмана, остающегося теперь единственным выходом для внешней торговли и культурных сношений России с Западной Европой и Америкой, выпадает особенное значение... Мы должны обратить... внимание на изучение северного края с его неисчерпаемыми и все еще

малоисследованными богатствами, и нам нужно возможно шире популяризировать знания о его жизненных и естественных ресурсах, дабы продуктивно их использовать, а следовательно, и поднять культуру и благосостояние всего отечества».

Как ученый он до конца жизни не перестанет интересоваться и по мере сил участвовать в исследовании Севера.

Два величайших деяния затевает академия в это время — ГОЭЛРО и КМА, оба настолько выходят за рамки жизнеописания одного человека и даже за рамки истории всей академии, что подробно останавливаться на них нет возможности. Без преувеличения можно сказать, что впервые в мировой практике исследования ставились с таким размахом, с привлечением огромного числа разных специалистов и разных организаций: это стало возможным в новых социальных условиях, чем академия незамедлительно и широко воспользовалась. То были коллективные, артельные, общие деяния; и с обоими тесно связано имя Ленина.

К работе в ГОЭЛРО было привлечено около 200 специалистов: академики, инженеры, знатоки различных областей народного хозяйства. Имена Г.О.Графтио, П.В.Винтера, В.Ф.Миткевича, М.А.Шателена ныне широко известны. Г.О.Графтио вспоминал, что о желании Владимира Ильича строить Волховскую ГЭС узнал в январе 1918 года. «Я с радостью сел за работу. Были извлечены давно забытые чертежи... Через неделю Владимир Ильич хотел поставить вопрос о Волховстрое на заседании Совнаркома». Графтио разработал проект Волховской станции еще в 1911 году, но тогда не смог осуществить.

Государственная комиссия по электрификации России была создана в феврале 1920 года; ее возглавил Г.М.Кржижановский. «Владимир Ильич, — вспоминал Глеб Максимилианович, — с самого начала проявлял большой интерес к работе Комиссии, давал советы, оказывал ей громадную помощь и поддержку. Он лично познакомился с членами Комиссии и имел точное представление о роли каждого в нашей сложной и ответственной работе. Программа деятельности Комиссии была разработана при непосредственном участии Ленина».

Петроградская группа ГОЭЛРО была составлена большей частью из сотрудников КЕПСа и потому самым тесным образом связана с Карпинским; ей поручен был важнейший раздел плана электрификации — исследование Северного района, насыщенного промышленными предприятиями и нуждающегося потому в электрическом топливе и свете в первую голову.

С 16 по 24 мая 1920 года в Петрограде в помещении Географического общества под председательством Карпинского проходило совещание, посвященное Северу. Было заслушано 75 докладов! (Это в голодную-то весну, когда и добираться до места — трамваи ходили редко, переполненные, — было сопряжено с немалыми трудностями, да и попросту зачитать с кафедры доклад ослабевшему человеку нелегко!) Были обсуждены вопросы геологии, геофизики, гидрографии, гидрологии, освоения лесных массивов, размещения металлургических предприятий, рыбных промыслов, животноводства; словом, это было воистину (и, может быть, впервые) комплексное научное обсуждение проблем освоения большой территории. Некоторые доклады были потом приняты как «руководящие» документы (доклад директора Гидрологического института профессора В.Г.Глушкова «Белый уголь», доклад о торфяных запасах И.М.Вихилева и другие).

Петроградская группа ГОЭЛРО и отдел Севера КЕПСа замкнулись на Карпинском — что, и в значительной степени, способствовало успеху северных исследований. В самом деле, посмотрим, какие силы брошены были в дело? Минералогический музей взял на себя геологическую разведку. Гидрологический институт определял места будущих гидротехнических строек. Летом 1920 года академия направила в Свирь-Волховский район комплексный отряд, куда входили ботаники, почвоведы, гидрологи, ихтиологи, экономисты. Они изучали режимы вод и почв, сельскохозяйственные угодья, рыбные промыслы и многое другое. В.И.Ленин высоко оценил работу, проведенную ГОЭЛРО совместно с академией по Северному району. В своей статье «Об едином хозяйственном плане» он писал, что эта работа точна, детальна, основана на богатейшем научном материале, и рекомендовал для ознакомления разослать ее членам ЦК как пример плана электрификации района.

Усиленный интерес, проявляемый научной общественностью к народнохозяйственной деятельности в стране (уместно сказать об этом здесь), вызвал — а точнее, обновил — интерес к петрографическим, минералогическим и рудогенетическим работам самого Карпинского, то есть к тем, которые непосредственно связаны с хозяйством и экономикой. Оказалось, таких немало. Профессор А.К.Болдырев насчитал около 40 названий. По-видимому, их больше (профессор брал на учет лишь те, что имеют непосредственное отношение к минералогии, но 25 из его списка могут быть с равным основанием отнесены к петрографическим). Перечень полезных ископаемых, подвергнутых научному анализу Карпинским, тоже внушителен. В разное время разведывал он и описывал Березовские

золотоносные отложения, угли на восточном склоне Урала, Алапаевский бурый железняк, уральский никель, алмазы; даже нефть не обойдена его вниманием.

В списке полезных ископаемых, служивших предметом изучения Карпинского, Болдырев выделяет платину. Александр Петрович много лет работал над монографией, посвященной этому металлу. Она вышла в 1926 году и вызвала споры. Карпинский, как выражается Болдырев, «энергично атаковал» существующие воззрения на образование платины в геологических условиях Урала. У него нашлись сторонники и противники. Сложный вопрос этот до конца не разрешен до сих пор. «Эти мысли оспариваются, но из поля внимания геологов современности не вышли», — утверждает исследователь его творчества Б.Л.Личков. Гипотеза Карпинского разбирает последовательность выпадения минералов платины из расплавленной магмы.

Говоря о петрографических работах Карпинского, нельзя обойтись без существенной оговорки; в той или иной форме она присутствует у авторов, писавших на эту тему. Одними публикациями вклада его в петрографическую науку не измерить. Через его руки проходил огромный каменный материал; он был непревзойденным знатоком русского камня (да и зарубежного! К примеру, условия залегания уральской платины детально сопоставил со схожими образованиями в Африке) — и хотя сам частенько сетовал на то, что мало мы публикуем, надо брать пример с иностранцев, которые дают в печать и мелкие наблюдения, не дожидаясь, когда сложится обобщение, — сам доброму совету не следовал, и огромное количество его выводов, соображений так и остались в «устном виде».

Само собой разумеется, что когда — еще до революции — ему показали образцы, доставленные из-под Курска, он не мог остаться равнодушным.

Необъяснимое поведение стрелки компаса под Щиграми и Старым Осколом издавна привлекало внимание ученых, а кусочки руды крестьяне выкапывали еще в екатерининские времена. «На всем белом свете нет ничего подобного, — удивлялся профессор Э.Е.Лейст, — ученые приезжали сюда как в Кунсткамеру: здесь магнитная стрелка не показывает на север и юг, как бы следовало, а на восток и запад». Лейст первый с плохоньким магнитометром на плече и начал обходить окрестные села и записывать показания прибора; после долгих уговоров Курская управа выделила ему средства на бурение — скважина не дошла всего ста метров до залежи! Но он-то этого не знал... Переживания и усталость сломили его, в 1918 году он уехал лечиться в Германию. В конце лета того же года он

умер.

Такова предыстория разведки КМА — Курской магнитной аномалии. Александр Петрович с энтузиазмом ее поддержал.

К разведке КМА подключается большая группа академиков: П.П.Лазарев, А.Ф.Иоффе, А.Н.Крылов, А.Н.Ляпунов, А.Е.Ферсман, Ю.М.Шокальский, О.Ю.Шмидт, В.А.Стеклов — блестящие имена! То, что еще год назад представлялось невозможным — сосредоточение усилий разных специальностей ученых, живущих в разных городах, на одном объекте исследования, т о п р и н ц и п и а л ь н о стало легкодоступным теперь, хотя это вовсе не значит, что легкодоступным на практике. Лейст работал, как привыкли работать издавна, в одиночку, открытия делались одним геологом, и месторождение называлось его именем. Лейст сделал все, что в силах человеческих, но КМА ему было не поднять!

Лето 1919 года. Под Щигры отправляется магнитометрический отряд под руководством К.С.Юркевича. На место прибывает 22 июня, а 3 июля генерал Деникин отдает приказ о наступлении на Москву. В начале августа в Тимском уезде, где проводил наблюдения Юркевич, становится слышна канонада. Отряд продолжает работу. В середине августа район остался без власти. Отряд не прерывает наблюдений. Среди крестьян ходят слухи, что в ящиках не приборы, а пулеметы, вехи же, выставляемые в поле, — прицелы для стрельбы... 5 сентября белые у стен Курска...

Выписка из дневника К.С.Юркевича:

«1 сентября. Построил сигнал в 5 саж. Начали копать — пробивать пробником дыру.
2-го. Работали. Пробили 1 арш.
3-го. Дождь. Пробили 16 арш.
5, 6 и 7-го. Подготовка к отъезду и эвакуации».

Юркевич отступил под пулями и в полном порядке.

Из Грозного выписали буровое оборудование: на поезд напала банда, в перестрелке погибли два буровика...

П.П.Лазарев в комиссии КМА заведовал магнитометрическим отделом; через него о подробностях курской эпопеи узнавал Ленин. Весной 1922 года Владимиру Ильичу понадобилось сделать рентгеновское просвечивание; соответствующая аппаратура была лишь в Институте биофизики, директором которого был Петр Петрович. 22 апреля Ленин приехал в институт; после того как медицинская процедура была закончена, он долго беседовал с Лазаревым, «главным образом, — как

пишет последний, — по поводу Курской магнитной аномалии... Ленин предложил мне передавать ему в случае затруднений краткие записки...».

«Мы можем с полным правом утверждать, — заключал Лазарев, — что без Ленина не было бы предпринято это грандиозное комплексное исследование...»

КМА, так же как и ГОЭЛРО, стала кузницей научных кадров, немало ее работников вскоре пополнили ряды академии. Она неизбежно должна была принять в себя потоки неакадемических наук; смешение практических и теоретических знаний в стенах академии — характерная черта тех лет. А значит, неизбежно было и появление в ее кабинетах нового академического люда! Тяжелые двери высшего ученого учреждения распахнулись для инженеров, электростроителей, изобретателей. Колоритнейшей личностью из этого набора был Иван Михайлович Губкин: впервые после Ломоносова в академию пришел мужик! Геологом он стал в сорокалетнем возрасте; до этого пахал землю, учительствовал на селе и учился...

В комиссию КМА он вошел год спустя после создания; подхватил в какой-то критический момент ее существования, вдохнул силы, увлек своей энергией, неумной деятельностью. Работа велась с азартом, с мужеством.

Даже по масштабам нашего времени разведка КМА сохраняет оценку «грандиозного комплексного мероприятия». Никогда прежде геофизические исследования не проводились так широко и разносторонне. Конфигурация рудного тела в общих чертах прояснилась до начала бурения, что само по себе явилось крупным научным достижением; все же доказать маловерам наличие руды могло только буровое долото. Наконец оборудование было доставлено, вышка сколочена, мотор запущен. За ходом бурения следила вся страна, в газетах печатались сводки. Шло оно чрезвычайно медленно: то не было дров, торфа, продуктов для рабочих, то не было на чем их доставлять. В январе 1923 года Губкин приехал в Лозовку (близ деревни этой в поле работал буровой станок). В шубе, в валенках ввалился в конторку, сдернул запотевшие очки... Не успел их протереть, вошел раздосадованный токарь. «Вот! — протянул бригадиру напильник: с него лохмотьями свисала стружка. — Невозможно работать». Оказалось, с некоторых пор металлическая пыль и стружка прилипают к тискам, к напильникам. Мастерская отстояла от вышки метрах в двенадцати...

Иван Михайлович велел принести стертые долота. Их долго искали под снегом «Теперь гвоздь, пожалуйста, — прошептал он нетерпеливо, почти грубо. — Быстрее». Он заметно побледнел. Гвоздя под рукой не

оказалось, подали гаечный ключ. Иван Михайлович медленно поднес его к долоту. Когда до него оставалось чуть больше сантиметра, ключ плавно скользнул и припал к долоту.

«Долото намагнитилось!» Об этом писали в газетах. Губкин доложил Владимиру Ильичу. Теперь не оставалось сомнений: внизу магнетитовая руда. Еще до нее немало оставалось метров и еще множество трудностей придется преодолеть, прежде чем метры эти будут пробурены, и много еще лет пройдет, пока из руды сварят первую сталь (Губкин не доживет до этого). Своего добились: руда есть!

Глава 9

«Будем терпеливы, тверды и выносливы...»

Петроград 1919-го и начала 20-х годов нам — по прошествии времен — видится все еще в дыму костров, тысячеголовом волнении митингов и грохоте бронемашин. Тут вина режиссеров кино, прибегающих к эффектным массовкам, в поисках «колорита» пореволюционной поры. Приведем свидетельство современника: следующие строки датированы сентябрем 1919 года. Сохраняем авторскую разрядку.

«И счезла суета суетствий.

Медленно ползут трамваи, готовые остановиться каждую минуту. Исчез привычный грохот от проезжающих телег, извозчиков, автомобилей... Прохожие идут прямо по мостовой, как в старинных городах Италии... Зелень делает все больше иезавоеванья. Весною трава покрыла более не защищаемые площади и улицы. Воздух стал удивительно чист и прозрачен. Нет над городом обычной мрачной пелены от гари и копоти. Петербург словно омылся.

В тихие ясные вечера резко выступают на бледно-сиреновом небе контуры строений. Четче стали линии берегов Невы, голубая поверхность которой еще никогда не казалась так чиста. И в эти минуты город кажется таким прекрасным, как никогда.

Во всем Петербурге воздвигается только одно новое строение. Гранитный материал для него взят из разрушенной ограды Зимнего дворца. Так некогда нарождающийся мир христианства брал для своих базилик колонны и саркофаги храмов древнего мира.

Из пыли Марсова поля медленно вырастает памятник жертвам революции...»

Петербург словно омылся...

Но в этом светло-сиреновом прекрасном городе на берегах поголубевшей Невы жилось трудно, голодно, тревожно. Милиция, набранная из рабочих пареньков, не успевала вылавливать бандитов и пресекать набеги грабителей; они совершили налет на Антропологический музей, гордость академии, обчистили квартиру Вернадских...

«Город стоял на отшибе, — объяснял В.Д.Бонч-Бруевич, — с севера к нему ничего не поступало для снабжения, а все, что шло с юга, нередко перехватывалось в пути, и до Петрограда доходило очень немного продуктов. Приходилось слышать, что там положение ученых, литераторов, художников ужасное... В 1918 г. неожиданно умер известный академик, доктор многих иностранных университетов Алексей Александрович Шахматов. Эта неожиданная смерть произвела сильное впечатление».

На академиков эта смерть произвела тем более сильное впечатление, что стояла в ряду других потерь: один за другим умирают Лаппо-Данилевский, Радлов, Федоров... Из Одессы пришло известие, особенно сильно ранившее Стеклова: не стало его учителя Ляпунова. Летом 1917 года он уехал к Черному морю в надежде найти лучшее пропитание и более подходящий климат для больной жены. Не нашел ни того, ни другого. Жена скончалась, и Ляпунов, потеряв надежду вернуться в Петроград, к товарищам, покончил с собой... В его письменном столе нашли рукопись «О некоторых фигурах равновесия неоднородной вращающейся жидкости». Он дописывал ее в последние часы.

Трудно было всем: умирали от голода и несчастий не одни академики. Но ученые мучились тем еще, что зачастую лишены были возможности вести ту напряженную умственную работу, к которой привыкли и без которой жизнь для них теряла смысл. В предыдущей главе мы рассказывали о важных и необходимых исследованиях, развернутых академией в это время; но ученым этого казалось мало. Они привыкли не просто к напряженной работе, а к такой, чтобы поглощала без остатка их дни и ночи; и только такая жизнь представлялась им достойной. И потому теперь, когда в их квартиры на постой или уплотнение (новое словечко в потоке новых слов, к которым надо было привыкать) подсеялись (тоже новое словечко) солдаты, матросы, члены их семей или сотрудники невесть откуда возникших комиссий, подкомиссий, отделов, подотделов, для которых срочно требовались помещения, — ученым казалось, что мир рушится: шум, гам, беготня детишек, стук «ундервудов» мешали сосредоточиться. «Уплотненные» жильцы бежали к Александру Петровичу, а тот слал записки Стеклову, подобные этой от 6 июня 1919 года: «В среду в наш дом заходили два матроса «Промбалта» с намерением занять для канцелярии «Водного транспорта» квартиры Фаминцына и Лаппо-Данилевского...» И дескать, следует вступить в борьбу с «Водным транспортом», имеющим в авангарде двух матросов «Промбалта», и постараться отбиться. И вступали! И отбивались!..

Худо было то, что осенью и зимою, когда и дома-то было невтерпеж

холодно, нельзя было укрыться в библиотеке и там спокойно почитать и подумать. 7 ноября 1918 года Ольденбург докладывал президиуму, что в библиотеке плюс 7 градусов, и просил сократить часы занятий для ее работников. Плюс 7 в начале ноября, когда жестокие морозы еще не разыгрались: в декабре, январе, феврале стало еще холодней.

Президент академии дома пальто не снимал, а на руки натягивал перчатки со срезанными пальцами — так ловчее было писать. Тут решимся со всей откровенностью признать, что он с детских пор сохранил бережливое, если не сказать, скуповатое, отношение к трем предметам повседневного обихода: к свечам, мылу и сахару. Последний покупался головками и никогда не пиленный и тем паче не песок; хозяин самолично колот головки, сметая ладонью крошки и сахарную пыль, а чай пил вприкуску и недососанный кусочек заворачивал в салфетку.

Ныне же его бережливость получила законное оправдание, и он строго следил, чтобы того же порядка придерживались домашние... правда, это не распространялось на сахар, который вовсе исчез из обихода! Однажды его навестил какой-то иностранный ученый и застал работающим за конторкой при свете единственной свечи; президент был в пальто и своих укороченных перчатках. Иностранец был так изумлен, что, вернувшись на родину, немедленно послал меховые перчатки, вообразив, что президент не в состоянии их приобрести. В «доме» были очень сим позабавлены.

Бонч-Бруевич винит во многом «Петроградский Совет, во главе которого в то время стояли не очень-то заботливые и понимающие положение вещей люди...». Вероятно, это так, но беда еще и в том заключалась — и сам Бонч-Бруевич это отмечает, — что «самый тонкий и самый культурный слой общества», как он называет, «выдающиеся ученые и литераторы были решительно не приспособлены к борьбе за кусок хлеба».

Да, закаленные в борьбе за научную истину, они не ведали борьбы за хлеб. В записках Ольденбурга встречаем описание такого случая: жена известного академика, исстрадавшись смотреть на голодного мужа, тайком понесла на «барахолку» (и еще одно новообразованное и достаточно мерзкое словечко, коим обозначался черный рынок, название, кстати, тоже возникшее недавно, в годы первой мировой войны, но успевшее стать привычным) мужнины сапоги — в надежде обменять на продукты — и тут же попала и препровождена была в Дом предварительного заключения как спекулянтка. Со спекулянтов взыскивали по всей строгости революционного закона, запросто могли и расстрелять. С большим трудом вызволили бедную женщину.

Зимой 1918 года на паек выдавалась осьмушка хлеба — накануне нового, 1919 года вместо хлеба выдали овес.

Известные слова М.Горького относятся как раз к этому времени:

«Я имел высокую честь возвращаться около них в трудные 1919 — 1920 гг. Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким стоическим мужеством творцы русской науки переживали мучительный голод и холод, видел, как они работали и как умирали. Мои впечатления за это время сложились в глубокий и почтительный восторг перед Вами — герои свободной бесстрашной исследующей мысли. Я думаю, что русскими учеными, их жизнью и работой в годы войны и блокады дан миру великолепный урок стоицизма».

Осенью 1920 года в Петроград приехал Герберт Уэллс, знаменитый английский писатель-фантаст, его книга «Россия во мгле» — о результате поездки — была переведена во многих странах. Он встречался с Александром Петровичем Карпинским, Сергеем Федоровичем Ольденбургом, Иваном Петровичем Павловым. «Они меня забросали целым рядом вопросов о современном научном развитии в странах вне России, и мне стало стыдно своего невежества в этих вопросах... Наша блокада отрезала их от всякой научной литературы. У них нет новых инструментов, нет бумаги, они работают в нетопленных лабораториях. Изумительно, что они продолжают работать, но это так. Павлов производит опыты поразительного масштаба и изобретательности в области психики животных. Манухин открыл способ лечения туберкулеза и т.д.».

Не умея ответить на вопросы о развитии науки, англичанин охотно рассказывал о послевоенном укладе жизни на Западе; утешительного ученые услышали мало.

«Здесь был знаменитый Уэллс (знаменитые «Марсиане» и т.д.), — спешит сообщить подробности Стеклову, уехавшему в Москву в командировку, Ольденбург, — был у меня в Академии, говорили много, и я вынес впечатление, что на Западе война оставила глубокие и печальные следы: страшные нервные потрясения у участников войны (молодежь не может пока усидчиво работать, массы душевно и нервно заболевших), большое взаимное недоверие между разными народами: «чураются иностранцев», «путешествие вне своей страны очень тяжело». Необходимость залечить громадные «материальные» раны повысила значение труда физического и понизила значение труда умственного, что, разумеется, отражается на общем культурном уровне... У нас материальные невзгоды: из пайка для служащих пока ничего не выходит. В сентябре совсем жалованья не платили и выдали 2 октября и то за первую половину

сентября, что болезненно ощущали все, особенно в виду непрекращающегося роста цен при закрытии рынков.

Осень дает себя знать простудами и всякими болезнями. Дрова понемногу выгружаются, но пока их еще немного, зато они недурные. Кажется, в Петербурге будет лучше с топливом в этом году. Среди смертей назову Венгерова, в этой несчастной семье за этот год умерли, кроме него: жена, сын, дочь...»

(Письма академиков этой поры торопливы, порывисты, удивляют смешением разнородных новостей, которые спешат вывалить гуртом, боясь чего-нибудь запамятовать; научное сообщение соседствует с забавным эпизодом или трагической вестью. Трагические, впрочем, преобладают...)

Иногда кажется, что стоицизм, потрясший Горького — с равным правом его можно назвать и героизмом, — совершенно не осознавался и вытекал из наивности природы, ни с чем не сравнимой детскости этих старых людей, подчас принимавшей почти смешные формы.

5 мая 1919 года академия с прискорбием узнала, что скончался московский ее член-корреспондент Климент Аркадьевич Тимирязев. Ольденбург сейчас же поехал на Главный почтамт, чтобы послать телеграмму соболезнования сыну покойного, профессору Московского университета. Телеграмма была подписана, как положено, президентом, вице-президентом и непременно секретарем, но дама в окошке ее не приняла. Сергей Федорович принялся было объяснять всю горестную важность этого письменного акта, но вместо ответа ему выставили предписание, согласно которому прием телеграфных соболезнований, а равно и «каких-либо приветствий запрещен».

— Как? Соболезновать запрещено? — несчастным голосом воскликнул Сергей Федорович.

И долго он не мог успокоиться, переживал, что академия выказывает себя самым невоспитанным образом и нужно подумать о семье покойного, которой стало бы, возможно, чуточку легче, узнай она о печали, пронзившей души академиков, и никак не мог понять, какие такие условия военного времени могут заставить отменить соболезнования...

О бедах, обрушившихся на ученых, написано немало, и свою задачу мы видим не в том, чтобы удлинять список несчастий (хотя этой темы не избежать, представляя читателю разного рода личные и официальные документы — да и не следует специально избегать!). Академия приняла революцию и неизбежные трудности, сопутствующие ей, — это почти дословное выражение, часто фигурирующее в академических документах этих лет. Ученые принимали неизбежность, но это вовсе не значит, что они

мирились с ней!

И наша задача состоит в том, чтобы показать, как три великих старца академии, которым она обязана, быть может, даже больше, чем спасением, она обязана им великим примером самоотверженности, который делает русскую академию особенной в ряду всех академий мира, потому что с этого момента русская академия становится знаменита не только своими несравненными научными достижениями, но и несравненной гражданской, человеческой стойкостью, как три великих старца, сами наравне с другими страдая от голода, холода и других невзгод, боролись, искали новые пути развития академической науки, твердо отстаивали свое мнение. Мы можем только восхищаться той смелостью, иногда даже дерзостью, никогда, впрочем, не переходящей границ вежливости, с которыми ученые ставили острые вопросы, никогда не лгали, не заигрывая, не хитря, не скрывая своих трудностей, сомнений и заблуждений.

25 сентября 1918 года Сергей Федорович посетил Луначарского. Он оставил ему письмо, в котором в резкой форме говорилось о необходимости улучшить положение ученых. «Люди умственного труда находятся в особо тяжелом положении, ибо они поставлены в наихудшие условия относительно питания и привлекаются часто к трудовой повинности, а квартиры их не свободны от случайных постоев, библиотеки от разгрома и конфискации... в среде их наблюдается, по заключению врачей, особо сильное физическое истощение, а ряды их тают с чрезвычайной быстротой вследствие болезней, многочисленных смертей и отъездов за границу. От имени Академии отмечена желательность принять следующие меры: прекратить походы против людей умственного труда и охранять властью их безопасность; освобождение от добавочной трудовой повинности; безопасность их жилищ и рабочей обстановки от всяких случайных вторжений; принятие срочных мер для обеспечения лучшего питания...»

Было необходимо в такой резкой форме ставить эти вопросы, потому что, отвлекаемое нуждами фронтов гражданской войны, промышленности, сельского хозяйства и транспорта, молодое правительство не всегда успевало следить за нуждами ученых.

В свое время был создан Совет ученых учреждений и высших учебных заведений. 24 апреля 1919 года академия обращается в Правление этого Совета с письмом «о принятии срочных мер к улучшению питания и существования наиболее слабых научных работников». 6 ноября 1920 года на заседании президиума академии вновь разговор о том же. «Предложено обратиться от имени Академии в Совнарком с запиской, в которой было бы

указано на катастрофическое положение научных работников в России и были бы предложены меры к облегчению этого положения». 1 октября 1921 года В.И.Вернадский предлагает внести на рассмотрение общего собрания академиков «заявление о том, что необходимо обратиться к правительству с указанием на то тягчайшее положение, в какое вновь поставлены ученые, не получающие содержания в срок именно в то время, когда при переходе к денежному хозяйству деньги приобретают большое значение. В тягчайшем положении по той же причине находятся и ученые учреждения».

Не под всеми из перечисленных документов подпись Карпинского, но за всеми проглядывает он, ощущается его присутствие, его направляющее участие.

Он часто выступает теперь перед коллегами, но мы сильно ошиблись бы, предположив, что о том только и говорит: о трудностях и о мерах по их устранению.

Он рассуждает о науке. «Настоящие ученые являются свободными рабами истины. Они принадлежат к наиболее необходимым работникам для каждой страны, для всего человечества».

Он говорит о социальном переустройстве России. «Современникам такой перестройки неизбежно приходится нести тяжелые испытания. Но будем терпеливы, тверды и выносливы».

И эти слова ободряли ученых, прибавляли им силы.

Глава 10

О ремонте и реформах

За годы войны пришли в ветхость академические здания. Они нуждались в основательном и неотложном ремонте. И хотя деньги на то у академии теперь были, все равно без поддержки правительственных органов трем старцам с ремонтом было не управиться. Об этом писал в 1922 году в Наркомпрос Владимир Андреевич Стеклов, попутно касаясь и других вопросов, — он иначе не умел. Записка и тем любопытна, что проникнута своеобразным стекловским юмором, то горьковатым, то хлестким, несмотря на то, что это вполне официальное обращение во вполне официальные инстанции. А юмор — свидетельство жизнерадостности, и пусть говорится о предмете вовсе не веселом, но впечатление остается такое, что автора ни на минуту не покидала надежда: все исправится и наладится к лучшему.

«Российская Академия наук, — начинает Владимир Андреевич, — сосредоточившая в своем составе все лучшие ученые силы, приобретшая всемирную славу, не прерывает свою научную работу при почти невыносимых физических условиях». Считает долгом напомнить, что к помощи академии «всегда прибегала и постоянно должна прибегать правительственная власть».

Приводит забавные выдержки из писем Ломоносова, в которых тот жалуется на различные неустройства. «Но Ломоносов еще от отсутствия воды, света и топлива не страдал, здания Академии были еще новые, крыши не протекали, выгребные ямы вычищались без задержки, типография печатала не только все, что нужно, но и что не нужно».

«Жене академика пришлось, — случай этот никак не мог быть забыт, — перед Пасхой продавать сапоги на базаре и за это претерпеть большие неприятности, но в остальном положение Академии становится хуже, чем при Ломоносове».

«Приходится жить под непрестанно давящим чувством, что не сегодня-завтра все здание разлезется по швам, так что кусков не собрать... В Зоологическом музее (второй за Британским музеем, а по необработанным материалам его превосходящий) коллекции портятся, работа ученая и по разработке материала становится невозможной; в Азиатском музее ценнейшие манускрипты покрываются плесенью, тлеют, то же в Музее этнографии и антропологии... Водопроводные трубы

лопаются, заливают помещения (в математическом кабинете, например, вода проникла через два этажа и залила часть книг и рукописей, и полтора года назад такой же потоп был дважды в физической лаборатории и других помещениях)...

Как ни печально, — продолжает Владимир Андреевич, и так и видишь изящный жест руками и лукавую тонко-саркастическую улыбку на его лице, — но приходится перейти от мысли о науке к вопросу о нечистотах».

Тем, кто знаком с периодической и эпистолярной литературой тех лет, сия тема вовсе не покажется удивительной или экстравагантной. О вывозе нечистот с Невского проспекта писал в письме В.И.Ленину Горький. Что поделаешь: разруха, и писателям, и «лучшим ученым силам» бывает необходимо от высших размышлений спуститься к самым низшим потребностям быта.

«За 4 года РАН не имела возможности ни разу вычистить выгребные ямы (люки). Удавалось раздобыть всего несколько десятков бочек, лишь слегка вычерпав содержимое 36 люков. Люки засорялись... Несколько раз нечистоты выступали и подмачивали имущество книжного склада. Очистители требуют один миллиард рублей... Отложить невозможно, а средств нет».

Вот такими заботами, и «низшими» и «высшими», жило руководство академии в эти незабываемые годы.

Да не отвернется молодой читатель с безглаголюющей миной от этих страниц — это Стеклов пишет Луначарскому: выдающийся математик выдающемуся партийному публицисту.

Чрезвычайно нервировали «трех старцев» постоянно фигурировавшие слухи о «закрытии» академии, реорганизации ее, слиянии с чем-то и разделении на что-то... В наше время роль академии в культурной жизни страны и мира столь велика, ее положение кажется столь незыблемым, что трудно представить, чтобы кто-нибудь отважился потребовать «ликвидации» академии. Но тогда такие безумцы (из числа левацки настроенных) находились; мы сейчас приведем документ, в этом смысле показательный.

Это записка (вернее, отрывок из нее) «О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших ступеней в Российской Социалистической Федеративной Республике». Создана в Научном отделе Комиссариата по просвещению Союза коммун Северной области. Академия наук как раз и входила в Союз коммун Северной области.

«Что же касается разновидностей, — язвительно и беспощадно замечали творцы записки, — именуемой высшим ученым учреждением

типа Академии наук, то таковые подлежат немедленному упразднению как совершенно ненужные пережитки ложноклассической эпохи развития классового общества. Коммунистическая наука мыслима лишь как общенародное, коллективное трудовое жизненное дело, а не как волхование в недоступных святилищах, ведущее к синекурам, развитию кастовой психологии жречества и сознательного или добросовестного шарлатанства».

Красиво сказано! Вероятно, текст составляло бойкое журналистское перо, уверенное в своей лихой правоте. Конечно, мы видим перед собой то, что сейчас принято называть «типичным левацким загибом», однако старикам-то академиком от этого было не легче!

Они и слов таких не разумели: левацкий загиб... Записка рассматривалась на заседании коллегии Наркомпроса. Постановили опубликовать ее. Передать на рассмотрение Государственной комиссии по просвещению с последующим претворением в жизнь.

«Волхование...» «Пережиток ложноклассической эпохи...» Обсуждался план слияния академии и других научных учреждений в Ассоциацию наук (что, конечно, означало исчезновение академии). Были и другие проекты.

26 ноября 1918 года Ольденбург ездил объясняться по этому поводу в Наркомпрос. Он напомнил «о тех крупнейших переменах, какие произошли и во внутреннем строе Академии, и в характере ее работы...». Все же, вернувшись, он сообщил, что «настроение Комиссариата по отношению к Академии не может считаться особенно благоприятным».

Летом следующего, 1919 года опять дебаты по тому же поводу. «Комиссариат не находит удовлетворительным произведенную Академией наук реорганизацию... Хотя Академия именуется Российской, однако остается несвязанной со многими весьма важными из существующих научных учреждений, выборы академиков остаются прерогативой Конференции Академии наук...»

Тут содержатся уже конкретные указания, и академики принялись их обсуждать (конечно, не торопясь, потому что торопливости президент вообще не любил) — вдруг через месяц возобновляются тревожные слухи...

Ольденбург — академику П.П.Лазареву, 15 августа 1919 г.

«На Академию из Москвы, говорят, надвигается черная туча: Артемьев и Тер-Оганесов имеют какие-то планы полного уничтожения в просто декретном порядке. Науку, конечно, никто

и ничто никогда не уничтожит, пока жив будет хоть один человек, но расстроить легко. Поговорите с Красиным, пусть он поговорит с Лениным, тот человек умный и поймет, что уничтожение Академии наук опозорит любую власть. Мы здесь заняты разными проектами реорганизаций для спасения дела, но упорно встает вопрос топлива, и смерть косит: умер М.А.Дьяконов, схороним его в среду — ушла очень крупная научная сила! Гибнет и ученый персонал, умирают и стареют...»

Можно с полным основанием утверждать, что реорганизация академии (в той или иной степени), несомненно, была бы произведена, если бы не В.И.Ленин. Позднее Луначарский вспоминал:

«Наркомпрос имел прямые директивы В.И.Ленина: относиться к Академии бережно и осторожно, не раня ее органов, ввести ее более прочно и органично в новое, коммунистическое строительство».

Прямые указания!

«...Я прекрасно помню, — рассказывал Анатолий Васильевич, — две-три беседы, в которых он буквально предостерегал меня, чтобы кто-нибудь не «озорничал» вокруг Академии. Один очень уважаемый молодой коммунист и астроном придумал чудесный план реорганизации Академии. На бумаге выходило очень красиво. Предварительным условием являлось, конечно, сломать существующее здание на предмет сооружения образцового академического града. В.И.Ленин очень обеспокоился, вызвал меня и спросил: «Вы хотите реформировать Академию? У вас там какие-то планы на этот счет пишут?»

Я ответил: «Академию необходимо приспособить к общегосударственной и общественной жизни, нельзя оставить ее каким-то государством в государстве. Мы должны ее ближе подтянуть к себе, знать, что она делает, и давать ей некоторые директивы. Но, конечно, планы коренной реформы несвоевременны, и серьезного значения мы им не придаем».

Несколько успокоенный Ильич ответил: «Нам сейчас вплотную Академией заняться некогда, а это важный общегосударственный вопрос. Тут нужны осторожность, такт и большие знания, а пока мы заняты более проклятыми вопросами. Найдется у вас какой-нибудь смельчак, наскочит на Академию и перебьет там столько посуды, что потом придется строго разыскивать».

Это исключительной важности заявление, в которое должен вчитаться

каждый, кто желает объективно разобраться в тех событиях. Тут не только недвусмысленно высказанное отношение главы государства («...нужны осторожность, такт и большие знания...»), но и признание с его стороны той действительной опасности, которой подвергается академия («...какой-нибудь смельчак наскочит на Академию...»).

Во Владимире Ильиче академики всегда видели защитника своего и доброго опекуна. Осенью 1920 года, когда и голод, и топливный кризис вновь надвинулись на академию, решено было обратиться в Совет Народных Комиссаров с запиской. Текст ее составлялся с большой тщательностью. Варианты обсуждались в кабинете президента. Один из вариантов Александр Евгеньевич Ферсман показал Алексею Максимовичу Горькому, тот дал несколько советов.

Окончательный вариант, подготовленный «тремя старцами» и Ферсманом, представлен был общему собранию 22 ноября 1920 года, обсужден им и одобрен. Вот какое значение придавалось прямому обращению в Совнарком.

В Москву для встречи с Лениным отправилась делегация ученых: Ольденбург, Стеклов, начальник Военно-медицинской академии В.Н.Тонков и Алексей Максимович Горький. Беседа с Владимиром Ильичем состоялась 27 января 1921 года.

Стеклов вез в портфеле перечень дел, который три старца подготовили для обсуждения с главой правительства. О новых ассигнованиях, об улучшении материального положения ученых, о национализации имени покойного академика А.А.Шахматова в Саратовской губернии, чтобы создать там дом отдыха для научных работников (имение было большое: около 30 десятин пашни и 130 леса), о возобновлении международных научных связей и другие.

Все просьбы, обращенные к главе правительства, были удовлетворены. В мемуарах Ольденбурга и Горького встреча с Лениным нашла яркое отражение.

«— Пусть ученые поймут, — пересказывает Сергей Федорович слова Владимира Ильича, — что мы хотели бы сделать для них гораздо больше того, что можем пока сделать. Но когда голодают все, мы не можем даже для самых ценных и нужных нам людей сделать сколько-нибудь значительно более, чем для других.

...Необходимо, чтобы вы, старые работники, идущие с нами, пожили подольше, — Владимир Ильич при этом улыбнулся, — и затем необходимо, чтобы вы не жалели сил и времени на подготовку смены себе, новых научных кадров».

«Помню, я был у него с тремя членами Академии наук, — писал А.М.Горький. — Шел разговор о необходимости реорганизации одного из высших научных учреждений Петербурга. Проводив ученых, Ленин удовлетворенно сказал:

— Это я понимаю. Это — умники. Все у них просто, все сформулировано строго, сразу видишь, что хорошо знают, чего хотят. С такими работать — одно удовольствие. Особенно понравился мне этот...

Он назвал одно из крупных имен русской науки...»

Это было имя Владимира Андреевича Стеклова.

Глава 11

Са Ira! Дело пойдет!

Как ни тяжелы были трудности и как ни казались нескончаемы страдания от голода, холода и болезней, неутомимая, упорная, ежедневная работа «трех старцев» приносила плоды, и постепенно бытовая сторона жизни академиков начинала налаживаться. Конечно, под бытовой стороной они понимали не только ботинки, пиджаки, плащи и обеды, но и оборудование для лабораторий, журналы и книги иностранных научных изданий, налаженное библиотечное хозяйство. И как же они радовались каждому успеху!

Когда-то, еще до войны, началось строительство нового здания библиотеки, оно было почти готово, оставалось отделать изнутри и перевезти книги, но в 1914 году здание было отобрано для госпиталя. Потом в нем разместились какие-то военные склады, эвакупункты, в 1917 году снова разбит госпиталь; после революции он стал называться Сводным полевым запасным госпиталем № 763. Поскольку принадлежал он к военному ведомству, руководство академии и обратилось к нему с просьбой вернуть здание по назначению. После долгих мытарств согласие было получено — 1 мая 1918 года был отдан приказ очистить помещение. «Старцы» ликовали, но оказалось — рано. Госпитальное начальство тянуло и, похоже было, вовсе не собиралось выполнять приказ. «Все попытки возвратить это здание Академии, — писал впоследствии Стеклов, — в течение 1,5 лет были бесплодны (до 1921 г.)...»

Во время памятной встречи с Лениным 27 января 1921 года Стеклов заговорил об этом. Владимир Ильич «распорядился немедленно передать здание Академии, а виновных в неисполнении предписаний привлечь к ответственности».

Когда Карпинский, Стеклов и Ольденбург поехали осматривать возвращенное здание, они пришли в ужас. Оно было страшно захлавлено, а изнутри так перегорожено какими-то наспех сколоченными перегородками, что узнать, где залы, где хранилища, коридоры и служебные кабинеты, никакой не было возможности. Впрочем, опыт по этой части уже был, некоторое время назад были в не менее живописном состоянии возвращены здания Геологического и Минералогического музеев, отобранные Губкоммуналделом для каких-то своих нужд. Пригласили архитекторов, те изучили старые проекты, и по ним начались реконструкция и ремонт.

Теперь можно было в должном научном порядке расставить книжные богатства и разложить рукописные сокровища.

С ними тоже связана история, полная приключений и треволнений. Дело в том, что рукописи и часть академического имущества были эвакуированы в Саратов во время мировой войны, когда немцы угрожали Петрограду. Судьба рукописей внушала опасение, о них говорили почти на каждом заседании президиума. Известно было, что в Саратове неспокойно, бесчинствуют анархистствующие банды, нередки пожары. Брошенного окурка довольно было бы, чтобы лишить Россию несметных богатств, о ценности которых анархисты и бандиты, конечно, не имели представления. Словом, нужно было во что бы то ни стало вернуть рукописи.

Обратились с просьбой к Ленину.

Владимир Ильич дал ясные и конкретные указания, как спасти «достояние республики». Не откладывая, связались с саратовскими городскими и железнодорожными властями, был отдан приказ сформировать особый состав и экспедицию, во главе которой назначили В.И.Срезневского, ученого, хранителя Рукописного отдела (он однажды водил Владимира Ильича по отделу, был экскурсоводом). Эшелон состоял из теплушек и служебного вагона, для отдыха вооруженной охраны. Срезневскому предоставлено было право с любой станции связываться лично с Лениным и выдано удостоверение, подписанное Председателем Совнаркома, наркомом по военным делам, наркомом путей сообщения, наркомом по просвещению, наркомом внутренних дел и управляющим делами Совнаркома. Кажется, уж более «весомого» документа трудно и представить.

«Предлагаем всем местным, железнодорожным, военным и иным представителям властей Советской России оказывать т.В.И.Срезневскому и другим служащим Академии, едущим вместе с т.Срезневским, всяческое содействие в погрузке и охране этих рукописей, а также в пути следования... Ни в г.Саратове, ни в пути следования, ни в Петрограде на ж.-д. дороге этот груз не подлежит ни вскрытию, ни конфискации, ни реквизиции и никакой иной проверке, а должен быть доставлен непосредственно в Рукописное отделение Академии наук в Петрограде».

Не удовольствовавшись всем этим, Владимир Ильич попросил Дзержинского проконтролировать движение поезда. Словом, когда поезд прибыл в Москву, то Срезневский, как пишет Бонч-Бруевич, «был в восторге от четкой организации дела», поспешил в Кремль и «трогательно благодарил Владимира Ильича за его внимание к перевозке этих важных культурных ценностей». Теперь они заняли свое место на стеллажах в

хранилище, и библиотечное хозяйство можно было бы считать налаженным... если бы удалось договориться о книгообмене с заграницей (без чего ученые считали себя оторванными от животворных споров, от обмена мыслями и идеями) и протопить читальные залы.

«Стеклов занят дровами» — такую фразу можно часто встретить в письмах Ольденбурга.

Владимир Андреевич добивался от Петросовета выделить для академии делянку на берегу Ладожского озера.

Но кому рубить? Дров надо много. Владимир Андреевич подсчитал, что для сносного отопления всех академических зданий нужно 2 тысячи кубов.

Когда он на совещании в Петросовете назвал эту цифру, на него замахали руками и зашикали. С ума сошел! Это где же столько взять? Владимир Андреевич был математиком, и у него все было подсчитано. Столько-то кубических метров воздуха, столько-то печей, минимальная температура, при которой можно работать, то есть водить пером по бумаге, время от времени дую на пальцы, такая-то и прочее и прочее. Цифры не опровергнешь. Сошлись на 1600 кубах. Стеклов считал ее «голодной нормой».

Однако деваться некуда. Отправился искать «дровянных», как он их называл. Нашел. Те тоже оказались доки по части математики. Водили заскоружными пальцами в воздухе, шевелили губами, сморкались, щурились, наконец, вывели:

— Сто тридцать четыре миллиарда!

— Помилосердствуйте, братцы! — взвизгнул, схватившись за сердце, Владимир Андреевич. — Да весь наш бюджет десять миллиардов!

— Мы ентова не понимаем... не обучены. А порешим этак. Четверть сразу клади, четверть, как начнем возить, остальное — против дров.

Почти невозможно представить, но высокие договаривающиеся стороны не только сговорились, но скрепили свое согласие на бумаге. Делянку свели, бревна сложили на берегу. В одну ненастную ночь разыгралась буря и разметала бревна... Впрочем, прервемся и не станем нагромождать подробностей. Мы хотим лишь, чтобы читатель понял, что та великая борьба за академию, которую вели «старцы», была наполнена ежедневными мелкими изматывающими делами, а они требовали нервов, времени, здоровья. В самых экстренных критических ситуациях шли на крайнюю меру — обращались непосредственно к Ленину. Особенно тяжелой выдалась зима 1919/20 года — весна запоздала, топить надо было и в мае, а на складе ни полешка. Попытка разжиться хоть возом-двумя дров

не дала результата. И тогда «три старца» отбили телеграмму в Совнарком.

«11 мая 1920. Председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину. Кремль, Москва. Запасов дров Российской Академии осталось не более как на две недели, все попытки Академии достать дрова кончаются неудачей. Драгоценнейшим научным коллекциям и немногим уцелевшим еще ученым грозит гибель, так как не будет возможности ни протопить отсыревшие помещения ученых и учреждений Академии, ни даже готовить пищу ученым и служащим. Необходимо ничтожное количество дров, хотя бы триста (300) кубов. Просим о чрезвычайном срочном распоряжении. Вице-президент Стеклов. Президент Карпинский. Непременный секретарь Ольденбург».

Телеграмма возымела действие: из Совнаркома получено было распоряжение обеспечить топливом. Но незамедлительно надо было приступить к хлопотам о дровах на зиму 1920/21 года — наученные горьким опытом, ученые знали, что если летом не позаботиться, то осенью не навестаешь, а зимой будешь мерзнуть. Между тем Стеклову надо было ехать в Кисловодск — это предписание врачей, — коллеги не позволили его нарушить. Владимир Андреевич уехал крайне встревоженный; к счастью, вопрос благополучно разрешился и без него. Карпинский сразу же дал ему телеграмму:

«16 июня 1920 г. Вопрос о дровах, поставляемых Акцентрам, урегулирован. Карпинский».

Ныне эта телеграмма в одну строчку украшает сборник «Ленин и Академия наук». И по праву! Какая еще академия может похвастать такой депешой, посланной президентом вице-президенту?

После долгих споров благополучно разрешился также вопрос и с закупкой книг за границей. 14 июня 1921 года был принят специальный декрет Совнаркома. Учреждена Комиссия по закупке и распределению заграничной литературы (сокращенно Коминолит, привыкнуть к аббревиатурам старики академики никак не могли и вечно потешались над этим Коминолитом, именуя его «каменнолитным», «камнелитом» и так далее). В зарубежных странах создавались агентства и конторы, которые, получая заявки от ученых, должны были закупать и посылать им требуемую литературу. Таким образом, довольно скоро академия вошла в курс обсуждаемых мировых научных проблем.

Много помогал ученым Горький.

Собирал пожертвования, книги, лекарства, следил, чтобы провизия, топливо и медицинские средства распределялись среди нуждающихся, привлекал доброхотов и энергичных людей. Была устроена столовая,

организована ячейка добровольных сестер милосердия, которые обходили квартиры тех ученых, которые находились в преклонном возрасте и ничем сами себе не могли помочь.

И все же возможности Горького и его помощников были ограниченными.

Он поехал в Москву, в Кремль.

Свидетелем его разговора с Владимиром Ильичем был В.Д.Бонч-Бруевич.

Алексей Максимович не скрывал ничего.

«Он перечислил десятки фамилий людей, которых уже нет, которые в этих ужасных условиях, сложившихся в Петрограде, погибли, умерли, перечислил всех тех, кто накануне того, чтобы умереть. Говорил о тех, кого еще можно спасти, подкормивши, позаботившись о них, и Владимир Ильич выслушал все это с большим вниманием и напряжением. Он сказал Алексею Максимовичу, что надо сделать решительно все, чтобы помочь этим специалистам литераторам и ученым пережить лихолетье нашего времени и что он надеется, что Алексей Максимович, став во главе этого дела, сумеет со своими друзьями организовать все, как будет нужно, причем эту помощь, постоянную и упорную, он твердо обеспечивает своей поддержкой. И тут же Владимир Ильич сделал мне распоряжение сообщить об этом председателю Исполкома в Петроград...»

Так возникла Комиссия улучшения быта ученых — КУБУ — аббревиатура, к которой академики привыкли гораздо быстрее, чем к Коминолиту, вероятно, потому что десятки раз на дню повторяли:

— Не забыть сообщить в КУБУ... заглянуть в КУБУ... повернуть через КУБУ...

Возникли соответственно ЦентроКУБУ (или ЦеКУБУ) и ПетроКУБУ.

Алексей Максимович и возглавил ПетроКУБУ; деятельно помогала ему в работе М.Ф.Андреева. В комиссию вошли от академии С.Ф.Ольденбург, А.Е.Ферсман, начальник Военно-медицинской академии В.И.Тонков, партийные работники А.И.Пинкевич, Э.И.Лилина, З.Т.Гринберг и другие.

Работа этой комиссии, не имевшей прямого отношения ни к проблемам культуры, ни науки, ни литературы, сыграла существенную роль в истории культуры, науки и литературы и заслуживает признательного отношения и внимательного изучения.

Был составлен обстоятельный план, за городом отыскивали участок, засадили картошкой. Копали, окучивали ученые и их дети и, конечно, «кубисты», как в шутку стали называть членов КУБУ. Договорились с

милицией о разрешении менять вещи на продукты — дабы не получилось как с той незадачливой женой академика. Собирали по домам простыни, хрусталь, штиблеты, шубы, золотые кольца, занавесы, перчатки, сложив в чемоданы и переписав, отправлялись в деревни. Оттуда привозили пшено, репу, чеснок, масло, тыкву — что удавалось выменять. Раздавали по списку. Немощных, заболевших брали на учет, к каждому прикрепляли «кубиста», тот привозил доктора и провизию, добывал лекарства.

31 января 1920 года произошло важное событие: открытие Дома ученых. Сему предшествовала большая работа. Нужно было найти подходящее здание, добиться от властей разрешения занять его и «выколотить» деньги на ремонт, найти строителей-ремонтников и договориться с ними, написать устав Дома ученых и сделать многое другое.

На открытии выступили Горький, Ферсман, Ольденбург. Были накрыты столы. Зажгли люстры. Меню было скудным, но настроение приподнятым.

Объявили состав совета старейшин; полагался таковой по уставу. Во главе его стал профессор М.Я.Пергамент. Профессор Пергамент поднялся и произнес тост, который в то же время являл собою в некотором роде и деловой отчет. Он рассказал, что выросло и какой урожай собрали на артельном академическом огороде. Рассказал, как удалось раздобыть две тысячи пайков для ученых, и поспешил заверить, что на этом никто не собирается успокаиваться, поскольку это ровно половина того, что нужно, ибо в Петрограде четыре тысячи профессоров и преподавателей. (И действительно, потом шла упорная борьба за каждый паек.) Но что же будут получать на паек? Профессор Пергамент достал бумажку (а может быть, он помнил эти цифры наизусть, настолько они взволновали и врезались в память) и произнес:

— Муки ржаной 36 фунтов! Крупы 12 фунтов! Сахару два с половиной фунта! Рыбы 5 фунтов, жиров 4, соли 2, мыла фунт! Табаку полфунта, спичек 5 коробок!

Спич, а если угодно речь, был выслушан с огромным вниманием и, весьма возможно, неоднократно прерывался аплодисментами. И разумеется, никто с места не спросил, а на сколько же выдаются эти пять фунтов рыбы и полфунта табаку; все отлично знали, что это месячная норма. Профессор Пергамент, кроме того, сообщал, что образована пайковая комиссия (Тонков, Осипов, Пергамент) и проектируется семейный паек, «размеры которого установлены на основании научных показаний о минимальном количестве калорий, необходимом для поддержания жизни». Вызвано это тем (это тоже не было сказано, потому что все и без того

понимали), что ученые делятся своим месячным пайком с домашними и им самим подчас ничего не остается, а как-никак науку прежде всего интересует их здоровье, а здоровье домашних для науки все-таки не столь драгоценно.

Дом ученых, первый в нашей стране (а с таким назначением и первый в мире), начал работать. «Освобожденные от хозяйственных забот, — писалось в отчете, — окруженные уходом, обеспеченные теплом, продуктами и светом ученые находят здесь то, чего они лишены у себя дома и что создает им возможность работать».

Это не были пустые слова, постепенно — правда, гораздо медленнее, чем всем хотелось бы, — жизнь начала выправляться, болезни, голод и ненастья стали собирать все меньшую жатву, стали отступать, и все поняли, сколь благодетельны заботы КУБУ и Дома ученых. Тотчас продукция научная выросла, что и дает право считать возникновение этих организаций заметной вехой в научной и культурной жизни тех лет. Вскоре при Доме ученых возникли мастерские — сапожная, портняжная, а еще через некоторое время оборудовали парикмахерскую, баню и прачечную...

Теперь, когда читатель близко познакомился с пайками и нормами, он, надеемся, по достоинству оценит роскошный подарок, преподнесенный Александру Петровичу Карпинскому 15 декабря 1921 года коллегией Наркомпроса.

Из протокола заседания:

«Слушали: Об ознаменовании юбилея президента Российской Академии наук А.П.Карпинского.

Постановили: Ввиду мировых заслуг президента Российской Академии наук А.П.Карпинского и в ознаменование исполняющегося 75-летия его жизни считать необходимым:

1) просить ЦеКУБУ установить для него обеспечение в возможно высокой норме».

Вот что самое щедрое и от всей души смогла преподнести коллегия. И это выдвинуто первым пунктом. Были и другие пункты. Один из них — издать сборник «имени Карпинского».

Увы, этот пункт так и не был никогда осуществлен.

Пытались, видно: в архиве академии сохранился изготовленный в типографии титульный лист сборника. Но подросли, наверное, другие срочные дела — о сборнике забыли...

Мы не знаем, получил ли к 26 декабря Александр Петрович

«обеспечение в возможно высокой норме», но доподлинно известно, что в этот день — день его рождения — был накрыт стол в его квартире, собрались друзья, и Владимир Андреевич Стеклов произнес спич, который присутствующие нашли блестящим. Как известно, спич — это импровизированный тост, но импровизация — тоже давно известно — лишь тогда удается, когда она хорошо подготовлена. Поэтому ничего удивительного нет в том, что в архиве Стеклова отыскался черновик его застольной речи.

«...Редкая исключительная гармония, — произнес Владимир Андреевич после вступительных фраз и напоминания присутствующим, что юбиляр первый выборный президент и первый, которого «не место красит» на этом посту, а «он место», — как ученый, Вы приобрели мировую известность. Ваши труды по геологии почитаются классическими. Вы стоите во главе современных геологов. Как человек, Вы вызываете всеобщие симпатии по необычайной доброте, деликатности и мягкости Вашего характера и вместе с тем непрестанно проявляете те самые чувства чести и внутреннего достоинства, которые так высоко ценил наш Коперник геометрии — гениальный Лобачевский. Наконец, Ваша физическая, так сказать, энергия и бодрость поистине удивительны. Я решительно затрудняюсь, чего Вам пожелать, когда Вы, кажется, достигли уже всего, чего пожелать можно. Всякое пожелание выйдет плоским и банальным. Для Вас надо придумать что-то особенное, но что? Разве пожелать бессмертия... Так физического бессмертия желать нелепо, а духовное бессмертие Вы уже обеспечили как своими выдающимися учеными трудами, так и своими личными качествами как человека».

Воистину, старая гвардия академиков знала толк в красноречии!

Глава 12

«...Тем любезен я народу...»

В этом вздыбленном мире, в разворошенном и взвешанном быту, в котором только-только начало все оседать и укладываться, взвалил на свои плечи Александр Петрович еще одно дело, которое званием президента не понуждалось, но таинственно с ним сопрягалось; понуждалось же оно милостью сердца и было делом милосердия. Александр Петрович не стыдился старомодного слова — чаял же и Пушкин найти бессмертие в памяти людской не красотой стихов своих, а тем, что милость к падшим призывал... Падшим — не значит опустившимся, сбитым с жизненной тропы и придавленным несчастьем, но и к таким! И ко всем, кто молит о помощи. И кто молчит в своей беде...

И как когда-то академики почувствовали, что им есть вокруг кого объединиться и поручить важнейшую заботу о науке, так и теперь те, кого корябнуло горе, потянулись к Александру Петровичу.

Имя Пушкина не случайно соскользнуло здесь с пера, потому что опять-таки загадочно (но если вдуматься — правомерно) все сплетается: милосердие с собиранием культурных сил, разбросанных войной и несчастьями, а собирание — с бережением традиций вековой культуры народа, а сохранение традиций как же оторвать от имени Пушкина? Да этим именем оно и должно освящаться! И вот в 1918 году (а каков он был, не стоит напоминать), 20 апреля, то есть еще до того, как Советская власть предоставила академии ассигнования и, следовательно, выкроив деньги из нищенского своего бюджета, академия открывает Пушкинский Дом, ныне всемирно знаменитый своими коллекциями и трудами. Основан он был в 1905 году и тогда же начал принимать пожертвования: автографы, картины, книги пушкинской эпохи, мебель, предметы одежды. Теперь академия включала его в число своих институтов. Надо было подыскать здание. По соседству с новой библиотекой академии, по поводу которой столько споров было с военным ведомством, находилось здание бывшего Таможенного департамента; «три старца» (среди которых особенно рьяно по делам Пушкинского Дома ходатайствовал Ольденбург) отвоевали его.

Честь открытия Дома предоставлена была президенту.

«Благодарная память величайшего нашего поэта не померкла, несмотря на проявлявшееся иногда отрицательное к нему отношение, — намек на нигилистические высказывания футуристов и иных литературных

группировок; дальше Александр Петрович вспоминает, как оценил Пушкина Достоевский в своей знаменитой речи. — Пусть культурное значение Пушкина и его мысли все более и более выясняется с развитием нашей народной культуры. Я прошу вас почтить память гениального поэта вставанием».

Тут культурное значение Пушкина поставлено в связь с развитием народной культуры — это удивительно верно: чем шире она развивается, тем глубже раскрытие пушкинской мысли. Без всяких скидок нужно сказать, что пушкиноведение так и эволюционировало с развитием и углублением народной культуры — истинное пушкиноведение, не накопление автографов, а постижение культурного феномена, заключенного в творчестве поэта. И, поняв так Пушкина, узрев в его духовном наследии перевал русской культуры, переход из прошлого в будущее, приобретший такое жизненно важное значение в восемнадцатом и в последующие пореволюционные годы, мог ли Александр Петрович не сознавать, что Пушкин всегда «в минуты роковые мира сего» будет служить опорой для истинно культурных сил страны?

Он посвящает памяти его несколько речей.

В одной из них касается такой, казалось бы, специфической темы, как отношения поэта с «властью предрержащей». Александр Петрович выступает против вульгаризаторских и примитивных представлений на сей счет, которые были так распространены в те годы.

В 1924 году, когда отмечалось 125-летие со дня рождения поэта, Александр Петрович совершает поездку в Святогорский монастырь: места, связанные с именем Пушкина, академия берет под опеку, и благодаря ей удастся многое спасти от разрушения.

«Посещение Святых Гор произвело глубокое впечатление — прежде всего под обаянием личности поэта и написанных им здесь произведений...» Едва успел появиться президент — к нему обратилась депутация местных жителей с жалобой на закрытие училища, которое сам он, ознакомившись, назвал «выдающимся, с очень вдумчивыми и изобретательными преподавателями и привязанными к ним и училищу учениками и ученицами».

«Это дело поправимое, — обещает Александр Петрович. — Труднее поправить другое горе — разрушение дома Пушкина в Михайловском и Тригорского имения... Мы должны с особой заботливостью и любовью стремиться немедля к восстановлению, по возможности, утраченного...»

Он едет в Псков. Интеллигенция города собирается на встречу с ним.

«Псковская земля исстари была вольницей... городом шумливым,

торговым и подвижным...» И вероятно, неожиданно для многих Карпинский увязывает творчество Пушкина с вольнолюбивым духом древнего Пскова, напоминая то, о чем нередко забывают: с псковской землей связано так много в биографии и поэзии Пушкина.

Пушкинский Дом скоро становится своеобразным культурным центром, и уже в 1921 году Александр Блок имел право произнести:

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук -
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук...

По складу научного мышления Александр Петрович склонен к обобщениям: и как глава академии он тоже далеко не во все мелочи хозяйства входил — от чего его уберегали, кстати, и умные помощники. Но вот в работе милосердия он не только не чурается мелочей — она вся у него и состоит из мелочей! Ведь милосердие направлено к людям и потому никак не может быть общим, иначе выливается в сладкую болтовню — это уже не милосердие.

Тут не знаешь, с чего начать рассказывать.

Взять хотя бы письма в КУБУ, которые десятками, а может, и сотнями полетели в адрес Александра Петровича (десятки сохранились в его архиве, но явно ведь не все). Он не состоял членом правления КУБУ, но с просьбой принять в эту организацию (от чего впрямую зависела жизнь просителей!) к нему обращались многие, уповая на его авторитет президента.

Вот письмо Варвары Васильевны Тимофеевой, старой писательницы. Когда-то знакома была с Достоевским, оставила о нем воспоминания. Теперь в колонии для престарелых литераторов. Пишет — голодно там. Нельзя ли и ей получать пайки. Вот письмо Надежды Константиновны Вальденберг, литератора и переводчицы: «Единственный мой заработок — уроки в школе, где я получаю около 14000 рублей, вот все, что я имею. У меня расширение вен, постоянно открываются раны. Я обращалась в КУБУ. Меня зачислили кандидаткой. Но уже целый год дело не подвигается. Силы истощены... Не найдете ли вы возможным замолвить словечко перед пайковой комиссией?»

А вот письма, которые сам он, Александр Петрович, посылал в разные инстанции и к разным лицам, хлопоча за людей, большей частью ему даже

незнакомых (иногда достаточно было знакомому Александра Петровича попросить за своего знакомого). Некто В.В.Николаев, сотрудник библиотеки академии, уволен. Президент с недоумением обращается к Ольденбургу: «Говорят, что мала так называемая общественная работа... Но что же может быть более общественным, чем обслуживание по большому числу языков... первой научной библиотеки страны? Не будет ли ему места для занятий в Вашем институте?»

Просит за учительницу по фамилии Лермонтова. «Она очень бедствует. Жалование учительницы вовремя не получают. В ее жилой комнате 20 человек. Крайне нуждается в обуви, и если бы нашлась лишняя пара чешских ботинок, то это было бы для нее божьим благодеянием. Я виделся несколько раз с Лермонтовой, слишком робкой, чтобы добиваться чего-нибудь самостоятельно».

Несколько раз виделся президент с учительницей Лермонтовой... Кто ему о ней сказал — или знаком он с ней был и раньше? В школу к ней ездил или в комнату, где, кроме нее, обитало девятнадцать родственников (уплотнителей?)... Пару чешских ботинок... Кто осмелится сказать: мелочь — от нее жизнь зависела.

«Обращаюсь к Вам, как к президенту, прошу о спасении труда моего лучшего друга Ивана Ивановича Попова. В 1919 году, уезжая из Новочеркаска, оставил мне на хранение богатейшую библиотеку по монголоведению. Громадное число рукописей: монгольских, калмыцких, на русском и немецком языках. Списки духовных и светских книг, грамматика и основания словаря донских калмыков, сказки, пословицы, анекдоты, каламбуры, песни... В.В.Богачев из Баку».

Надо было спасти библиотеку по монголоведению: она достояние культуры.

Н.И.Андрусов — Карпинскому, 22 мая 1919 г.

«После долгих мытарств удалось добраться до Крыма, где я, обнаружив невозможность скоро вернуться в Петроград и скорое истощение моих денежных ресурсов, принял предложение читать лекции в Таврическом университете. Начавшиеся вскоре события сделали окончательно невозможным сообщение с Петроградом... Продолжаю ли я, хотя бы номинально, считаться академиком?.. Очень страдаю вдали от музея, без научной работы, без моих материалов и без книг...»

О, как понятны были Карпинскому эти страдания! Числится ли Николай Иванович академиком? Боже мой, может ли академия отказаться от своего сына? Андрусову летит телеграмма за телеграммой, его обеспечивают пропускным удостоверением и железнодорожным свидетельством, и он возвращается к музею и книгам.

Взывает о помощи А.А.Марков, математик. Застрыл в Зарайске под Рязанью. «...Я потерял полпуда веса, но пока не голодали. Ехать нам некуда... Участвую в огородных предприятиях... Учрежден совет ученических депутатов, в котором мой сын. Таким образом, в Зарайске он стал более важным лицом, чем я...»

Снова хлопоты, удостоверения и свидетельства — и через недолгое время Марков, живой и невредимый, стоял, раскинув руки для объятия, в дверях кабинета Александра Петровича.

...В один из ненастных дней конца 1918 года в заиндепевшую дверь квартиры профессора Евграфа Степановича Федорова раздался негромкий стук. Людмила Васильевна, запахнувшись в пальто и поправив шерстяной платок на голове, поплелась открывать. Сам Евграф Степанович почти не вставал с постели; он угасал, и врачи называли диагноз болезни коротким словом — голод. Людмила Васильевна приоткрыла дверь. На пороге стоял, постукивая ного об ногу и ежась, Карпинский.

Груз недоразумений и обид накопился в отношениях между этими двумя людьми за тридцать лет знакомства. Федоров вышел из состава академии, и после этого их личные встречи прервались: не исключено, что Александр Петрович счел себя лично задетым, ведь это он рекомендовал к баллотировке Евграфа Степановича. Но какое это имело значение теперь? Он пришел просить Федорова вернуться в академию.

Мы знаем из записок Людмилы Васильевны, что он приходил несколько раз, убеждал Евграфа Степановича в том, что многое в академических порядках, вызывавшее прежде недовольство Федорова, устранено, да и тот аргумент приводил, что без формального членства невозможно назначить Евграфу Степановичу дополнительного пайка. А Александр Петрович понимал, что без пайка Евграфу Степановичу не выдюжить. Тот дает согласие, и Александр Петрович снова пишет рекомендацию — много ли наберем мы в истории науки подобных примеров рыцарского благородства и возвышенной кротости характера?! Федоров возвращается в ряды академиков — увы, ненадолго; весной 1919 года его не стало.

Так, сердечным участием пропитанное, складывалось насущное и

жизненно необходимое дело собирания ученых, из которых каждый был на свой лад страдающим, обеспокоенным или заблуждающимся человеком.

Глава 13

Академики за рубежом

Приблизительно в это же время (с 1920 года) возобновляются международные связи академии, прерванные войной. Когда-то русская академия слыла одной из самых «общительных», охотно принимала у себя иностранных гостей и посылала свои делегации за рубеж. Она содержала Зоологическую станцию в Вилла-Франке, лабораторию на известной Зоологической станции в Неаполе, в институте Маррея в Париже, в Бейтензорге на Яве, вместе со Швецией и Германией издавала сочинения Эйлера, помогала Швеции вести градусные измерения на Шпицбергене; русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии являлся Центральным комитетом международного объединения подобных же комитетов в разных странах. Широкой известностью пользовался Русский археологический институт в Константинополе и так далее. Во время войны и последовавшей за ней революции работа русских зарубежных лабораторий и станций прекратилась, прервались и переписка и встречи ученых. Теперь надо было все это налаживать, надо было входить в международную научную жизнь. Однако эта международная научная жизнь чрезвычайно осложнилась после войны и была совсем непохожа на довоенную. Натянутые отношения сохранялись между некоторыми учеными и целыми академиями Италии, Германии, Франции, Англии и Соединенных Штатов Америки; некоторые ученые и академии с предвзятостью и настороженностью относились к Российской академии, принявшей Советскую власть.

Словом, предстояла работа, во многом напоминавшая дипломатическую. Александр Петрович был лично знаком и на протяжении десятилетий переписывался почти со всеми виднейшими естествоиспытателями мира, и дня него возобновление личных связей было этим обстоятельством в значительной степени облегчено. Поскольку теперь он был и главой академии, личная переписка и вскоре последовавшие встречи носили уже и представительный характер, они облегчали академии вхождение в международную жизнь.

Сразу оговоримся: эта чрезвычайно интересная тема, составляющая яркую страницу биографии президента, в настоящее время может быть намечена лишь пунктирно, поскольку документы (в основном на иностранных языках) не разобраны и не обработаны. Хотелось бы верить,

что со временем будет создана историко-биографическая монография «Карпинский и мировая наука», одна из глав которой будет посвящена его научным и, так сказать, научно-дипломатическим контактам послереволюционного периода.

Карпинский с коллегами включают специальный раздел о контактах с Западом в обращение в Совнарком от 22 ноября 1920 года. «Необходимо немедленно принять меры к восстановлению научного общения между Россией и Западом: а) путем систематических, а не случайных, как ныне, командировок русских ученых за границу, б) восстановлением доставки научных книг и материалов... Без этих мер работа русских ученых в значительной мере теряет свой смысл, ибо они при своих исследованиях не знают, что уже сделано за границей...»

В.И. Ленин понимал все значение международных научных контактов. 3 сентября 1921 года он писал Н.П. Горбунову: «...обязательно установить точно, кто будет отвечать за ознакомление вас с европейской и американской техникой толком, вовремя, практично, не по-казенному»⁴.

И постепенно налаживаются регулярные международные связи.

Сам Александр Петрович первую после перерыва поездку совершил в 1924 году — побывал в Мадриде и Париже и с этих нор выезжал за границу почти ежегодно до самой смерти. Он участвовал в разного рода научных симпозиумах, но, кроме этого, выступал с лекциями, давал интервью.

«Лекции, доклады, выступления, — говорится в новейшей «Истории Академии наук», — таких видных ученых, как А.П. Карпинский, С.Ф. Ольденбург, В.И. Вернадский, А.Н. Крылов, А.Е. Ферсман, В.Л. Комаров, И.П. Павлов, Е.В. Тарле и др., во многих странах мира встречались с глубоким интересом». Да, это действительно так. Советских ученых забрасывали вопросами. Почти везде их ожидал теплый прием. П.П. Лазарев прочел в Париже 15 марта 1923 года лекцию на такую, казалось бы, специальную тему, как разведка Курской магнитной аномалии. «Огромное большинство французских ученых настроено исключительно хорошо», — похвастал он в письме Стеклову.

Зарубежные поездки Александра Петровича послужили причиной некоторых изменений в семейной жизни Карпинских. Как уже упоминалось, Евгения Александровна Толмачева-Карпинская была необыкновенно одарена лингвистически и очень быстро усваивала иностранные языки. До поры до времени эта ее особенность не находила должного применения; но вот настал момент, когда отцу явно стало не по силам разбирать кипы писем из-за рубежа, и он все чаще звал на помощь дочь. Постепенно вся иностранная переписка перешла в ее руки; причем

если ей был недостаточно знаком какой-нибудь язык, она садилась за учебники и через какие-нибудь две-три недели, к удивлению окружающих, которые никак не могли привыкнуть к такому чуду, свободно разговаривала на этом языке, к тому же безупречно владея дикцией. Она стала секретарем отца, и, таким образом, семья Карпинских еще больше сблизилась с академией, и для самого Александра Петровича попросту исчезла та для него всегда тонкая перегородка, которая обычно разделяет работу и дом. Евгения Александровна сопровождала отца в заграничных поездках, и тут ее помощь была неоценима, потому что она не только брала на себя всю делопроизводительскую часть, не только переводила его статьи, лекции и беседы, но и заботилась о нем, оберегала и ухаживала, как не мог бы сделать чужой человек. А не забудем, он стар!

Представляется, что тщательное изучение документов должно показать отсутствие полной международной изоляции академии даже в разгар революционных событий, утверждение, которое можно прочесть в некоторых исторических исследованиях. Прогрессивные ученые всегда старались войти с ней в контакт, оказывать помощь. Для иллюстрации — письмо из Гельсингфорса от 12 июня 1921 года. Финские ученые сообщали Карпинскому: «Надеемся, что еще в течение этого месяца сможем послать по крайней мере один вагон с продовольствием. Что именно теперь нужнее всего? Жир, мука, картофель? Не можете ли вместе с академиками Ольденбургом и Ферсманом прислать еще кого-нибудь третьего, например, Платонова?»

Конечно, было бы неправильным представлять дело так, будто послереволюционное приобщение академии к международной жизни проходило гладко, без сучка и задоринки. Бывали и враждебные выступления, приходилось во время лекций сталкиваться с недружелюбно настроенной аудиторией, пресса иногда подавала перемены, происшедшие в академии, в искаженном свете.

Осенью 1923 года С.Ф.Ольденбург объехал несколько европейских стран. «В общем на Западе не весело, — резюмировал он свои впечатления в письме Стеклову. — Взаимное озлобление и счеты, размен денег. В Германии постоянные опасения внутренних осложнений, мрачные, усталые и отчаявшиеся люди; в Англии недовольны тем, что приходится сильно ограничивать себя. Во Франции несколько лучше... Очень интересно работается, уверен в своей правоте...» Вернувшись на Родину, Сергей Федорович выпустил книгу «В сумерках Европы», в основу ее положены суждения о европейских делах, которыми он поделился с Владимиром Андреевичем. Книга вызвала шумиху в западных газетах, была расценена

как «большевистский выпад»; даже лояльно настроенные к Советам ученые выражали недовольство Ольденбургом, обвиняя его чуть ли не в «измене». Ответил им смело и остроумно В.И.Вернадский (статья его появилась в одной из немецких газет и, насколько нам известно, никогда не переводилась на русский и осталась неизвестна советскому читателю). Владимир Андреевич, со своей стороны, посетив Соединенные Штаты Америки, тоже взялся за перо, и его путевые очерки тоже вызвали недовольство за океаном.

Владимир Андреевич считал себя обязанным пресечь волну нелепых слухов и домыслов, распространяемую западными органами печати: его статья была опубликована в «Известиях» и касалась главным образом истории взаимоотношений академии с революционным правительством. В годину испытаний, вспоминал Владимир Андреевич, академия первая от лица ученых заявила о принятии срочных мер для спасения науки, «и веско сказанное слово Академии сейчас же нашло отклик в том самом правительстве, которое якобы убило ее авторитет и научное значение». В конце 1922 года академия «вновь открыто выступила в защиту науки с заявлением о необходимости прекращения тех эксцессов, которые неизбежно всегда и всюду сопровождали и сопровождают гражданскую войну и революцию». До 1923 года ассигновано 150 тысяч золотых рублей на ремонт, оборудование и приобретение приборов. С 1921 года возобновились экспедиции на Урал, в Сибирь, Туркестан, в район Курской магнитной аномалии. Химическая лаборатория превратилась в химический институт. Сильно разрослась библиотека. В Пулковке вместо сгоревшего в конце 1920 года здания построен новый корпус.

«Советское правительство, — пишет Стеклов, — проявило настоящий государственный такт, ибо вмешательством извне ничего не добиться в таком ученом учреждении, как Академия. Недочеты с развитием жизни сами собой устраниются без насильственного давления извне, никогда не достигавшего цели».

Задержать процесс установления и развития международных связей враждебные выпады, конечно, не могли.

Ученые продолжали ездить за кордон.

Конечно, в заграничных отелях их окружал комфорт, которого в Петрограде они были лишены. Президент не мог позволить себе снять шикарный номер, он ограничивался скромным номером, чаще однокомнатным, но «непременно с ванной», как оповещала своих заграничных знакомых Евгения Александровна, прося заранее уведомить хозяина гостиницы. Что делать, Александр Петрович не всегда мог

позволить себе это удовольствие дома — понежиться в горячей ванне. И уж казалось бы, большого греха не будет и никто не упрекнет, если на денек-другой задержаться и, уж во всяком случае, не торопиться раньше времени в Петроград, где голодно, и холодно, и иной раз и листа писчей бумаги не сыщешь, чтобы засесть за статью, не говоря уж о дорогих блокнотах (их в особенности любил Стеклов), о новых книгах, автоматических ручках, «вечных перьях», вошедших в моду, и тому подобном. Какой там! Поразительней всего, что, не успев переехать границу, они (в первую очередь мы имеем в виду «великих старцев») принимались отчаянно тосковать по своей академии, волноваться пуще прежнего за ее судьбу, за пайки, получены они там или не получены, полностью, не полностью, за типографию, печатает или простаивает, и так далее, и тому подобное.

Зимой 1921 года Сергей Федорович был командирован в Ригу (Латвия не входила тогда в состав Советской России). Работа его продвигалась успешно, сверх того он проводил закупку и отправку литературы для академии, но...

«5 февраля 1921 г. Боюсь мои (члены семьи. — Я.К.) сидят без пайка и без денег. Е с л и б в ы з н а л и, д о ч е г о м е н я т ь н е т н а з а д, в д о р о г у ю А к а д е м и ю!» (подчеркнуто им. — Я.К.).

Проходит две недели. «Пишется здесь превосходно, но это как-то неприятно и тяжело, когда думаешь о своих и о всех вас и знаешь, как вы питаетесь, очень охотно перешел бы опять на картошку, не говоря о том, что так хочется назад».

Ему, что называется, кусок в горло не лезет, ему кошунственным кажется есть каждый день досыта и вкусно, когда в Петрограде сидят на одной картошке...

«21 февраля 1921 г. Ужасно тяжело ничего не знать об Академии и о своих».

И наконец, вопль измученной души: «3 марта 1921 г. Совсем одолела тоска по России и вас всех. На чужбине всегда плохо... Я совсем стосковался — сегодня просто как-то все себе места не нахожу...»

Они любили с в о ю академию беспокойной любовью, которая из дали времен кажется даже немножко суетливой: так любят дитя, убереженное от опасности, выхоженное после болезни и потому дорогое до щемящей дрожи в сердце.

Осенью 1924 года в заграничной командировке Стеклов; узнает из

газет, что в Петрограде сильное наводнение. Разумеется, полон беспокойства. Евгения Александровна описывает ему подробности:

«Наводнение наделало много бед: в нашем доме подвальные этажи, которые были залиты до потолка, приведены в негодность.

Книги везде развешаны для сушки, как белье.

В квартире Сергея Федоровича вода стояла выше рояля. Сам он, зайдя в наш дом за Александром Евгеньевичем, чтобы ехать в заседание, должен был остаться до утра, а Александр Евгеньевич застрял в КЕПСе и всю ночь занимался спасением имущества и отгонял пиратов, плавая вокруг Академии на лодке».

Академик Ферсман в лодке с факелом на носу, вырывающемся из кромешной темноты грязный отлив невиской волны, гребет что есть мочи и покрикивает на хулиганов и грабителей, которые на плотках и досках подкрадываются к зданию в надежде поживиться.

— Прочь! Прочь, негодяи! — звонким фальцетом, которому он старается придать силу грозного баса.

Фантасмагорическая картина! Жаль, что не нашлось фотографа!

Глава 14

Премия имени Кювье

Среди этой круговерти дел: командировок, публицистических выступлений, мероприятий по заготовке дров, споров о реформе и постоянной непрерываемой научной и издательской деятельности — академики не разучились шутить и смеяться. И хотя бы помянуть о том нужно, чтобы не сложилось превратного представления о психологическом климате в стенах академии в эту пору.

Местком с некоторого времени стал играть видную роль в обыденной жизни ученых: на заседаниях его разбирались конфликты, распределялась жилплощадь и так далее. Но властвовал дух, насаждаемый, несомненно, Владимиром Андреевичем, насмешливой перебранки и взаимного подтрунивания. Члены месткома обменивались такими, например, поздравительными записками:

«Вице-президенту тов. Стеклову.

Сим разрешаем Вам в день Хибинской елки принять невозбранно три рюмки вина среднего размера за здоровье Месткома. Об исполнении оного Местком предлагает Вам уведомить его незамедлительно, отпустив одновременно в его распоряжение из имеющихся у Вас сумм 360 млрд. рублей на все необходимые нужды.

Председатель Месткома барон тов. Фиттенберг.

Секретарь Месткома тов. Бециевич».

Пикантность заключалась в том, что тов. Фиттенберг был действительно бароном, о чем не забывал напоминать, подписывая на бланке месткома деловые бумаги!

Из Москвы пришло известие, что неподалеку от столицы, в живописном селении Узком, открыт санаторий для ученых; приглашают питерских коллег приехать отдохнуть, полечиться. Владимир Андреевич принимает приглашение. Оттуда он посылает жене смешные письма в том пародийно-старославянском стиле, которым так блестяще владел.

«Жене моей, Олене Дмитриевне здравствовать на многие лета.

И тебе бы обо мне не печаловаться: в Уском ем и пью готовое и винам не упиваюсь и в зернь и в карты не играю.

А бывает, выйдет музекийский игрец к страменту, а страмент тот — комод велик на трех ногах, и крышку вскроет, а там кость белая и учнет по костям руками бить, и весь комод загудит и канты разные заиграет. А как руки себе отшибет и крышку закроет, и все, его жалеючи, руками плещут, а игрец поклонився и челом побив, что его так жалеют, опять по костям бьет со всею силою, мало руки себе не обломает и кости не расколает.

...И выбежала девица-плясовица, на голове повойник камки рудо-желтой, одно плечо голо, руки голы же, телогрея гишпанская, юбка французская короткая. И учала плясовица плясать, ногами вскидывать и руками размахивать, а юбка кверху летит. Ола мне, грешному. Увы мне окаянному: аз то виде, плясовицу платом не прикрывал, а яко Ирод на Саломею смотрех и очами распаялся...

И тебе бы, жене моей Олене, видя мое такое сокрушение, меня не бити и кочергою не замахиваться, а быть здорову. А иного воровства никакого за мною не бывало.

Муж твой Огофон челом бьет».

В 1922 году произошли два важных события, о которых мы вправе сказать, что они оставили заметный след в жизни Александра Петровича, но, как и все единичные события, они тонут в широком потоке жизни, именуемом биографией Карпинского. События эти таковы: 1. Переизбрание на посту президента. 2. Присуждение Парижской академией премии имени Кювье. Последнее событие возвращает нас к временам более ранним, но сначала о первом. Оно вызвано было тем, что истек срок полномочий на президентском посту. В свое время, как читатель помнит, шел спор, избирать ли президента пожизненно или на определенный срок. Решили на пять лет. В двадцать втором году эти пять лет и истекли.

20 мая академики собрались в конференц-зале; предстояло выслушать отчет, посоветаться о кандидатах и опустить бюллетени в урну. Подсчет голосов и оформление документов заняли пять дней, и 25 мая непременно секретарь направил Карпинскому письмо:

«Глубокоуважаемый Александр Петрович!

20 сего мая Вы единогласно избраны Президентом Российской Академии наук сроком на 5 лет, о чем по постановлению Конференции имею честь Вас уведомить.

Примите уверения в совершенном моем уважении и таковой же преданности.

Глубоко Вас уважающий и непременно преданный Ольденбург».

Итак, как видим, деятельность президента, политика академии, постепенная реорганизация ее внутренней структуры и приспособление к новым условиям вызвали единодушное одобрение академиков.

Зачаток же второго события относится к далекому 1906 году.

Однажды Александру Петровичу доставили небольшую посылку — сколько его увлечений начиналось с этого!.. В посылке кусочек известняка. В изломах видны крохотные шарики. На листке бумаги, вложенном в посылку, горный инженер К.В.Марков рассказывал, как он нашел его в Лысьвенском горном округе на Урале и спрашивал: что это? Наивный вопрос! Будто можно на него так вот сразу взять и ответить...

Александру Петровичу было тогда очень некогда. Сам он в предисловии пишет: «Работа велась урывками, в редкие часы досуга, и не считается мною вполне законченной...» Это у него постоянный мотив; вечно он свои монографии начинает или заканчивает извинением: «Я далек от мысли считать, свои выводы окончательными».

Однако вопрос поставлен, нельзя же оставлять в неведении инженера Маркова! Он исхитряется выкраивать ежедневно полчасика, часок, изучает образец. Не составляет труда выяснить, что подобными же органическими остатками занимались русские палеонтологи Х.И.Пандер и А.Ф.Фольборг в середине прошлого столетия. Трохилиски... Таково их название. «Маленькие круглые сетчатообразные зернышки».

«Приведенными попутно и совершенно недостаточными характеристиками Пандер и ограничился», — установил Александр Петрович. Что же это — трохилиски? Неизвестно? То есть опять-таки «проблематика»? Ах «проблематика»! А мы ведь так охочи разгадывать «проблематику»! И Александр Петрович погружается в пучину загадочного... Почему, в силу каких особенностей ума Карпинский склонен был задумываться над загадочными, необъяснимыми явлениями природы, почему испытывал удовольствие, ломая голову над их раскрытием? В его времена палеонтологами считалось куда более респектабельным дать обширное описание форм, характерных для какой-нибудь формации или местности, — так работал, например, его друг Фридрих Богданович Шмидт...

В загадке, в тайне, в неожиданности, не укладывающейся в рамки привычных представлений, есть что-то раздражающе-неподвластное, дразнящее и бунтующее, есть что-то как будто перечеркивающее самую суть науки с ее законами, коим все должно подчиняться. Мышление Карпинского — сама ясность, последовательность, основательность, способность организовать свою работу, без чего талантливость низводится

или грозит остаться обыкновенной предрасположенностью к занятию чем-либо — или в более высоком смысле — природной одаренностью, и баста. Гений Карпинского — это терпение; мы уже имели случай указать на такую его особенность, припомнив афоризм Бюффона; в данном случае примат трудолюбия над природной одаренностью особенно показателен; вместе с тем это никак не снижает понятия гениальности — ни само по себе, ни в применении к Александру Петровичу. Профессор А.К.Болдырев выразил это так: «И мы все ясно понимаем, что нет и не будет человека, который может полностью заменить А.П.Карпинского, что вместе с ним умерла целая эпоха русской геолого-минералогической науки».

Его терпение — коли уж мы воздаем ему должное — вовсе не мучительно и не отдает потом; это ясное, последовательное, основательное и доброжелательное терпение. Да и в характере его нет ничего темного, необъяснимого, непоследовательного, странного, и мы осмелимся предположить, что все подобное в природе (да и в людях) должно было ему не нравиться, должно было ему мешать, и ему подсознательно хотелось одолеть п о д о б н о е — чем же? Методами ясной, последовательной и основательной науки. Он чувствовал зудящую потребность победить темноту, странность и загадочность — и на место ее поставить крепкое, всем видимое и несокрушимое знание. И всякий раз, когда на его пути вставало п о д о б н о е, он уж не мог уклониться от боя! Не мог махнуть рукой и отвернуться. Э, нет! Это вызов! Честь затронута!

Подавайте-ка сюда ваших трохилисков!

Теперь, после этих попутных замечаний, легко перейти к самой монографии.

Александр Петрович доказывает, что трохилиски «являются представителями исчезнувших боковых ветвей... очень древней и своеобразной группы растений...». Своеобразное это ответвление «уцелело в совершенно изолированном виде до настоящего времени, утратив, можно сказать, всякую видимую родственную связь с остальным современным растительным миром».

Итак, найдено, что трохилиски — боковая ветвь группы харовых. Но спешим обратить внимание читателя, что Карпинский исследует древнее р а с т е н и е. Палеонтолог он с огромным опытом, но ведь до сих пор занимался палеозоологией; и вот взялся за палеоботанику! Всякому, кто хоть сколько-нибудь знаком с тем, какая разница между зоологией и ботаникой, нетрудно представить и разницу между палеозоологией и палеоботаникой! Александру Петровичу пришлось просмотреть огромную литературу!

И он еще раз — и так и представляется, что с огромным внутренним удовольствием — демонстрирует, как логика, ясный ум, обширные знания и наблюдательность расправляются с загадкой и раскрывают очередную «проблематику».

Как это бывало и прежде, ученые разных стран после выхода в свет монографии Карпинского начали находить трохилиски. Но не все, и в этом нет ничего странного, согласились с тем, какое место в систематике растений отвел им Карпинский. Некоторые, например Шубер, отыскавший трохилиски в Бельгийском Конго, отнесли их к сифонниковым водорослям. А как пишет Р.Ф.Геккер, «А.П. считал одним из основных достижений проделанного им анализа трохилисков доказательство того, что они не являются сифонниковыми водорослями. Такой возврат к прошлому, к этапу, уже пройденному наукой, глубоко задевал А.П. Его волновало не то, что кто-то из зарубежных ученых высказывался против него, Карпинского, а то, что этот исследователь недостаточно внимательно отнесся к материалу, поспешил и потому погрешил против истины. А.П. вступал в переписку с такими авторами, «дедовски» их поучал, посылал специально изготовленные рисунки и, более того, старался лично повидаться с ними, чтобы убедить в своей правоте...»

В моем распоряжении имеется интересный документ, любезно переданный мне для использования Е.А.Толмачевой-Карпинской. Это копия письма А.П. к вышеупомянутому Б.Шуберу... В начале письма А.П. обстоятельно разъясняет, что этот автор у него понял неправильно, советует давать такие иллюстрации (фототипические), чтобы каждый мог составить свое собственное мнение о природе изучаемых объектов. Далее А.П. переходит к рассмотрению взглядов некоторых новых авторов... Несмотря на корректный тон письма, чувствуется, что А.П. очень недоволен, что он негодует. Да, А.П. умел негодовать, восставая против попираателей истины. Образ А.П. в такие минуты очень правдиво запечатлел А.Н.Чураков. Он пишет: «Карпинский был поразительно скромен в своих отношениях к людям. Он был неизменно благожелателен к окружающим его сотрудникам. И только тогда, когда он видел легкомыслие в научной работе или недобросовестное обращение с научными фактами, он начинал дрожать, руки его тряслись, добрые, светлые глаза темнели и начинали метать молнии».

В письме же А.П. читаем: «...Авторы абсолютно не правы. Им неизвестны ни работы Пандера, открывателя и автора трохилисков, ни статьи Эренберга об этих ископаемых; и т.д. Познакомившись с моей работой о загадочных ископаемых, хорошо известные японские ученые

прислали мне ископаемые... и просили меня проверить... Я их описал как остатки морских известковых водорослей...» Далее А.П. в двух строках характеризует свой — карпинский — метод работы: «Мой метод научных исследований совершенно иной. Я тщательно изучаю все детали, как макро-, так и микроскопические, хорошо сохранных образцов».

Такова небольшая иллюстрация переписки А.П. с иностранными учеными о трохилисках. Но, как уже было отмечено, А.П. не упускал случая также во время своих поездок за границу распространять взгляды на природу ископаемых остатков, в частности трохилисков. Для этих целей он изготовил специальные «наглядные» таблицы по трохилискам и другим водорослям и возил с собою образцы».

Умилительная деталь, эти таблицы и коробочки с образцами, обложенными ватой, которые президент возил с собой по заграницам, чтобы при встречах, образно выражаясь, тыкать в них носом своих оппонентов. В 1922 году он получил дополнительное подтверждение своей правоты: в Шотландии были найдены споры с выраженными чертами, свидетельствующими об их принадлежности к той группе растений, к которой их отнес Карпинский.

В том же году, как уже известно читателю, Парижская академия присудила Александру Петровичу премию имени Кювье — почетнейшую палеонтологическую награду.

Глава 15

200-летний юбилей

200-летие можно условно считать датой окончательного становления советской Академии наук, с того дня она и носит название Советской, но дело еще не только в названии, но и во внутреннем его наполнении. В сентябрьские дни 1925 года (торжественная сессия проходила 4 — 7 сентября) была продемонстрирована огромная народная любовь к академии, она получила множество приветствий, причем большая часть их от людей, к науке как будто бы отношения не имеющих: от красноармейцев, писателей, крестьян, артистов, рабочих — они считали академию своей, гордились ею, внимательно следили за переменами, в ней происходящими; со стороны правительства академии были оказаны честь, внимание и забота, каких она и ожидать не могла; и, наконец, сама академия в отчетных докладах (а они были составлены по отраслям знаний) показала, сколь велик ее вклад в мировую цивилизацию и русскую культуру. 200-летие несколько даже неожиданно для самих организаторов вылилось во всенародный праздник Науки и Просвещения — праздник, почти лишенный оттенка официальщины и казенщины, всегда сопутствующих таким мероприятиям. Но подготовка к нему сопровождалась немалыми трудностями.

Необозримое количество дел нужно было переделать, готовясь к юбилею! Отремонтировать конференц-зал, обдумать, где и как разместить гостей, оборудовать стенды, составить программу экскурсий, договориться с превеликим множеством различных организаций и направить им превеликое множество бумажек с входящими и исходящими номерами (так что в различных архивах осталось несметное количество автографов Карпинского, Стеклова и Ольденбурга, о ценности которых получатели даже не догадывались); затеяно было также издание юбилейных сборников. В разгар суматохи Александр Петрович вспомнил, что на заре своей академической карьеры довелось ему видеть мозаичное панно работы Ломоносова...

Удалось его отыскать. Остальное для Александра Петровича труда не составило. Он поехал к художникам, с которыми у него сложилась давняя дружба. Он состоял почетным членом общества живописцев имени Чистякова, его приглашали открывать выставки, многолетние приятельские отношения связывали его с И.Е.Репиным — их, судя по воспоминаниям

родных, обширную переписку, прервавшуюся лишь со смертью Александра Петровича, еще предстоит разыскать. Объяснил им свои замысел. Нашлись энтузиасты. Работа закипела.

Замысел же президента состоял в том, чтобы украсить мозаикой стену, в которую упирался марш лестницы, ведущей на второй этаж, в конференц-залы. Все, кто будет подниматься туда, будут видеть «Баталию», вначале охватывая глазом всю ее с маху, а по мере подъема — для пожилого человека весьма даже продолжительного — рассматривая детали: идеальное место для картины! Сам Михаил Васильевич не мог бы мечтать о лучшем. Промерили стенку — размеры достаточные. И вскоре на ней заголубело — еще не отмытое от пыли — вполоборота глядящее на зрителя, молодежливое, разгоряченное схваткой и сосредоточенное лицо Петра...

Торжественное открытие «Полтавской баталии» состоялось накануне юбилейных торжеств — тогда же ее впервые запечатлели на киноплёнке, и с тех пор, надо сказать, она стала излюбленным объектом киносъёмок; в сознании широкого зрителя лестничный пролет и «Багалия», венчающая его, так слились с обликом академии, что немногие подозревают, что так было «не всегда»... Возвращение к жизни ломоносовской мозаики (и после революции!) в период, когда за рубежом еще бытовали представления о бесповоротном разрыве со всей дореволюционной культурной русской традицией, предало юбилейным торжествам особый колорит.

Юбилей — пора подведения итогов — тривиальная истина! Тем не менее потребность оглянуться на сделанное и пройденное владеет каждым, кто готовится отметить знаменательную дату. Вероятно, потребность такую испытывали и «три старца»; их переписку и публичные выступления в эти месяцы невольно пронизывает оглядка назад: для себя они перерешали то, что давно решила жизнь и доказала, но уж такова человеческая натура!

Ольденбург пишет жене из Москвы (он в командировке) 12 января 1925 года:

«Ты веришь, как и я, что революция, как тяжела она ни была для всех, дала великое, дала новую жизнь, которая всюду пробивается могучими ростками. Когда видишь такую массу людей с мест, то понимаешь, как растёт эта жизнь... Там бедные русские люди, за рубежом, ничего этого не видят и им все мерещатся разложение и раздоры».

А вот что сказал Карпинский в одной из речей (сохранился беглый черновик):

— Как же не любить нашу свою Родину? Да, мы горячо любим свою Родину и передадим эту любовь подраста

ю щ и м п о к о л е н и я м , к о т о р ы е в с т у п а ю т в ж и з н ь в н о в ы х с ч а с т л и в ы х у с л о в и я х е е с у щ е с т в о в а н и я .

Тут вся прелесть в вопросительной интонации: «Как же не любить нам своей Родины?»

Но вот и настал день юбилея!

6 сентября 1925 года.

Зал Ленинградской филармонии.

На трибуне М.И.Калинин.

— С сегодняшнего дня, — говорит он, — наша академия становится не только Российской, а общесоюзной, и она должна сконцентрировать в себе творчество всех народов, населяющих наш Союз. Я не сомневаюсь, что Академия наук Союза Советских Социалистических Республик займет подобающее ей место в строительстве нового общества, обеспечивающее действительное братство народов в строительстве коммунизма.

Почтить старейшую академию мира в день ее юбилея приехало из-за рубежа 130 ученых: из Австрии, Испании, США, Турции, Голландии, Индии, Германии, Франции, Венгрии, Италии и других стран.

С приветствиями выступают немецкий физик Макс Планк, индийский физик Раман и многие другие известные зарубежные ученые.

Слово предоставляется президенту.

Александр Петрович выступил с большой речью. Он рассказал, как возникла академия, как развивалась, над чем работает сейчас.

— Поднимается ли вопрос о точном определении распределения национальностей на территории страны, о выработке карт племенного состава, об изобретении способов против удушающих газов, введенных в употребление современной техникой войны, об устойчивости морских судов, о методах простейшего и верного способа определения полезных ископаемых, о добыче драгоценных камней... всевозможные вопросы краеведения, обычаев населяющих страну многочисленных народностей, влияния бактерий на произрастание злаков, правильной постановки рыболовного дела, лесного — академия всюду принимает видное и руководящее участие...

Два характерных нововведения революции — введение нового стиля и новое правописание — прошли при непосредственном участии академии...

Широка ее деятельность в изысканиях, которые могут иметь цепу и значение, если ведутся только в мировом масштабе. Достаточно упомянуть исследования в области астрономии о строении Солнца, собственном движении звезд, сейсмические явления, процессы поднятия и опускания материков, динамики, атмосферы, общие вопросы востоковедения, общие

геофизические вопросы...

В один из юбилейных дней академия дала банкет в честь иностранных гостей.

Александр Петрович выступал с речью и на банкете.

Это была непринужденная встреча ученых, на которой слышалась многоязыкая речь; она запомнилась всем надолго. Мы расскажем о небольшом эпизоде, который там произошел, и им и закончим главу. Вряд ли он даже был замечен большинством присутствующих, этот эпизод, и лишь одному врезался в память и, возможно, многое определил в его дальнейшей научной жизни. Научной жизни... Он тогда еще только мечтал о ней, лелеял где-то в глубине души ростки научных замыслов, но дерзких и необычных! Представим его читателю: Александр Чижевский, юноша из Калуги.

Вместе с другим калужанином, который так и вошел в историю под именем «калужского мечтателя», сживали они подолгу ночами на крылечке, глядя в небо, усеянное звездами, грезили — Циолковский о космических полетах, Чижевский о чем-то другом... Странные и неистовые догадки пронзали его мозг. В каморке, кое-как оборудованной под лабораторию, он ставил необычные опыты, рылся в толстых фолиантах, выискивая подтверждения своим гипотезам, — так рождалась наука о влиянии Солнца на ритмы биосферы Земли; даже название темы казалось дерзким, но ведь и время было дерзким! Юноша собрал чертежи и расчеты и подался в Ленинград.

«В июле 1925 года в Колонном зале Дома Союзов в честь двухсотлетия Академии наук... был дан банкет, — вспоминает А.Л.Чижевский в книге «Вся жизнь», — на который среди других ученых пригласили известного физика профессора Берлинского университета Макса Планка. Меня познакомил с ним президент Академии наук Александр Петрович Карпинский. Он подвел меня к сидевшему за столом Планку и сказал, что я прошу разрешить задать ему один научный вопрос. Планк встал и протянул мне руку...» Далее Александр Леонидович передает содержание научной беседы, которая состоялась у него с Планком, беседы, запомнившейся ему на «всю жизнь».

Он не пишет, как познакомился с Александром Петровичем. Вероятно, это было так просто — познакомиться с президентом, — что он не считал необходимым на этом остановиться. Также нисколько не вызывает у него удивления то, что в шумном, многолюдном зале престарелый президент отыскал его, никому не известного юношу, не имевшего еще никаких научных заслуг, и повел его к столику, за которым сидел Планк. Это тоже

так обыкновенно...

Карпинский вел за руку будущее русской науки.

Глава 16

Уходят, уходят, уходят друзья

В июне 1926 года в Кисловодске внезапно скончался Стеклов.

Как всегда в начале лета, он поехал туда лечиться, был полон планов, захватил с собой панки с рукописями...

Лазарев — Крылову, 22 июня 1926 г.

«Вы представляете, какое огромное впечатление произвела не только на академиков, но и на всех близко его знавших смерть Стеклова. Правда, он был долго болен, но никто не думал, чтобы такой крепкий организм, какой был у Владимира Андреевича, не перенес слабую инфекцию, вызвавшую плеврит... Для Академии, конечно, смерть Владимира Андреевича страшная потеря, это сознают буквально все...»

А.Ф.Иоффе — А.Н.Крылову.

«Вы знаете уж, конечно, о смерти Владимира Андреевича. Для Академии это удар... Заменить его трудно, и единственный, кто мог бы это сделать, — Вы — таково единодушное мнение всех нас...»

Вот так: академики не успели еще пережить смерть вице-президента, а уже надо думать о замене...

Похоронили Владимира Андреевича на Волковском кладбище.

После похорон Александр Петрович зашел на квартиру Стеклова. Последние годы Владимир Андреевич жил с сестрой, жена его скончалась несколько лет назад. Идеальная чистота всегда поражала в комнатах. Множество книг содержалось в образцовом порядке на стеллажах. Дорогие картины в золоченых рамах. Растения в тяжелых кадках и горшках... Неприкаянные бродили и мяукали кошки. Владимир Андреевич их обожал, у него живало по десяти и более; мальчишки таскали к нему с окрестных улиц всех бесприютных котят. Любимцем был огромный серый с белым

Васька. Только ему позволялось входить в кабинет и валяться на бумагах и книгах. Когда Владимиру Андреевичу приходилось сдвигать его с места, Васька рычал и дергал задними лапами. Иногда он взбирался на загрибок и лежал воротником... Владимир Андреевич любил поэзию, животных, музыку, детей...

«Его оплакивали в нашей семье, — вспоминает внучка Александра Петровича А.В.Балтаева. — Евгения Александровна устала стол его фотографиями... А.П. прямо поразила его смерть...»

Но жизнь не ждала, работа звала, текущих дел было много.

В архиве Вернадского и еще некоторых старых академиков сохранились такие пригласительные записки:

«Перед Академией наук в настоящее время стоят два вопроса чрезвычайной для нее важности — о новом Уставе Академии и о выборах вице-президента. По моему глубокому убеждению, оба эти вопроса, прежде официального их рассмотрения в Конференции, требуют подробного и всестороннего обсуждения в нашей товарищеской среде при участии всех действительных членов Академии.

Полагая, что Вы разделите этот взгляд, обращаюсь к Вам с просьбой не отказать принять участие в указанном обсуждении и пожаловать ко мне (б.Николаевская наб., 1) на чашку чая в понедельник 15 сего ноября в 7 часов вечера.

Искренно Вас уважающий А.Карпинский».

По таким пригласительным запискам у него собирались «на чашку чая» и в семнадцатом и в восемнадцатом годах... Можно только строить догадки, можно только рисовать картины споров, которые там «за чашкой чая» кипели и в результате которых преобразалась академия...

Теперь на повестке дня стояло принятие нового устава.

Обсуждение его проектов отличалось большой остротой. К работе над проектом приступили сразу после юбилейной сессии (точнее, после признания Советом Народных Комиссаров 27 июля 1925 года Академии наук высшим научным учреждением страны). Предполагалось, что в структуре управления произойдут перемены, вместо одного будут два вице-президента и т.д.

Первый вариант был разработан еще при Стеклове, и тот вместе с Ольденбурггом принял участие в обсуждении его на заседании комиссии СНК. Решено было разослать его во все республики, во все крупные научные учреждения, а потом, собрав замечания, переработать. Замечаний поступило множество, и весьма разноречивых. Все сходились на одном: да, новый устав необходим. Еще бы! Академия все еще жила по уставу,

принятому в 1836-м!

Ни у кого не было сомнений, что его положения устарели и не соответствуют новым условиям.

По многим пунктам разгорелись дебаты. Например, был пункт, согласно которому академик лишался своего звания, если его деятельность направлена во вред государству. Некоторым показалась сомнительной сама формулировка. Как это академик может вредить? Схожее положение касалось иностранных членов. Российская академия гордилась тем, что всегда выбирала своими членами наиболее выдающихся мировых ученых — нередко даже раньше, чем они добивались признания у себя на родине. И это повышало ее международный престиж. Теперь же иные академики — из числа старых и консервативно настроенных — усмотрели в этом ущемление прав. Конечно, они были не правы, но им надо было это объяснить, дебаты затягивались...

Споры вызвал и пункт, касающийся планирования работы ученых. Страна переходила тогда на плановые начала в работе, и академию, как говорится, просто не поняли бы, если бы она в этом деле отстала от требований времени. Но план в научной работе? Многим это казалось чем-то одиозным. Невыполнимым. Даже такой организованный работник (на практике, несомненно, прибегающий к планам — как же иначе?), как А.Н.Крылов, удивлялся в письме П.П.Лазареву (из Парижа 17 сентября 1927 г.):

«В самом деле: о каких планах деятельности идет речь — ежегодных или на двадцать пять лет, учреждений или отдельных лиц? Ведь самая существенная «деятельность» Академии должна состоять в личной творческой работе академиков — что же и каждый академик должен представлять план своей деятельности и по утверждению такового следовать ему неуклонно?»

Тут, как видим, непонимание сути планирования научной работы — да и откуда бы прийти такому пониманию, весь душевный уклад старого академика формировался в другое время... Говоря так, мы забываем, что Александр Петрович тоже представитель старого поколения... да и какой! — самый старейший из действительных членов — с одна тысяча восемьсот семьдесят шестого года! Губкину, когда Карпинский стал действительным членом, было пятнадцать... Однако ж проявлял большую гибкость, чем его более молодые коллеги. Нетрудно подсчитать, что как раз в 1926 году исполнилось ровнехонько сорок лет, как он состоял в действительных членах, и как удержаться и не похвастать еще одним торжественным юбилеем, который устроила ему любимая академия!

Началось с того, что 20 января президиум постановил отлить золотую и бронзовую медали с изображением Карпинского по случаю 40-летия со дня избрания его в академики. Монетный двор охотно взялся и выполнил почетный заказ (теперь эти медали большая редкость и у коллекционеров даже бронзовые ценятся «на вес золота»). А через месяц, 20 февраля, состоялось — приводим текст официального приглашения — «чествование Академией наук 60-летия научной деятельности А.П.Карпинского, 40-летия со дня избрания в академики и предстоящего 80-летия со дня рождения». Предстоящего звучало несколько странно, но у устроителей не было другого выхода; день рождения Александра Петровича по-настоящему 26 декабря, однако по новому стилю — 7 января 1927 года, выходит, «скаканул» через год (и теперь по новому-то стилю он родился не в 1846-м, а в 1847 году, к чему Александр Петрович никак привыкнуть не мог, и если, случалось, спрашивали его, с какого он года, отвечал: «С сорок шестого!»). Устроители решили, что дата принятия в академики важнее (да тут еще и другие даты набежали) и ждать целый год не имеет смысла. И они оказались правы, торжественный вечер удался на славу, выступали представители Военно-политической академии РККА (над нею Академия наук шефствовала — вот тоже новое в ее деятельности!), Военно-топографического штаба РККА, Дальневосточного отделения Геологического комитета, поступили приветственные телеграммы от М.И.Калинина, А.В.Луначарского, дарили подарки, и было еще много другого приятного и интересного.

Вернемся к уставу. 18 июля 1927 года Совнарком СССР утвердил проект, и, таким образом, начал существовать первый советский устав Академии наук, он закреплял идею, выраженную ранее в постановлении ЦИК и СНК СССР и признававшую академию высшим ученым заведением страны. В структурной организации произошли изменения. Отделения русского языка и литературы и Историко-филологическое отделение были объединены и составили отделение Гуманитарных наук; Второе отделение называлось теперь — Физико-математических наук. Вместо одного вице-президента надлежало избирать двух, и президиум, на который возлагалась вся текущая работа, состоял, следовательно, из президента, двух вице-президентов, непременно секретаря и академиком-секретарей обоих отделений; права президиума были значительно расширены, он мог выносить важные решения, не дожидаясь созыва общего собрания (прежде так не водилось, и старые академики выражали недовольство).

Пожалуй, самые существенные изменения претерпел порядок выборов. Читатель помнит, как выбирали нашего героя. Ему написали

рекомендацию, потом провели на заседании отделения и утвердили на общем собрании. Отныне же рекомендовать имели право не только отдельные академики, но и учреждения, и общественные организации, и группы ученых; об открывшихся вакансиях сообщалось в печати, и на ее страницах могло происходить публичное обсуждение кандидатур. Порядок, как видим, гораздо более демократичный, чем раньше. Количество действительных членов и членов-корреспондентов было увеличено.

Новый устав, сообщим забегая чуточку вперед, просуществовал всего два года; в 1929 году приступили к переработке и в 1930 году утвердили переработанный (но не принципиально, а во второстепенных пунктах!) вариант. Тогда же избрали новый состав президиума: президентом вновь был переизбран Карпинский. Ольденбург покинул кабинет неперменного секретаря. Он проработал в нем двадцать шесть лет! Мечталось ему, отдохнув, приняться, засучив рукава, за научную работу, столько замыслов ждало воплощения! Работы по истории искусств народов Западной Европы и Востока, по истории буддизма... Увы, болезнь трепала его все круче...

Выборы 1928 года — значительнейшее событие в истории академии тех лет. И нетрудно понять почему. Предстояло первое после революции обширное пополнение состава академии. 3 апреля 1928 года Совнарком своим постановлением увеличил число действительных членов до 85, то есть вдвое. Но дело даже не в количестве, хотя и оно имеет значение: впервые «лицом к лицу» сошлись два поколения ученых, молодое и старое, причем первое — дореволюционное, второе пореволюционное, что в глазах иных людей означало не только их возрастное положение, сколько нравственно-политическое. Нашлись горячие головы, которые «лицом к лицу» представляли скорее как «стенка на стенку» в равном количестве с обеих сторон и прямо-таки жаждали схватки; мы сейчас расскажем о том. Менялся, так сказать, и качественный материал: новое пополнение состояло в основном из представителей точных, естественных и технических наук. И впервые в академики баллотировались члены Коммунистической партии. Так что выборы двадцать восьмого года несли с собой много нового. И еще больше перемен предвещали в будущем.

Президент поначалу пытался утихомирить страсти. Он часто теперь жаловался на старческую память («забываю то, что нужно, и помню то, чего не нужно»), но скорее всего это простительное лукавство, позволявшее от выступления к выступлению повторять излюбленные мысли. Мысли эти нам хорошо известны. Наука есть братство ученых (и поэтому, следовательно, никакого «конфликта поколений» быть не может). Наука «стремится лишь к истине, не покоряясь никаким верованиям,

доктринам или предубеждениям», «настоящий действительный работник науки ищет только истину, правду, неизбежно ведущую к справедливости... Он не может не возмущаться лишь научной ложью — умышленным выдаванием предположений за наблюдаемые факты... Такая ложь — не ошибки, всегда возможные — является одним из самых больших и вредных нравственных преступлений».

Часто говорит о справедливости, но тоже пока ограничивается лишь общего характера предостережениями («несправедливость — это порок, грозящий разрушить не только науку, но и государство») и увещеваниями. И конечно, не устает повторять, что «без науки и просвещения самостоятельность страны по многим неизбежным естественным причинам пойдет на убыль», что налагает особую ответственность на деятелей науки и на тех, кто о них пишет...

Кто о них пишет... С некоторых пор «о них» стали писать часто, даже слишком, и порой не совсем объективно. Списки кандидатов публикуются в газетах, и достоинства каждого публично обсуждаются — это демократическое новшество не могло не быть одобрено всеми. Совершенно естественно, тщательнее других достоинства и недостатки кандидатов позволяли себе разбирать ленинградские газеты — академия, хоть и приобрела статус общесоюзного научного учреждения, находилась все-таки в городе на Неве. Нередко вместо кандидата в поле зрения журналистов попадал старый академик: толковались (подчас вульгаризаторски) его труды, его личные даже качества и привычки, например, религиозность; разумеется, к подобного рода вещам надо было подходить с особой деликатностью, учитывая солидный возраст, факторы воспитания и прочее.

Однажды в профсоюзном бюро состоялось бурное заседание, на котором присутствовал и президент. Некий молодой человек, вдохновленный, по-видимому, поспешными журналистскими выступлениями, произнес неуважительную по отношению к старым академикам речь, весьма к тому же растянутую — она закончилась поздним вечером. Александр Петрович не поленился наутро представить написанную ночью записку, которую начинает с сожаления, что не смог сразу же вчера и ответить, поскольку был крайне утомлен. «Я лично встал в 5. С 6 до 12 1/2 был занят беспрестанно».

Задет принцип преемственности традиций, по его мнению, наиважнейший — он рьяно его защищает. «Такие выступления губительны для того учреждения, в котором я имею счастье и честь служить, как полагаю, на истинную пользу нашей страны». Вновь он обращается к

понятию справедливости и дает поразительное тавтологическое и вместе с тем наглядное определение: «Справедливость не есть добродетель, но лишь отсутствие страшного порока — несправедливости, который может погубить все — и семью и государство...»

«...Бюро с самого начала приняло на себя распорядительную роль, ему ни в коем случае не принадлежащую. Теперь оно выступает в роли чтеца и исследователя чужих мыслей... Бюро считает возможным судить не только о результатах работы того или иного ученого, но и делать ему допрос о его настроениях, взглядах, верованиях и пр. ...Если испытуемый заявляет себя верующим (а это обстоятельство никакого отношения к его научной деятельности не имеет) и признает, что несть власти еще не от Бога (да не будет взято под подозрение, что слово Бог в противность чьему-то распоряжению пишу грамматически правильно, как имя собственное, хотя бы и относимое к воображаемому предмету, подобно тому, как слова Иегова, Аллах, Перун, Юпитер, Венера, пишу с большой буквы. Слово «боги», как нарицательное, конечно, пишу с маленькой буквы), то таким заявлением гарантирует, что ничего против власти им делаться не будет. Человеческое достоинство не позволяет не только ученому, но и всякому уверенному в своей честной работе лицу относиться дружелюбно и без протеста к таким допросам...»

Александр Петрович обрушивается и на редакторов некоторых газет («называемых ответственными, но совершенно безответственными»), которые создают у себя чуть ли не «расследывающие организации, устраивают внезапные ревизии, собирают сведения от всех недовольных...». За сдержанностью и подлинно интеллигентной манерой критики слышится гневно протестующий голос...

Наконец выборы проведены. 10 декабря 1928 года они собрались на торжественное общее собрание, которое для доброй половины его участников было первым в жизни и потому особенно торжественным. Разумеется, о конфликте поколений никто и не вспоминал, похоже, что о нем забыли и журналисты, в большом количестве сновавшие по проходу и между кресел с открытыми блокнотами или тяжелыми треногами в руках. Некоторые успели уже расставить свои треноги, нацелить объективы на президиум и приготовить магний для вспышки — потому, хоть и были зажжены все люстры, света все-таки не хватало для четкого снимка, и корреспонденты пребывали в большом беспокойстве.

И вот поднялся невысокий старичок с гривою седых волос и прищурил лучистые глаза. Тут, словно кто команду им дал, разом во всех концах зала корреспонденты зажгли свои магниевые свечи, академики как молодого,

так и в особенности старого поколения оцепенели, едко запахло дымом... Торжественность была смята, и, хоть заседание благополучно доведено до конца, положенные приветствия высказаны, пожелания произнесены и заверения даны, недовольство, охватившее президиум, было столь велико, что назавтра же он собрался в полном составе и с чрезвычайной быстротой безо всяких споров и дебатов выработал следующую бумагу:

«На торжественно публичном заседании Академии наук 9 сего декабря было проявлено грубое неуважение к собранию, выразившееся в том, что в начале заседания была произведена вспышка большого количества магния, давшая целое облако дыма, который и наполнил весь зал на все остальное время заседания.

Так как осевшая после вспышки магния магнезия, покрывшая налетом тончайшей пыли все предметы, может портить мебель, коллекции, портреты и пр., положено обратиться в соответствующие организации с требованием недопущения подобных случаев».

Ученых не проведешь, они знают, что в результате вспышки магния образуется магнезия, а та, в свою очередь, тончайшим слоем покрывает, а также несомненно проникает в дыхательные органы... Надо полагать, что соответствующие организации вняли просьбе и треноги более не вносились в зал (отчего, увы, мы лишились добротных снимков!).

...Как часто во время бурных заседаний, острых дискуссий вспоминал Александр Петрович Ольденбурга! Ему его очень не хватало. Сергей Федорович теперь не бывал в академии.

Врачи долго не могли поставить правильный диагноз. Наконец сошлись на одном: рак желудка...

И еще одного друга проводил Александр Петрович на Волковское кладбище.

В семье Карпинских Сергей Федорович был своим, домашним человеком.

«Ольдайбур», — звала его Евгения Александровна, проглатывая «н» и не произнося «г» и явно ставя «а» — на французский манер...

Остроумный и широко эрудированный собеседник, он легко становился центром внимания в любом обществе.

Вот и перестала существовать «великая троица».

Остался один великий старец...

Когда у Стеклова умерла жена, Ольденбург написал ему письмо. «Жить надо, Вы слишком нужны другим. Ваша жизнь не Ваша, а многих, многих людей и особенно теперь, когда каждый культурный человек на счету...»

Случалось, Александр Петрович бывал недоволен помощниками. Случалось, Ольденбург ворчал на то, что Карпинский его не во всем поддерживает; например, во время чрезвычайно сложной подготовки к 200-летнему юбилею академии жаловался, что все хлопоты взвалили на его плечи («Президент слишком стар и от всего отстраняется»), и так далее. Это бывало. Но одного они держались друг о друге крепко: «Вы слишком нужны другим...»

Когда Александр Петрович занемог (это случилось в 1923 году, вскоре после возвращения из Парижа, к счастью, болезнь оказалась не слишком серьезной), Ольденбург писал ему:

«...Всякое даже незначительное Ваше недомогание вынуждает нас, членов Академии, вновь и вновь просить с большим вниманием и осторожностью относиться к своему здоровью. И в настоящую минуту позволяю себе от имени Президиума напомнить Вам, что усиленные Ваши занятия в течение последних лет и утомительная заграничная командировка, только что выполненная Вами в интересах Академии наук, настоятельно требуют Вашего полного отдыха...»

В страшное для Карпинского лето восемнадцатого года, когда скончалась Александра Павловна, он так на некоторое время душевно сник и опустел, что не в силах был вернуться в Петроград и приняться за дела; кроме того, добавляло ему неприятности и то, что пришлось влезть в долги: заказ на памятник обошелся слишком дорого. Неожиданно он получил от президиума разрешение на дополнительный отпуск и денежный перевод. Он немедленно откликнулся:

«Благодарю... за возможность провести еще несколько дней на Сиверской и за Ваши хлопоты. Я никак не ожидал получить ни дополнительное жалованье, ни пособие, особенно в таком большом размере. Последнее меня несколько удручает, хотя и сознаю, что без него нескоро мог бы выбраться из долгов, никогда до последнего времени лично для себя мною не делавшихся и всегда лишавших меня покоя».

Александр Петрович не раз говорил, что между подлинными (он выражался: истинными) учеными обязательно — как нечто просто вытекающее из того, что они «рабы истины» — образуются отношения, пронизанные дружбой, симпатией и сердечностью; и он был убежден, что когда-нибудь, когда все станут р а б а м и и с т и н ы, на Земле все переменится, и «народы, распри позабыв, в единую семью соединятся», таково нравственное воздействие науки на человечество. Прообразом тому служили дружба и совместная работа с Владимиром Андреевичем и Сергеем Федоровичем.

Глава 17

«Личность Ленина по-прежнему остается такой же яркой и выпуклой...»

Слова эти из речи Карпинского на вечере, посвященном памяти В.И.Ленина; мы к ней еще вернемся, приведем сейчас только начало ее. Александр Петрович вспоминает, сколько лет прошло со дня смерти В.И.Ленина — четыре — и передает свое ощущение ритма жизни; конечно, ничего похожего за все семьдесят своих дореволюционных лет он бы отметить не смог. «В условиях нашей бурной, полной борьбы и напряженного труда жизни четыре года — не малый срок. С необычайной быстротой несутся события...»

Для человека, которому перевалило на девятый десяток, Александр Петрович проявляет прямо-таки завидную активность! Готовит к переизданию свои труды, встречается с журналистами, вникает во все мелочи академической жизни. В интервью журналу «Огонек» он признается:

«Научных долгов у меня много... Меня всегда интересовали вопросы и объекты проблематического характера. Пока не поздно, я занимаюсь беспристрастным разъяснением разногласий. В будущих спорах мне уже не придется принимать участия».

(Невольно припоминается: «К смерти моей очень прошу отнестись трезво».) Но он вовсе не собирается умирать! Все события, происходящие в этом бурлящем мире, волнуют его. Установлены дипломатические отношения между СССР и США — Карпинский откликается телеграммой в газету:

«Мирное сотрудничество между двумя величайшими республиками мира в противовес наличию явно тревожной обстановки на обоих континентах... послужит большим подкреплением всем тем, кто готов всеми силами добиваться мира между государствами».

Случилось Альберту Эйнштейну в раздраженном тоне отозваться о политике Советского правительства; через некоторое время он отрекся от своих замечаний. Карпинский приветствует это: «Большой человек не должен бояться признания своих ошибок». Ленинградские писатели готовятся к съезду; Карпинский приезжает к ним. «На фронте культуры мы, ученые и литераторы, являемся ближайшими соратниками... Дело писателя

— трудное и ответственное. Точное наблюдение людей и фактов, психологический анализ приближают писателя к научному работнику». Сетует: «Жизнь и работа ученого мало находят себе отражение в нашей литературе».

Самое пристальное внимание, конечно, уделяет он достижениям в разных сферах науки. В одном из интервью (конец двадцатых годов!) он дает точный прогноз:

«Особенных достижений надо ожидать от атомной физики, открытия которой уже и сейчас вышли за пределы человеческой фантазии, в то время как гигантские успехи техники обещают нам практическое использование новых видов энергии».

Памяти В.И.Ленина Карпинский посвятил два выступления. Собственно, одно непосредственно не связано с ленинской тематикой, а посвящено «распространению среди широких масс истинных сведений о выдающихся людях» — вопросом этим серьезно тогда занималась академия, была организована Комиссия по истории знаний, много времени этой проблеме уделял В.И.Вернадский. Александр Петрович напоминает, что «в последнее время академия провела собрания, посвященные памяти гениального рабочего Фарадея, лорда Кельвина, поэта и натуралиста Гёте, Дарвина и других», говорит о влиянии на эволюцию научной мысли «творчества Толстого, Достоевского, Салтыкова, Крылова, Пушкина, способствовавшего развитию нашего богатого русского литературного языка, бытописателей Гоголя и Островского, художников Бруни, Репина, Куинджи, композитора Глинки, мировое значение которого еще далеко не определено, особенно за пределами его родины», наконец, переходит к «преобразователям нашей страны Петру I и В.И.Ленину, к мнению которого о Петре, в противоречие с позднейшими толкованиями, я вполне присоединяюсь».

«Мнение это было выражено по случаю поразительно невежественного переименования Петербурга в Петроград — инициаторы переименования приняли слово «бург» за немецкое, упустив из виду, что оно является международным западноевропейским. Ленин осудил такое переименование... К этому можно прибавить, что своей деятельностью Петр был большевиком...

Я тем более считаю нужным указать на это, что Петр был основателем Академии, а Ленин, совместно с его другом Луначарским, явились защитниками ее от разрухи, неизбежно следующей за большой революцией, как бы ни было справедливо ее возникновение. И Ленин все время содействовал расширению Академии, беспримерному за короткий

срок...»

Сопоставление Петра с «большевиком», конечно, наивно, что, впрочем, вполне простительно для человека, который и слово-то «большевик» впервые услышал, вероятно, только в октябре семнадцатого года. Между прочим, когда в академии возникла большевистская ячейка, то президент посещал ее собрания — и не сидел безучастно, выступал, как о том свидетельствуют черновики, сохранившиеся в его архиве; любопытно привести один из набросков, мы увидим, как глубоко понимал он обязанности членов партии.

«До Октябрьской революции Академия наук была чужда политики... Такой вступила она в новую эру своего существования. Постепенно в ней создалась ячейка Коммунистической партии, в настоящее время развившаяся в значительный коллектив. На последний в первую очередь возложено руководство точным проведением в жизнь тех новых для нашей страны принципов, на которых построена вся советская государственная система. Партия... находится в таком периоде, когда качественные показатели доминируют над количественными. Это касается и пополнения партийного коллектива Академии... И тут и партия, и Академия вправе ждать от него такого же беспристрастия, какое должно лежать в основе научно-исследовательской работы».

Заботе Ленина о развитии науки, укреплении Академии наук была посвящена речь Карпинского на траурном заседании 21 января 1928 года.

«Я обращался к Владимиру Ильичу в служебном порядке, а в некоторых случаях писал ему личные, вполне откровенные письма, где не стеснялся отмечать и те стороны нового, тогда еще только создававшегося строя, которые казались мне неправильными. Из всех решений и распоряжений Владимира Ильича, которые являлись результатом этих сношений и писем, я мог вынести одно твердое убеждение: человеку, который был поставлен во главе правительства громадной страны в эпоху величайшей в мире революции, были особенно близки и дороги интересы науки и культуры.

...Ленин не переставал думать о культурном строительстве и научном росте... Дело, конечно, не только в сохранении ряда научных учреждений и в поддержке научных работников. Великий смысл этой помощи — в глубокой вере в силу научного знания и в то значение, какое оно должно иметь для государственного строительства».

Высокого значения исполнен для Александра Петровича и ленинский завет широкого подхода к вопросам науки и культуры; ему ведь тоже «особенно близки и дороги интересы науки и культуры» — нераздельно,

ибо неразделимы они и в жизни. Вот уже много лет Александр Петрович президент Академии наук, и президентские обязанности для него вовсе не исчерпываются попечением над развитием науки и исполнением того, что требуется по уставу. Для него президент — особый пост «на фронте культурного строительства» — удивительно, как быстро к нему пристала военная терминология, так распространившаяся в то время. Недаром же судьба и вознесла его на этот пост в эпоху небывалой ломки и переоценки всех ценностей.

Не следует думать, что тут хоть малейшее насилие над собой; Карпинский был человеком широких интересов — и к нему невольно тянулись музыканты, художники, писатели. Когда нужно было спасти пушкинскую квартиру на Мойке, то пришли к нему за помощью, и он немедленно принял необходимые меры, и последняя квартира великого поэта была спасена, отремонтирована, превращена в народный музей. Александр Петрович посещал собрания живописцев (из письма Н.А.Морозову, шлиссельбуржцу, с которым Карпинский состоял в добрых отношениях и который по его рекомендации был избран почетным академиком: «...я дал уже слово художнику Бруни и другому художнику, посетившим меня с просьбой присутствовать на... заседании, где я без достаточных оснований состою председателем...»).

К.С.Станиславский, приезжая в Ленинград, любил бывать у Карпинских.

К.С.Станиславский — А.П.Карпинскому, 14 июля 1928 г.

«Я искренно огорчен тем, что перед Вашим отъездом не мог с Вами свидеться, чтобы обнять Вас и поцеловать ручку Вашей дочери. Это произошло потому, что в нынешнем году я работаю один, и сезон наш очень тяжел по срететовкам и вводам новых лиц.

Мне ничего не остается, как письменно обратиться к Вам, чтобы уверить Вас в нашей искренней благодарности за Ваш всегдашний радушный прием и трудную должность председателя, которую Вы берете на себя на этих собраниях.

Верьте, что мы все искренно любим Вас и от всего сердца шлем Вам горячий привет и благодарность».

Композитор Глазунов, живущий теперь в Париже, делится с

Александром Петровичем своими новостями:

«Париж, 4 января 1929 г. Глубокоуважаемый и дорогой Александр Петрович! Хорошо известные Вам Ваши почитатели... сердечно поздравляют Вас и Вашу семью с наступившим Новым годом, а также с приближающимся днем Вашего ангела... 19 декабря я сбыл свой первый концерт в Париже... Концерт прошел весьма оживленно, хотя зал не был переполнен. Причиной тому, я полагаю, было праздничное время и некоторая недостаточность в рекламе, а главное, зал так велик, что вмещает свыше 2000 слушателей и редко бывает заполнен. Оркестр и публика встретили меня радушно и почтительно. Леночке, исполнявшей мой фортепианный концерт, много аплодировали.

Жизнь после концерта протекает несколько однообразно, и временами скучаю из-за отсутствия постоянной работы. В ближайшем будущем предстоит поездка в Лиссабон и Мадрид... Начинаю подумывать о возвращении... Мы о Вас много думаем и помним... Здоровье мое сносно. Сейчас настоящие холода со снегом и даже морозом, что, в сущности, лучше сырой погоды... От своих коллег мало получаю известий. Больше приходят письма с французскими марками. Сейчас встретил Эмиля Кунера, который будет дирижировать русскими операми. Цикл начнется в конце января и обещает быть весьма художественным. Всего, всего Вам лучшего, дорогой Александр Петрович, живите и здравствуйте!»

Много писем приходит — разных, от разных людей, из разных городов и стран; вечерами за чаем он перечитывает их. Потом поднимается на третий этаж, в библиотеку... Открывает том Шекспира («он читал его параллельно с английской историей, читал «Фауста» по-немецки. Летом на даче читали вслух Чехова, Зоценко, Тэффи...»)⁵.

Да, жизнь, полная тревог и напряженного труда, но — счастливая! Он сам осознает это и пытается разобраться, что приносит наибольшее счастье и ощущение устойчивости; приведем отрывки из письма его к Н.А.Морозову, написанного по поводу 75-летия Николая Александровича (бывший тайный советник пишет бывшему государственному преступнику, просидевшему около 25 лет в заключении!):

«Зная по собственному опыту, насколько трудно без перерыва работать до 75-летнего возраста, когда внешние обстоятельства слагаются крайне благоприятно для избранной работы, я тем более удивляюсь работе семидесятилетних людей, жизнь которых протекала в невероятно тяжелых условиях, приводивших иных к душевным заболеваниям или более решительному концу.

...Причину всего этого я вижу в Вашем влечении к научным

исследованиям, в пристрастии к науке, вечной нелицеприятной искательнице истины, без всякой связи с своими личными интересами, интересами различных кругов и сообществ, но полезной, необходимой для всего человечества, для его будущего — не только благополучия, но и возможного существования, ибо без успехов и быстрого развития точной науки известные нам теперь естественные ресурсы могут оказаться недостаточными или иссякнуть.

Научные размышления, преследующие такие возвышенные цели, позволяют переносить личные невзгоды, часто забывать о них, поддерживать бодрое настроение, заставляют мыслить свободно, не стесняясь никакими верованиями и доктринами, никакими авторитетами, покоряясь лишь одной, одной истине».

Тут какая-то едва слышная щемящая нотка выскальзывает в этом повторе: «одной, одной истине» — то ли оттого, что невозможно прожить, покоряясь «одной, одной истине», то ли оттого, что вот она и подходит к концу, жизнь, покорная «одной, одной истине»...

И все-таки он был счастлив! И он был бы вполне счастлив, до самого конца счастлив, если бы одна мысль не тяготила его, одна забота не глодала его, один долг не давил на плечи, требуя исполнения...

Глава 18

Исполнение долга

Как ни крепок он еще физически — бодро ходит, по лестнице бодро взбирается, — он уже стар, а молодым людям кажется прямо-таки допотопным существом: употребляет выражения «днесь» и «осьмнадцать» (и еще какие-то уральские речения, и домашние никак не могут отучить его, одергивают и шипят, а он виновато моргает глазами), не любит перепечатанных на машинке бумаг — и если б это только было возможно, он в машинное бюро посадил бы писаря, которому поручал бы всю деловую переписку и свои рукописи, но перевелись писари! Стыдно признаться, но он не любит (и побаивается) автомобилей — и предпочитает конные экипажи! При академии теперь организован автомобильный парк, и президенту охотно предоставили бы возможность пользоваться легковым «фордом» или «линкольном» — и Евгения Александровна горячо уговаривала его согласиться! — нет же, и все... Уперся. Одно слово: старик, что с него взять.

И потому каждое утро к подъезду подкатывали два экипажа. Нет, Александр Петрович довольствовался одним, ему вполне хватало, а другой предназначался для академика Марра, который страдал той же причудой; запах бензина доводил его до истерики. Марровским экипажем управляла миловидная девушка, владевшая несколькими языками, что, вероятно, было не случайно. Дело в том, что сам Николай Яковлевич знал несметное количество языков и речений и частенько с вечера, засидевшись за книгой, написанной на редчайшем малагазийском наречии, вставши поутру, не знал, на каком языке разговаривать с окружающими; забывал. И естественно, обыкновенный кучер не мог понять, куда везти: в университет, наркомат или академию. Рассказывают, что, бывало, войдя в студенческую аудиторию, он вскакивал за кафедру и два часа без перерыва читал лекцию... из которой никто не мог понять ни слова; сказывалась вечерняя книга. Так что у кучера (кажется, из бывших его студенток) и выхода иного не было, как только овладеть несколькими языками.

Кучер Александра Петровича был совсем особого склада — начать с того, что и в физическом отношении: это, конечно, был мужчина, притом здоровенного роста, краснолицый, происхождением из татар. Шил он с семьей в том флигеле, где сейчас Архив Академии наук, и лошадей с вечера заводил во двор, а поутру запрягал пораньше. Лошади были превосходны,

горячи, и, прежде чем подкатить к президентскому дому, он долго гонял их по набережной, чтобы утомить и успокоить. Зимой на поворотах сани заносило, и, чтобы президент не вывалился, кучер держал его за пояс или загоразживал своей огромной лапицей. Картина эта была так знакома василеостровцам, что они тотчас догадывались: «Президент покатил».

Александр Петровичу был экипаж тем более дорог, что ему пришлось в свое время за него повоевать. В эпоху военного коммунизма его, так сказать, обобществили, что, конечно, доставляло президенту большие неудобства. И однажды он даже вынужден был написать такое сердитое письмо:

«Управляющему делами Академии наук.

По должности президента мне было предоставлено преимущественное право пользоваться принадлежащей Академии лошадью с экипажем. С текущей осени, насколько мне известно, право пользоваться тем же транспортом распространилось на ряд других лиц. 29 октября мною была заказана лошадь к 1/2 2 дня, чтобы доставить меня в Минералогический институт, а затем на заседание Полярной комиссии.

Уже когда кучер ждал меня у подъезда Минералогического института, один из служащих Академии обратился к нему с вопросом, свободен ли он, на что был дан ответ, что лошадь занята на довольно долгий срок. Тем не менее, в 5 часу ко мне на квартиру позвонили, чтобы справиться, освободил ли я лошадь, на ответ же, что нахожусь еще в Академии на заседании, послышался смех и замечание, что никакого заседания в Академии нет.

Предупреждая, что повторение подобного инцидента допущено мной не будет, сообщаю Вам изложенное для соответствующих мероприятий».

Зная мягкий характер Александра Петровича, управляющий по тону письма понял, что он рассержен невероятно, и немедленно произвел «соответствующие мероприятия». Обобществление обобществлением, а на президентский экипаж не посягать. И с тех пор Александру Петровичу никаких неудобств (если не считать критики со стороны дочери, к чему он уже привык) касательно экипажа испытывать не приходилось.

С экипажем, надо сказать, связан один приятный сюрприз, приготовленный для Александра Петровича его поклонниками. В 1932 году академия проводила в Свердловске сессию, посвященную освоению природных богатств Урала и Кузнецкого бассейна. Это была в ы е з д н а я сессия, одна из первых проводившаяся в другом городе, и президент считал себя не вправе оставаться в Ленинграде. Вместе с группой академиков он приехал в Свердловск. На вокзале их ждали машины. А чуть поодаль скромно стоял — читатель уже догадался — экипаж. Притом точная копия

«домашнего». То-то было смеху, то-то удовольствия. Даже кучер похож! Александр Петрович сел и перво-наперво попросил покатать его по городу, с которым связано у него было столько воспоминаний юности...

Известно, что, кроме поездки в Свердловск, Карпинский ездил еще несколько раз в северные районы страны: проводил там совещания, осматривал месторождения. В его возрасте это почти героические походы. И тем более мужественным, другого слова не подберешь, предстает перед нами тот поход (и тут другим словом не назовешь: поход), на который он долго не решался, к которому долго готовился и который наконец совершил...

Так что эти поездки в Свердловск и на Север можно считать пробными, может быть, и сам он бессознательно проверял себя...

Предварения покажутся чуть-чуть комичными, когда мы узнаем, что речь идет всего-навсего о переводе академии в Москву; но для Александра Петровича это был вопрос жизни в самом непосредственном смысле; сейчас разъяснится, почему. Собственно, никто академию не торопил, и в этой неторопливости усматривается огромное уважение, проявленное правительством по отношению к президенту. Вопрос о переводе давно назрел; сам Александр Петрович превосходно обосновал его: «В стране, где под все строительство подводится научная основа, важнейшее значение постоянного нахождения того учреждения, которое является носителем научной мысли, в непосредственной близости к правительству представляется бесспорным».

Правительство в 1918 году переехало в Москву, академия до сих пор оставалась в Ленинграде. Это было для нее крайне неудобно, затрудняло оперативные консультации с государственными органами, замедляло прохождение разных дел и так далее. Приходилось посылать нарочных, заводить переписку, искать третьих лиц и прочее. Академия и правительство должны были быть «в непосредственной близости».

Это было всем ясно, но, повторяем, никто академию не торопил: понимали, что, хотя помощники постараются освободить престарелого президента от множества мелких дел и тысяч вопросов, неизбежно возникающих при исполнении такого громоздкого предприятия, все равно останется множество крупных дел и тысячи вопросов, которые без президента решить невозможно, а это может его просто подкосить, он не выдержит.

Да и самый переезд в другой город — как-то еще перенесет он его, коренной петербуржец? Пусть родом он с Урала, но в Питере прошла вся его жизнь...

Но тут восстал сам президент. Исподволь созрел у него грандиозный план, и он понимал, что должен провести его в жизнь — он, и никто другой; он даже не имеет права умереть раньше, чем закончит все намеченное, потому что новоизбранный президент ведь на первых порах не будет обладать его авторитетом, и может получиться все хуже, чем задумано. Это последнее, что он может сделать для академии. И он должен сделать.

И все же до самого последнего мгновения люди не верили, что он решится покинуть Ленинград! Ну что-нибудь придумает, останется здесь, чтобы здесь умереть: он давно привык смотреть на свою смерть т р е з в о. В конце 1935 года он давал интервью журналисту и на вопрос: «Какое самое заметное событие было в Вашей жизни за истекший год?» — ответил так: «Самым заметным, если не самым крупным, событием в моей жизни за 1935 год надо считать мой переезд в Москву, но потому лишь, что в возможность этого, как я убедился, никто не верил ни в Ленинграде, ни в Москве».

Дескать, в самом переезде нет ничего особенного, но оттого, что все кругом болтали, что он не переедет, это стало заметным событием. Конечно, он скромничал и немного лукавил...

План же, выношенный им, был прост, а вместе с тем необыкновенно смел и обширен. Не переместить академию из одного города в другой хотел он, а, по сути, создать н о в у ю академию, воспользовавшись переводом, «превратить Академию в мощный научный центр», — писал он. «Не только простой переезд, — твердил он на совещаниях, этому посвященных. — Задача: создать в Москве Академию наук, обладающую всей полнотой научной мощи». Вот что он хотел, чего добивался, и т а к о й переезд мог осуществить только он.

Убеждать правительство в правоте его плана не пришлось, идея сразу была подхвачена, ее осуществление поставлено на государственного основу. По убеждать иных академиков, убеждать сотрудников академических институтов пришлось. И Карпинский произносит несколько страстных речей на общих собраниях — как ни вяжется с его обликом, с его возрастом и темпераментом слово «страстный», однако оно наиболее соответствует характеру этих речей.

«Академия наук должна возможно быстро превратиться в Москве в м и р о в о й ц е н т р н а у ч н о й р а б о т ы, — в черновиках-набросках эти слова жирно подчеркнуты, и нам легко представить, с каким митинговым нажимом произнес он их с кафедры. — Сделать это мы должны, исходя из уже имеющегося драгоценного, поколениями создававшегося

академического человеческого коллектива, наибольшего в нашей стране и одного из крупнейших в человечестве. Научный материал должен быть увеличен в чрезвычайной степени — до небывалых нигде размеров, что вполне возможно в нашей стране, в наше время огромных государственных начинаний!»

Не правда ли, тут слышится могучий призыв площадного оратора революционной поры! Но тон сразу же стихает, следует почти интимное обращение к высокообразованной аудитории. «Мы не можем опираться на исторические прецеденты, а должны идти новым путем — их создавать... Переживаемое нами время совершенно исключительно по своему историческому значению. В науке мы переживаем эпоху взрыва. В нашей стране совершается — на фоне мировых движений народных масс забитых и униженных всего мира — социальное переустройство, связанное — достаточно вспомнить — не только с идейным, но и с государственным непризнанием частной собственности».

Примеры переезда академий известны, однако результат их бывал скорее печален. Взять из далекого прошлого, кочевая «судьба Александрийского музеума — величественного центра эллинской научной мысли... Его переход последовательно в ряд городов закончился за пределами тогдашнего христианского мира — в Персии, и закончился полным уничтожением многостолетней великой научно-философской организации... Трагедия этой медленной гибели связана с внутренним перерождением — с победой философских исканий над научными». Тут Александр Петрович опирается на, как он выражается, «примат точного знания», то есть если в научно-философских исканиях какой-либо цивилизации чисто философские проблемы довлеют над естественнонаучными и математическими, то такая цивилизация хиреет. Неудачно закончился и «переход в Лондон Королевского философского общества... То же самое чуть не случилось с Санкт-Петербургской Академией, она бы переехала в Москву, если бы не умер юноша император Петр II».

«Совсем иное — и небывалое — должно быть произведено сейчас».

Таковыми словами заканчивал Александр Петрович свои призывные речи — и они оказывали действие! «Академики должны проявить активность, а не узкую слепую исполнительность», — корит президент. И мы видим, как активность начинает возрастать, идея «овладевает массами», возникают споры, как все лучше сделать, что в первую очередь везти, что во вторую, а следом, словно весенние ласточки, первые приказы и распоряжения... 25 апреля 1934 года Совет Народных Комиссаров принял

специальное постановление о переводе академии в Москву и организовал правительственную комиссию по реализации этого постановления.

Теперь обратного пути не было. Эмиссары катят в столицу подыскивать помещения — вначале для президиума академии. «Дворец в Нескучном саду, — докладывает собранию президент, — не только вполне удовлетворителен, но и обеспечит покойную работу». События развиваются — опять-таки стремительно выходя из рамок биографии одного лица, переходя в область истории — на этот раз даже не академии, а всей страны, потому что перевод академии в столицу стал событием общесоюзным. Чтобы остаться в рамках биографии, следует упомянуть только разработку плана технического перемещения отдельных звеньев — очень трудного для исполнения (тоже ведь беспримерного). Точка зрения президента такова:

«Переезд на ходу нежелателен. Надо иметь мужество приостановить работу на несколько месяцев.

В первую очередь должны переехать Президиум и Секретариат СОПС. Далее в порядке очередности:

Институты, не связанные специфически с Ленинградом.

Оперативные исследовательские институты не музейского типа с устаревшим оборудованием. Они переводятся сразу в лучшие здания, специально оборудованные, и одновременно реорганизуются.

В последнюю очередь крупные институты музейского типа — Зоологический институт, Геологический, Историко-антропологический и другие.

Наиболее ответственна и трудна переброска коллекций».

Уже из этого в высшей степени схематичного плана читатель может уловить, какая грандиозная операция разворачивалась! Похоже, что президент и сам не подозревал, на что посягает и сколь трудная работа предстоит! Да откуда было знать? Но вот уж кое-где застучали молотки, во дворах появились ящики, в лабораториях сдвинуты столы, и на свет божий показались груды хлама, в котором, если покопаться, можно найти предметы двухсотлетней давности... Что же это творится! Вчера еще мнилось — не сбудется это, не доживет он до этого: академия, е г о академия уезжает из Питера! Сам спорил, доказывал, а в глубине души не верил. Но вот уж звонят из железнодорожного управления: первые вагоны поданы, грузите...

Президент бодр, справляется о всех деталях, объезжает на пролетке институты. Мало кто догадывается, как ему грустно. Из Москвы приезжает хозяйственный работник, возбужденно докладывает, какой превосходный

особняк удалось подобрать для Александра Петровича и его семьи. Какие в нем залы, коридоры, окна...

— Да мне, батенька, все равно, какой особняк, — тихо прерывает президент. — Лишь бы с видом на Неву...

В Палеонтологическом музее хранилась богатейшая коллекция ископаемых рептилий, собранная на берегах Северной Двины (в науке она известна под названием «Северо-Двинской галереи»). Александр Петрович давно мечтал заняться по-настоящему ее изучением, частенько приходил полюбоваться редкостными экземплярами. Доходит и до них очередь, начинают упаковывать в ящики. Он приезжает вечерами после работы, сидит наедине с молчаливыми каменными чудовищами. Однажды у него вырывается признание: он боится, что больше не увидит галерею. Умрет раньше, чем ее распакуют в Москве.

Увы, так и случилось.

Между тем там, в столице, шла не менее напряженная работа. Надо было подыскать здания, выселить учреждения, освободить от жильцов, составить проекты перестройки и ремонта и приступить к перестройке и ремонту. Вскоре начали поступать контейнеры с надписью «Академия наук СССР»; во многих находились чувствительнейшие приборы, перевозить их на грузовиках приходилось с величайшей осторожностью. Президент звонил ежедневно: как дела? На Миуссах все готово к приему? (Там разместился Физический институт.) А у Калужской заставы? (Там Геологический.)

В том схематичном плане переезда, который он представил собранию, был еще один пункт: «Академические институты союзного значения могут создаваться не только в Москве и Ленинграде, но и в других крупных центрах. Металлургический институт, например, на Кузбассе. Институт вечной мерзлоты не ближе Иркутска и т.д.». Эта глубокая мысль опередила возможности своего времени; тогда она не могла быть полностью осуществлена. Окончательно распределилось так: в столицу перебрались институты Физический, Математический, Сейсмологический, Энергетический, Геологический, Петрографический, Микробиологический, Общей и неорганической химии, Генетики, Органической химии, Геохимии, Кристаллографии и минералогии, Почвоведения, Физиологии растений, а также Коллоидно-электрохимическая лаборатория. В Ленинграде остались учреждения Отделения общественных наук и институты: Ботанический, Зоологический, Физиологии и некоторые лаборатории. Вот такое разветвленное научное хозяйство являла ныне собой академия! Посмотрел бы Стеклов!..

Когда подсчитали, то оказалось, что понадобится 250 железнодорожных вагонов для перевозки одного только оборудования. Для сотрудников же был приготовлен особый состав.

Глава 19

Прощание с Петербургом

Но прежде чем сесть в него, Александру Петровичу необходимо было «привести себя в порядок» — под этим подразумевалась не более и не менее, как многократно откладываемая глазная операция. Зрение в последние годы стало никудашное. Правый глаз он испортил микроскопом — так, во всяком случае, считалось. Впервые он заглянул в тубус микроскопа ровнехонько 68 лет назад — и он вообще первый в России применил микроскопические исследования в петрографии, а теперь без микроскопа ни один петрографический анализ не обходится. И с тех пор, почитай, каждый день (очень немного дней из шестидесяти восьми лет придется вычестить!) он разглядывает под микроскопом шлифы. Что ж, правый глаз честно потрудился. А на левом развилась катаракта. Конечно, можно было бы полечить их в Москве... да кто знает, какие там специалисты? Уж тут, в Питере, известно, кому довериться. Профессору Протопопову. Блестящий окулист.

И в один прекрасный день профессор Протопопов приехал к Александру Петровичу на квартиру и произвел операцию, о чем сочла даже нужным сообщить пресса («Вчера такому-то и такому-то произведена операция глаза. Она прошла успешно»). Пресса не обманула, действительно все прошло как нельзя лучше; назначено было лежать, а дочери Александре Александровне, взявшей на себя роль сиделки, наказано внимательно следить, чтобы не сорвал повязку.

Прошло еще несколько времени, и повязка была снята, Александр Петрович признан совершенно здоровым, он выглянул в окно — и вдруг увидел свой город освеженным взглядом... так оно и есть после болезни и темноты. И мы, наверное, не ошибемся, если предположим, что он позвонил в академию и попросил прислать пролетку; а когда она приехала, он сел в нее, велел поднять верх и сказал своему татарину:

— Покатай меня, милый, по Питеру...

И они поехали, вначале, конечно, по Васильевскому — непременно к Горному... вот он... эту воронихинскую колоннаду — неподражаемую — он впервые увидел семьдесят девять лет назад... он помнит, как по этим ступеням взбегал Александр Второй, приезжавший навестить кадетов... о, как все это живо помнится!.. И сфинксы — и тоже живое воспоминание: никак он не мог поверить, что они оттуда, из т о г о Египта, из древних

Фив... «И сфинкса с выщербленным ликом над исполинскою Невой...» — как о них сказал современный поэт? А вот уж показался купол Исаакия.

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

А это уж старый поэт сказал... Боже мой, сколько поэзии, сколько музыки и сколько воспоминаний! А теперь, прошу тебя, милый, сверни на мост, дай только обернуться разок на Биржу. Да стегни пегую, она задремала. Так! И помчимся мимо славного Адмиралтейства... а по какой хочешь: по Невскому, по Гороховой, по Вознесенской! Ага, хорошо!

Прочь, прочь, сантименты!.. Надо исполнить долг. И вот в положенный час к перрону Московского вокзала подается подготовленный заранее состав из одних спальных вагонов, и металлический голос из репродуктора объявляет: «Начинается посадка на дополнительный вне расписания поезд Ленинград — Москва!.. Граждане пассажиры, просим вас...»

Паровоз загудел и дернул... И тотчас из купе в купе и из вагона в вагон началось хождение друг к другу в гости. Еще бы, здесь все были друг с другом знакомы, дружны семьями не один десяток лет. Никогда еще, пожалуй, железная дорога не перевозила разом такое количество великих людей науки. Тут ехали Владимир Иванович Вернадский, Сергей Иванович Вавилов, Алексей Алексеевич Борисяк, Владимир Афанасьевич Обручев, Александр Евгеньевич Ферсман...

А всего ехало триста сотрудников академии. Так что за ночь едва успели обменяться визитами и переговорить о самых насущных вещах. Но к утру, как вспоминают участники этого единственного в своем роде рейса, никто не выглядел утомленным. Москва встречала туманом. На площади у Ленинградского вокзала ждала кавалькада легковых машин. Впереди сиял роскошный «линкольн». «Это для президента, это для президента!..» — пронеслось по рядам встречающих и отдалось в толпе пассажиров.

И Александра Петровича почтительно под руки провели к машине.

Следом за ним юркнули в нее его дочери, внучки и внуки.

Как потом выяснилось, таких «линкольнов» было всего шесть на Москву, и то, что один из них отдан в распоряжение президента, составило предмет гордости внуков и внучек.

— Как вас зовут, дорогой? — спросил Александр Петрович шофера.

— Эдуард Мартынович Лабренц, — представился тот.

— Как мы поедем?

— Через Сретенку, по Тверской...

Поскольку это был не экипаж, а всего-навсего автомобиль и рядом сидел не кучер, который на поворотах мог придержать его за кушак или загородить рукой, то Александр Петрович очень внятно попросил:

— Эдуард Мартынович, я вас умоляю везти как можно медленнее... как можно.

— Нет, быстрее, быстрее! — закричали внуки и внучки.

Но Эдуард Мартынович улыбнулся и пообещал покатать их как-нибудь без взрослых и на полной скорости.

На Красную площадь въехали в молчании, и А.В.Балтаева вспоминает, что тут поразил всех какой-то странный стук. Площадь была пустынна в этот ранний час, только у кремлевской стены что-то делала группа людей.

— Реставрация? — спросил Александр Петрович.

— Нет, — помедлив, отозвался шофер. — Кирпич вынимают. Лунку делают. Урну поставят.

Оказалось, кто-то из старых революционеров скончался, готовят место для захоронения урны с прахом в кремлевской стене.

Александр Петрович помрачнел, ушел в себя.

О, он не был суеверен, но в эту минуту напоминание о смерти было неприятно ему. В Ленинграде он почти поборол мрачные предчувствия. У него много дел! Надо готовить том сочинений, посвященных геологии восточного склона Урала. Есть договоренность с издательством. Написать несколько палеонтологических заметок. Немало хлопот будет, пока на новом месте наладится работа академического хозяйства.

И все же...

Близится тысяча девятьсот тридцать шестой год.

А в жизни у него так получалось, что все важнейшие события выпадали на годы с шестеркою на конце.

Родился он в сорок ш е с т о м.

Институт окончил в шестьдесят ш е с т о м.

Академиком стал в восемьдесят ш е с т о м.

Президентом в ш е с т н а д ц а т о м.

Что-то ему готовит тридцать ш е с т о й?

— Дедуля, неужели это наш? Весь наш? — закричали внуки, внучки и дочери. — Такой большой? Только мы? Больше никто?

Машина стояла у крыльца двухэтажного дома.

Она вмиг опустела, зато из окон, из коридоров и уголков, отсюда

невидимых, понеслись восклицания, ахи и восторги.

— Саша, взгляни, какой плафон!.. Боже мой, камин!.. Нет, здесь будет приемная, а Таня с детьми там...

Дедуля вылез из машины и вошел в дом.

Дом действительно был великолепен. В вестибюле расписной плафон: сквозь букеты роз уходящее вдаль небо; поблескивал из черного мрамора камин с зеркалом и канделябрами; широкая лестница вела на второй этаж. Он поднялся по ней. Прихожая, длинный коридор.

— Дедуля, а твой кабинет уже обставлен! Иди сюда!

Он вошел в кабинет. Дубовые стеллажи, еще голые, кожаные кресла. Массивного вида приемник неведомой иностранной марки... В Ленинграде у него был детекторный, собранный и подаренный радиолюбителями — сотрудниками академии...

Он повернул ручку, и комната наполнилась музыкой.

— Дедуля, нет, посмотри, подоконники-то мраморные!

Он погладил мрамор.

— Похоже, ладожский...

Выглянул в окно.

Деревья уже облетели.

Вон клен, ясень, серебристый тополь...

— И гостиная уже обставлена! И малая гостиная! Рояль, дедуля! Евгения, ты все знаешь, это в стиле какого Людовика? И бронзовый столик под телефоном?

Приехали...

Глава 20

1936. Последнее письмо

Академия разрослась сказочно, необыкновенно! Если предположить, что Александр Петрович хотел основать в Москве новую академию на базе старой, используя ее как фундамент, то это вполне удалось; протянув чуточку еще наше предположение, мы можем считать его основателем новой, советской Академии наук. Но уж такое, верно, никак не могло прийти ему в голову! Не потому только, что он был скромен и даже в глубине души своей далек от честолюбивых претензий, но и потому еще, что теперь более чем когда-либо прежде он мог чувствовать себя простым исполнителем, винтиком в гигантской машине, которая была запущена и крутилась, не подчиняясь чьей-то одной воле.

Но академия действительно и очень быстро превратилась в м и р о в о й ц е н т р н а у ч н о й м ы с л и — его мечта сбылась, он мог гордиться! Этому центру еще предстояло найти новые формы своего существования; переезд в Москву ознаменовался целым рядом реформ и принятием нового устава. Небольшие научные подразделения объединялись в крупные (например, Минералогический и Геохимический институты слились и образовали Ломоносовский институт минералогии, геохимии и кристаллографии). Были созданы комиссии — по изучению атомного ядра, по метеоритам, по комплексному изучению Каспийского моря, по ирригации и другие.

Институтов в составе академии было теперь столько, что стало целесообразным объединить их в группы и ассоциации. Так, группа и ассоциация химии включала в свой состав Институт платины, Институт физико-химического анализа, Лабораторию общей химии, Лабораторию органического синтеза и еще четыре лаборатории. Группа и ассоциация геологии состояла из Петрографического, Геоморфологического, Сапропелевого, Геологического, Почвенного институтов, Ломоносовского института, Хибинской горной станции. И так далее. Не станем утомлять читателя подробным описанием организационной структуры, она слишком громоздка.

Но этот могучий центр научной мысли, эта новая академия — она была так непохожа на старую! В ней исчез дух патриархальности. Прежде все академики знали друга друга, друг друга знали и их жены и дети, семьи обменивались визитами — причем независимо от специальностей

палеонтолог дружил с филологом, математик с историком. На общие собрания сходились как на семейные торжества, и он, президент, чувствовал себя главою академического клана, патриархом; не случайно же он любил устраивать заседания у себя дома, за чашкой чаю.

Теперь это было бы невозможно! Даже обширный особняк его не вместил бы всех действительных членов, к тому же большинство их были знакомы друг с другом шапочно. Науки так отделились одна от другой и такие между ними возникли перегородки, что ученые, как они сами говорили, «специализировались». На собраниях в группах и ассоциациях разговор еще мог быть оживленным, а на общих собраниях становится официальным... Наверное, этой незнакомой академии нужен был и другой президент. Наверное. С другими какими-то качествами. И руководить ею по-другому. Кто знает... Прошли времена, когда он, Карпинский, олицетворял собою мудрость академии, ее старость, ее русскую душу, ее седины. Теперь он не олицетворяет старость, он просто стар. Он не олицетворяет историю, он сам ходячая история...

Что же ему остается — сидеть на лавочке в саду? Между прочим, есть свидетельства, что ему полюбилось это занятие, и вечерами ему выносили в сад кресло; неподвижно сидя в нем, он смотрел на закат, догорающий за куполом церкви Параскевы Пятницы... Его особняк чуть наискосок против церкви, по имени которой названа и улица — Пятницкая. Сквозь решетку сада он был виден прохожим: в черной профессорской шапочке, с пледом, брошенным на колени... В таком положении его часто заставал живший на этой же улице будущий искусствовед и журналист В.Б.Иллеш, тогда еще школьник, и, надо отметить, весьма благовоспитанный, потому что никак не решался нарушить покой человека, чрезвычайно его интересовавшего. Наконец не выдержал, в один прекрасный день остановился, откашлялся и, извинившись, спросил:

— Вы служитель культа?

Не без торжественности ответил ему встрепенувшийся старец:

— Да, юный друг мой, культа науки...

Из распахнутого окна в особняке доносилась музыка, слышался смех. На дворе весна тридцать шестого года...

В особняке вообще часто веселились, бывали гости, но веселье было какое-то торопливое и немножко показное. В сущности, к дому не могли привыкнуть, он был слишком просторен, не могли привыкнуть к тому, что в нем живет еще и комендант здания товарищ Зубов (у него была такая должность: он целыми днями сидел в прихожей на втором этаже за столиком), живет кухарка Васена с мужем, но сама готовит редко, а ездит

на «линкольне» и откуда-то привозит очень вкусные и обильные, но все-таки не домашние обеды; живет и шофер с семьей: того уже сам Александр Петрович попросил переселиться и выделил на первом этаже комнату. Вот и выходило, что в особняке не одни Карпинские живут, а еще и чужие люди — и к этому не могли привыкнуть.

И потому, когда все кончилось... никак не выговаривается: когда умер Александр Петрович, хоть и осталось до этого события всего пустяк времени, два месяца... семья Карпинских не захотела остаться на Пятницкой, покинула роскошный особняк и переселилась опять в Ленинград в старую квартиру на бывшей Николаевской набережной, дом 2.

«Дедуля» не изменял своему распорядку: вставал в пять, садился за письменный стол, придвигал к себе кипу книг и бумаг.. но читалось и писалось с большим трудом, глаза видели мутно, операция принесла лишь временное облегчение. Что-то неладное творилось с кишечником. Профессор Лурье и его ассистент доктор Дмитриев — оба они пользовали Александра Петровича в Москве — прописали кучу лекарств и посадили на диету.

Теперь, когда мы обратимся к архиву канцелярии Академии наук и попробуем составить список дел, которыми занимался Александр Петрович в последние полтора года после переезда в Москву, нас поразит не столько их разнообразие и обилие, что вполне понятно в положении президента, сколько то, что они выполнялись почти девяностолетним стариком с сильно пошатнувшимся здоровьем. Стоит привести главные из этого списка.

1935. Начало февраля. В Москве проходит VIII Всесоюзный съезд Советов. Карпинский делегат его, 6 февраля его выбирают членом Центрального Исполнительного Комитета СССР. На следующий день в академии важное совещание, посвященное проблемам развития народного хозяйства Ухта-Печорского края, Югорского Шара и приполярного Урала. Совещание затянулось, окончание его перенесли на следующий день; оба дня Карпинский участвует в нем. На следующий день в академии же открывается конференция по освоению природных богатств Киргизии (а через пять дней, когда закончится эта конференция, откроется аналогичная, но посвященная богатствам Печорского края). Карпинский участник обеих конференций, избирается в президиумы, выступает с речами.

26 марта Геологическая ассоциация академии обсуждает работы Таджикско-Памирской экспедиции; Карпинский произносит вступительное слово на открытии. 9 апреля он едет в Саратов в составе делегации академиков для участия в праздновании 25-летия Саратовского университета имени Чернышевского. Обсуждение проблем, связанных с

освоением Севера, в академии продолжается. Решено образовать комплексную Северо-Двинско-Печорскую экспедицию, включив в состав ее геологов, ботаников, зоологов, экономистов. Руководителем экспедиции назначается Карпинский. Между тем уже несколько месяцев лежит в президиуме академии приглашение из Лондона приехать на празднование 100-летия Геологического общества Великобритании, почетным членом которого Александр Петрович состоит уже несколько десятков лет. Врачи ехать не советуют, но он решает и отвечает согласием. 25 июня вместе с дочерью Евгенией Александровной отбывает в Лондон.

10 июля сэр Роберт Хадфильд, известный металлург и один из руководителей общества, дает завтрак в честь Александра Петровича. На завтраке Карпинский выступает с речью, напоминает о плодотворности научных контактов между русскими и английскими учеными в прошлом, ратует за улучшение англо-советских отношений. Возвратившись в Москву, узнает, что готовится чествование (год выдался богатый на празднования и чествования) Н.С.Курнакова. Бывшему ученику исполнилось 75 лет. Карпинский охотно входит в оргкомитет по проведению юбилея.

В начале сентября в академии проводится международная топологическая конференция. В ней в числе прочих принимает участие польская делегация, возглавляемая президентом Польской академии наук. 12 сентября Карпинский устраивает прием в честь этой делегации. 23 ноября в Совнарком заседании по поводу нового устава. С речью выступает Председатель Совета Народных Комиссаров; Александр Петрович держит ответное слово.

На этом заканчивается список наиболее важных о ф и ц и а л ь н ы х дел, зафиксированных канцелярией президиума. Насыщенный год? Обычный для президента.

1936. Начинается встречей со школьниками, отличниками учебы; их пригласили в академию. Александр Петрович обратился к ним с приветствием. 6 марта открывается совещание руководителей филиалов и баз академии. Создание в стране сети академических центров — давняя и излюбленная мысль Александра Петровича, и он не может не принять самого деятельного участия в совещании. Теперь у академии есть несколько филиалов: Закавказский, Казахстанский, Дальневосточная база, Уральская — они были созданы в 1932 году, а за три года успели окрепнуть, создать внутри себя институты. Но неполадок, неувязок много; руководители и приехали в Москву, чтобы разрешить их. (Пройдет несколько лет, и из филиалов и баз возникнут самостоятельные республиканские академии наук.)

Не успевает закончиться это совещание, открывается сессия академии. Повестка дня серьезнейшая: отчет за проделанную в прошлом году работу, участие в выполнении пятилетнего плана страны. Карпинский выступает в последний день при закрытии сессии, подводит итоги. 21 — 23 марта участвует в расширенном совещании Геологической группы Академии наук: разбирается вопрос геологической изученности СССР и картирования территории. Этому он отдал много труда в бытность директором Геолкома; без его уникального опыта как в таком деле обойтись? Он выступает с речью.

22 апреля принимает в академии министра иностранных дел Норвегии, 23-го едет на совещание в Ломоносовский институт, через несколько дней в академии открывается II конференция по экспериментальной минералогии и петрографии — едет туда. Несколькими днями раньше заседает в первый раз Всесоюзный пушкинский комитет — в разгаре подготовка к столетию гибели поэта. Александр Петрович с прошлого года член Редакционного совета академического издания сочинений А.С.Пушкина. Теперь едет на заседание комитета. Май 1936-го. Сессия Биологической группы академии. Участвует в ней.

Остановимся на этом. Вполне достаточно, чтобы почувствовать ритм жизни старого президента. Вернемся чуточку назад. 28 февраля «Известия» опубликовали его статью, посвященную памяти скончавшегося академика Павлова. Это последний некролог, написанный Карпинским. По воспоминаниям домашних, смерть Павлова сильно подействовала на Александра Петровича. Иван Петрович остался в Ленинграде; прощались тепло, но спокойно. «До встречи!» И вдруг эта неожиданная смерть. Она страшно ударила по сердцу... Ушел последний ровесник. Иван Петрович был всего на три года моложе. Некому нынче сказать: «А помните, какая вьюга была в шестьдесят девятом году!..»

«На роковой стою очереди...»

«И эта беда постигла нас и весь ученый мир, когда мы подходили почти вплотную к важнейшим вопросам, в разрешении которых участие покойного было бы особенно важно». Сохранилось несколько черновых набросков некролога, написанных крайне неразборчиво. «Ожиданиям Академии не суждено было сбыться... На пути... стала его собственная смерть, тяжело переживаемая Академией и всем ученым миром». Он все время пишет о беде, о несбывшихся ожиданиях: какими тайными замыслами или надеждами поделился с ним Павлов? Этого уже никогда не узнаешь... В опубликованном тексте приведенных слов нет, и тон суше, лаконичнее.

В начале лета выехали на дачу.

Дача в Удельном была всем хороша: и просторна, и великолепно обставлена, и сад при ней огромный, но привыкнуть к ней, как и к городскому особняку, как-то не могли. На Сиверской — ведь какая была дача!..

Александра Васильевна Балтаева вспоминает, как однажды Стеклову по срочному делу понадобилось навестить Карпинского. Он доехал по железной дороге до станции, а там нанял кучера «не из нашей деревни».

— Доставь-ка меня, братец, к президенту.. Где-то тут живет.. Тебе лучше знать, чем мне.

«Тот и подкатил к самому красивому, богатому дому под железной крышей. Оба решили, что только в таком доме и может жить Александр Петрович. Там уж им объяснили, как добраться до нашей простенькой хаты».

Простенькая была хата — и угощение простенькое.

«Были грибы и картошка. Владимир Андреевич проголодался и, забывшись, стал есть салат из общей миски. Я фыркнула, а мама рассердилась глазами. Но все сошло гладко. Взрослые часто обрывали меня, чтобы не лезла с детскими своими разговорами, но Владимир Андреевич их останавливал, говорил, что лучшего отдыха, чем разговор с ребенком, трудно представить.

Его сестра Зинаида Андреевна звала его Вовочкой, а я — Стекловочкой...»

О, как давно это было, как давно нет «Стекловочки», и все навсегда изменилось!..

Он часто вспоминал Сиверскую, и как-то вырвалось у него:

— Я хотел бы, чтобы меня похоронили там, рядом с Александрой Павловной.

Но тут же одернул себя:

— Нет... нельзя!

Он и на это желание не считал себя вправе посягать: и после смерти им должна располагать академия — и уж как она сочтет к вящей своей славе...

...Его похоронят в кремлевской стене, и носилки, на которых будет стоять урна с его прахом, понесут вместе с учеными Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и Председатель Совета Народных Комиссаров...

Первого июня он берется в последний раз за перо. Надо написать Вернадскому.

Это письмо лучше всего было бы воспроизвести факсимильным способом. Строчки смяты, горбыли слов выведены печатными буквами... не буквами, каракулями... следы отчаянной борьбы со слепотой...

«Вы знаете, с каким интересом и вниманием я всегда относился к Вашим научным работам. До меня дошли слухи, что скоро состоится Ваш научный 50-летний юбилей, и я хотел бы принять личное участие во всех проявлениях общественного внимания к Вашим научным заслугам и лично поздравить Вас и выразить Вам от всей глубины сердца Вам и всем Вашим (находящимся в Москве и вне ее) горячие задушевные пожелания всего лучшего.

Но я с ч и т а ю с ь больным (подчеркнуто везде им. — Я.К.). Меня заставляют много лежать и удерживают от занятий. Тем не менее я занят почти без отдыха и мысленно и по бессонным ночам. Сильное падение памяти и зрения, бывшими очень острыми, отравляют самое существование... Я хотел бы написать некоторые соображения о возникновении жизни на Земле. Относительно истории нашей Солнечной системы я п о к а разделяю так называемые классические представления Лапласа и Канта, но со многими дополнениями и изменениями, к которым положительная наука нас неизбежно приводит.

Но об этом после, при свидании.

Писать мне трудно: вижу строчки, но не буквы. Это письмо писал с перерывами 3 дня».

Но не все еще сказано, и на четвертый день он снова берется за перо.

«Продолжение письма.

Я слышал, что состоялось заседание Менделеевской комиссии. Я непременно хотел в ней участвовать. Доктор не позволил мне выходить из дома, а мои родные не сообщили о заседании, которое я попросил бы устроить у меня на дому. Мне очень хотелось узнать о представленных на соискание премии работах, касающихся платины (геохимия платины).

Относительно происхождения месторождений платины уральского типа я расхожусь с большинством исследователей, но до сих пор тщетно ищу возражений, черпая иногда из критики только новые доказательства для своих соображений.

Я буду глубоко благодарен Вам, если Вы сможете сообщить мне о результате совещания».

Тут Александру Петровичу приходит в голову, что каракули его совсем стали неразборчивы, и Владимир Иванович затратит слишком много времени, расшифровывая их, и он выводит наискосок через всю страницу печатными буквами:

«Если трудно читать — не читайте, переговорим при свидании».

И все-таки еще не все сказано, и он снова разворачивает сложенный лист и макает перо в чернильницу.

«В новой работе Бетехтина... говорится, что ему посчастливилось изучить глобулярный хромит, тщательно сопровождая свои выводы рисунками. Они, однако, показывают несоответствие его соображениям. Ему неизвестна заграничная литература. И даже исследования Игнатьева...»

Все. Самое насущное сказано.

«Остальное при свидании».

Как-то, когда родные особенно напирала на него, требуя поменьше работать и побережь себя, он сильно рассердился и закричал, срываясь на фальцет:

— Только в могиле ученый перестает работать!

Сад, в котором были и лужайки, и непроходимые заросли, и аллеи, и клумбы, ниспадал к речке Протоке, и, когда хватало сил, он шел до берега, находил пенечек, садился. Лето выдалось на редкость душное, часто полыхали грозы. Развелось много комаров, и окна на даче занавесили марлей. Лурье и Дмитриев ужесточили диету и прописали еще с десятков препаратов, одни из которых он принимал с минеральной водой, другие с компотом после обеда, а третьи ему вводили иглой, для чего на даче постоянно дежурила команда медсестер. А он просил одного лекарства:

— Касторочки бы... Больше ничего.

Но профессор считал, что этого-то как раз нельзя, ибо повредит сердцу, а оно и без того слабое.

Александра Александровна рискнула, улучила момент, когда медсестры его покинули, налила касторки. И впрямь полегчало! Он повеселел, гулял, ел с аппетитом.

Но слабость не проходила.

Его снова уложили в постель.

Его удручало, что около него дежурят, жаловался на медсестер.

— Что я у них один, что ли?

Ночь на пятнадцатое июня выдалась особенно душной. Занимались и гасли зарницы, все собиралась, собиралась и никак не могла разразиться гроза. Александр Петрович метался в постели:

— Сорвите окаянную марлю, задыхаюсь!..

Погасло электричество.

— Немедленно звонить на станцию!.. — забеспокоились родные и

медсестры. — Через полчаса делать укол!.. Раздобудьте хотя бы свечку!..

Вдруг он отослал всех, тихо и внятно, как умел:

— Пусть все выйдут и оставят меня одного.

И его послушались, непонятно почему, и вышли. Когда они вернутся, то найдут его мертвым, и все останутся с неразгаданной тайной его последней воли.

Он был скрытный человек и никого не подпускал к интимным уголкам своей души... а что у человека интимней его прощальной минуты с миром?

Выйдем и мы с ними, не зная еще, каким застанем его, вернувшись в комнату.

Поток писем хлынул в особняк после опубликования в газетах правительственного сообщения о его смерти. Спешили выразить соболезнование артисты, пионеры, руководители государства, ученые, горняки, незнакомые люди.

М е л ь н и к о в П.П., командир Н-ской части, пос. Стрельно, 2-й танковый полк: «Вечером 15. VII в частях нашего гарнизона был проведен траурный митинг... Каждый командир, каждый боец следил за состоянием здоровья Александра Петровича. Для нас, людей рабочего класса, тяжела потеря Александра Петровича».

С удивительной точностью охарактеризовали общественное значение для России деятельности Александра Петровича и его вклад в дело революции известный физик, академик Д.С.Рожественский и его жена, профессор О.А.Добиаш-Рожественская.

Д.С. и О.А. Р о ж д е с т в е н с к и е: «Вспоминается, как восемь лет назад на юбилее Н.Н.Кареева кто-то цитировал ответ на вопрос о его годах одного 73-летнего ученого: ...мне 37 лет. Мгновенно уловив соль ответа, А.П. сказал с лукаво-прелестной улыбкой: «А мне — 18». Ему было тогда 81.

В этом было для нас что-то вроде откровения: да, действительно, ему было тогда и осталось до конца жизни 18 лет, ему, всероссийскому старосте науки, жизнерадостному и полному веры в жизнь, с его милым лицом и серебряной головой.

Ему дано было — в преклонные годы застигнутому творческой бурей — не надломиться ее ураганом, понять ее великое значение, п р и н я т ь ее не извне, но изнутри, встретить ее не с опущенной, но с поднятой головой и с улыбкой приветия вместе с дорогим таким же, как он, молодым Сергеем Федоровичем.

И в том, к а к он сумел принять, был великий шанс для нашей

академии и был шанс для самой революции. И д л я н е е небезразлично было, что в его лице и на его примере она смогла уже в первые дни своего бурного расцвета принять старость и старческую мудрость. И следы этого счастливого сочетания, этой счастливой «встречи», несомненно, чувствуются во многих областях нашей жизни. Потому что и буре нужна тишина, и молодости нужна старость. Но в часы великой спешки нужна «счастливая встреча», чтобы это признать. Судьба, природа и история, а также его собственная мудрость и забота близких дали А.П. жизнь долгую, как бы для того, чтобы выполнить свою прекрасную задачу до конца».

Это изумительное письмо, содержащее выразительную оценку «встречи» мудрого президента с неистовой силой «творческой бури», показывает, что значение Карпинского в истории России и русской революции было понято современниками. Подчеркивание того, к а к о н принял революцию, полно глубокого смысла. Прими он ее не т а к, судьба академии могла бы сложиться по-иному, что, в свою очередь, не могло бы не отразиться на судьбе страны.

В.И. В е р н а д с к и й: «Люди нашего возраста переживают этот уход иначе, чем молодое поколение. Мне хотелось бы, чтобы Вы возможно скоро дали нашей стране «Жизнь и переписку А.П.Карпинского», Вашего отца, к которому Вы стояли так близко всю его жизнь... и этим путем сохранить драгоценный материал для истории русской культуры, в которой А.П. играл такую большую роль... Мы надеемся, этого может ждать наш народ от семьи Карпинских».

К сожалению, завет великого друга Александра Петровича не был исполнен. Переписка не была собрана, многое безвозвратно погибло. Но немало писем сохранилось, они разбросаны по архивам. Их предстоит отыскать и подготовить к печати.

...Как странно и по-своему знаменательно, что последнюю статью Карпинский написал для детей и она вышла в «Юном натуралисте» спустя два месяца после его смерти. Он вспоминал себя ребенком, как, сидя на берегу пруда, слушал бульканье пузырьков газа, вырывающихся из тины.

А 75 лет спустя — у него ведь какие временные расстояния! — принесли ему однажды кусочек породы, отбитый на Южном берегу Крыма. Весь он был покрыт выпуклыми шестиугольными ячейками. Пчелиные соты? Больно велики ячейки. Отпечатки кораллов? Водорослей? Губок? Один из сотрудников утверждал, что это следы древнего дождя.

«А не болотный ли газ, выделение которого я наблюдал в Екатеринбурге?»

Догадка Карпинского оказалась верной.

«Не упускайте же случая наблюдать природу».

«Братство — истинная потребность каждого ученого, — записал однажды в блокноте Карпинский. — Борьба за существование среди людей должна смениться умственным соревнованием».

Войдем же в комнату, чтобы в последний раз взглянуть на его лицо. Оно светло и как будто продолжает источать духовное сияние. О чем думал он в одиночестве?.. Существует поверье, что в предсмертное мгновение проносится пред мысленным взором вся жизнь. Она была у него такая долгая...

И может быть — почему не допустить и такое, — ему вспомнились слова его старого друга Сергея Федоровича Ольденбурга. Тот изучал историю и культуру буддизма и сам немножко проникся духом буддизма и однажды написал:

«Мы, люди, не умираем, а только засыпаем на долгий срок — отдыхаем от труда этой жизни; когда-нибудь, когда мир познает себя, проснемся и мы и воскреснем в этом мировом сознании. Именно мы, наши «я», и приобщимся вполне к жизни мировой, не теряя свою личную...»

Москва — Софрино, 1975 — 1977.

Основные даты жизни и деятельности

1846, 26 декабря (7 января 1847 н.ст.) — Рождение А.П.Карпинского на Урале, Богословский завод (ныне г.Карпинск).

1858, лето — Путешествие в «золотом караване» в Петербург.

7 августа — Поступление в Горный кадетский корпус.

1866, 11 июня — Окончание Горного института в С.-Петербурге с золотой медалью и дипломом инженера. Назначение в Златоустовский горный округ.

1867, 1 августа — Назначение смотрителем Миасских золотых промыслов.

1868, 4 января — По окончании отпуска оставление в Петербургском горном институте.

1869, 11 мая — Публичная защита диссертации.

15 мая — Утверждение в звании адъюнкта Горного института.

1868 — 1872 — Участие (совместно с проф. Н.П.Барбот де Марни) в геологических исследованиях по линиям строящихся железных дорог.

1873, 9 ноября — Женитьба на А.П.Брусницыной.

1876 — Начало широких исследований геологического строения Урала.

1877, 7 мая — Утверждение в должности профессора Горного института по кафедре геологии, геогнозии и рудных месторождений.

1881, 26 сентября — 2 октября — II Международный геологический конгресс в Болонье. Участие в двух подкомиссиях: по унификации геологических обозначений и по унификации геологической номенклатуры.

5 октября — Извещение о присуждении премии конгресса.

1882, 15 марта — Исполнение обязанностей секретаря на первом заседании Геологического комитета. Избрание на должность старшего геолога.

Сентябрь — Выход в свет работы «Замечания о дислокации пород в южной половине Европейской России».

10 ноября — Избрание представителем России в Международной комиссии по изданию геологической карты Европы.

1885, 25 февраля — Назначение директором Геолкома.

28 сентября — 3 октября — III Международный геологический конгресс в Берлине; участие в работе Международной комиссии по унификации геологических обозначений и в комиссии по геологической

карте Европы.

1886, 7 февраля — Единогласное избрание общим собранием Академии наук в действительные члены на степень адъюнкта по геологии.

29 декабря — В торжественном публичном заседании Академии наук читает речь «О физико-географических условиях Европейской России в минувшие геологические периоды».

1888 — Опубликование статьи «О правильности в очертании, распределении и строении континентов».

1889, 4 марта — Единогласное избрание общим собранием Академии наук в экстраординарные академики по геологии.

1891 — Выход в свет монографии «Об аммонейх артинского яруса. Установление принципа «переходности слоев».

1891 — 1907 — Участие в редактировании Словаря русского языка, составляемого Вторым отделением Академии наук.

1892, 29 января — Извещение об избрании в почетные члены Бельгийского геологического общества.

4 марта — Извещение об избрании в почетные члены Киевского общества естествоиспытателей (при университете св. Владимира).

12 августа — Командирование в Швейцарию и Францию для участия в совещании по изданию геологической карты Европы и ознакомления с геологическими учреждениями.

26 ноября — Избрание в члены-корреспонденты Королевского общества наук в Геттингене.

1894, 15 мая — Утверждение в звании заслуженного профессора Горного института.

Весна — Опубликование статьи «Общий характер колебаний земной коры в пределах Европейской России».

29 августа — 4 сентября — Международный геологический конгресс в Цюрихе. Избрание вице президентом конгресса.

1896, 17 апреля — Единогласное избрание общим собранием Академии наук в ординарные академики.

1897, 17 января — Избрание в почетные члены Бельгийского общества геологии, палеонтологии и гидрологии в Брюсселе.

19 мая — Извещение о присуждении Академией естественных наук в Филадельфии почетной медали в память Гайдена.

21 мая — Избрание в действительные члены Американского философского общества в Филадельфии.

20 июня — Извещение об избрании в почетные члены Естественноисторического общества в Мекленбурге.

29 июня — Извещение об избрании в члены-корреспонденты Академии естественных наук в Филадельфии.

9 июля — Извещение об избрании в члены-корреспонденты Академии наук в Вене.

17 — 24 августа — VII Международный геологический конгресс в С.-Петербурге. А.П.Карпинский — президент конгресса.

15 сентября — Избрание в почетные члены Швейцарского общества естественных наук.

1898, 4 февраля — Извещение об избрании в почетные члены Научного общества в Мексике.

27 февраля — Избрание в почетные члены Болонской академии наук.

5 мая — Избрание в члены-корреспонденты Лондонского геологического общества.

20 августа — Избрание в иностранные члены Национальной академии в Риме.

13 декабря — Избрание в иностранные члены Бельгийской академии.

1899, 9 февраля — Избрание директором С.-Петербургского минералогического общества.

1 мая — Назначение общим собранием Академии наук в состав Комиссии по вопросу об авторском праве на литературные, музыкальные и художественные произведения.

Выход в свет монографии «Об остатках едестид...». Разгадка проблематического ископаемого «геликоприона».

29 октября — Командирование во Францию для участия в совещаниях Международной петрографической комиссии в Париже.

17 ноября — Извещение об избрании в члены-корреспонденты Баварской академии наук в Мюнхене.

29 декабря — Награждение румынским орденом Короны Командорского креста и японским орденом Священного сокровища I класса.

1900, 16 — 27 августа — VIII Международный геологический конгресс в Париже. Участие в составе Бюро конгресса.

1902, 30 января — Извещение об избрании ординарным иностранным членом Лондонского геологического общества.

Сентябрь — Участие в заседании VI Международного конгресса по гидрологии, климатологии и геологии в Гренобле (Франция).

1903, 19 марта — Извещение об избрании в почетные члены Академии наук, литературы и искусства в Ачиреале (Сицилия).

28 апреля — Увольнение согласно прошению от должности директора

Геологического комитета с присвоением звания почетного директора.

11 июля — Награждение шведским орденом Полярной звезды командорского креста I класса со звездой за участие в организации экспедиции 1902 года по градусному измерению на островах Шпицбергена.

20 — 27 августа — Участие в работе IX Международного геологического конгресса в Вене.

1904, 25 — 27 мая — Участие в съезде Международной ассоциации академий в Лондоне.

24 июля — Избрание председателем Постоянной комиссии для выдачи пособий нуждающимся ученым, литераторам и публицистам.

16 — 22 августа — Участие в IV съезде Международной ученой воздухоплавательной комиссии.

1906 — Выход в свет монографии «О трохилисках».

1908, 23 января — Представление к избранию (совместно с другими академиками) адъюнкта В.И.Вернадского в экстраординарные академики по минералогии.

1910, 5 — 12 августа — XI Международный геологический конгресс в Стокгольме. Избрание в Комиссию по изданию стратиграфического лексикона.

1911, 10 декабря — Избрание в состав Комиссии по сооружению в Петербурге памятника Ломоносову и постройке Ломоносовского института.

1913, 12 сентября — XII Международный геологический конгресс в Торонто (Канада). Участие в Комиссии по выработке статута международных конгрессов.

1915, 21 января — Избрание членом Комиссии по вопросу об исследовании естественных производительных сил России.

25 февраля — Избрание в состав Комиссии по охране памятников старины в районе военных действий.

1916, 18 февраля — Присуждение Лондонским геологическим обществом почетной медали Волланстона за геологические и палеонтологические работы.

15 мая — Назначение исполняющим обязанности вице-президента Академии наук.

26 декабря — Чествование по случаю 70-летия со дня рождения и 50-летия научной деятельности.

1917, 15 мая — Избрание общим собранием Академии наук в президенты Российской академии наук на пять лет.

18 мая — Сообщение об учреждении при Академии наук фонда имени

Карпинского для поддержания научных учреждений. Избрание пожизненным председателем фонда.

Конец октября (начало ноября н.ст.) — первые контакты с народным комиссаром по просвещению А.В.Луначарским.

1918, 16 апреля — Записка президента Академии наук А.П.Карпинского в Совет Народных Комиссаров о нуждах академии.

18 мая — Письмо президента Академии наук А.П.Карпинского на имя народного комиссара по просвещению А.В.Луначарского. Отношение президента в Совет Народных Комиссаров.

15 июля — Кончина жены Александры Павловны.

26 ноября — Избрание председателем Особой комиссии для пересмотра устава Академии наук.

1919, 15 января — Председательство в выборной комиссии для баллотирования Е.С.Федорова в действительные члены Академии наук.

6 декабря — Избрание членом Комиссии о вопросу о положении Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам.

Опубликование статьи «К тектонике Европейской России».

В серии «Классики естествознания» выходит книга «Очерки геологического прошлого Европейской России».

23 декабря — Декрет СНК об улучшении положения научных специалистов.

1921, 12 декабря — Присуждение Парижской академией наук премии вмени Кювье.

1922, 14 января — Постановление об издании сборника в честь А.П.Карпинского к 75-летию со дня рождения.

Выпуск № 3 — 5 журнала «Природа»), посвященного А.П.Карпинскому.

1924, 12 февраля — Извещение об избрании почетным членом Геологического общества в Вене.

19 ноября — Командирование за границу для ознакомления с последними достижениями геологии в Европе.

1925, 4 — 7 сентября — Празднование 200-летия Академии наук. Речь на торжественном заседании.

19 декабря — Избрание иностранным членом Академии естествоиспытателей в Галле.

1926, 20 января — Постановление Академии наук об изготовлении золотой и бронзовой медалей с изображением А.П.Карпинского.

20 февраля — Чествование Академией наук 60-летия научной

деятельности, 40-летия со дня избрания в академики и предстоящего 80-летия со дня рождения.

24 — 31 мая — XIV Международный геологический конгресс в Мадриде. Избрание в члены Бюро конгресса.

17 июня — Избрание почетным членом Академии наук в Специи (Италия).

1927, 10 февраля — Вступительное слово на торжестве открытия квартиры А.С.Пушкина (по поводу 90-й годовщины со дня смерти).

1928, 18 марта — Избрание почетным членом Всероссийского литературно-драматического и музыкального общества имени А.Н.Островского.

27 мая — Избрание членом Академии наук в Турине.

10 сентября — Выступление с речью на праздновании 100-летнего юбилея со дня рождения Л.Н.Толстого.

1931, лето — Поездка в Италию. Участие в годовом заседании Академии наук в Риме в качестве ее иностранного члена.

1933, 5 — 20 июня — Поездка в Северный край в составе бригады Академии наук.

23 сентября — Выступление с речью на торжественном заседании в Институте русской литературы, посвященном памяти И.С.Тургенева.

1934, 23 января — Вступительное слово на открытии Чрезвычайной сессии Академии наук, посвященной памяти В.И.Ленина.

26 июня — Выступление с речью на первом заседании президиума Академии наук в Москве.

28 июня — Прием А.П.Карпинского Председателем ЦИК СССР М.И.Калининым.

1935, 6 февраля — Избрание членом Центрального Исполнительного Комитета СССР на VIII Всесоюзном съезде Советов.

Лето — Поездка в Англию.

28 сентября — Избрание в состав Редакционного совета академического издания сочинений А.С.Пушкина.

1936, 17 января — Выступление на встрече московских школьников с академиками.

14 — 19 марта — Участие в заседаниях на сессии АН СССР.

19 апреля — Выступление с речью на X Всесоюзном съезде ВЛКСМ.

15 июля — Кончина А.П.Карпинского в Удельном под Москвой.

16 июля — Правительственное сообщение о смерти А.П.Карпинского. Письмо с соболезнованием Генерального секретаря ЦК ВКП(б) и Председателя Совета Народных Комиссаров СССР семье Карпинского.

17 июля — Похороны А.П.Карпинского на Красной площади в Москве.

18 июля — Постановление Совета Народных Комиссаров СССР об увековечении памяти А.П.Карпинского.

Краткая библиография

Труды А.П. Карпинского

- Собрание сочинений. Т. I — IV. М.-Л., 1945 — 1949.
- Авгитовые породы деревни Мулдакаево и горы Качканар на Урале. — «Горный журнал», 1869, т. II, № 5.
- Геологические исследования от Курска через Харьков до Таганрога (совместно с Н.П.Барбот де Марни). — «Горный журнал», 1870, т. IV, № 11.
- О возможности открытия залежей каменной соли в Харьковской губернии. — «Горный журнал», 1870, т. III, № 9.
- Геологические исследования в Оренбургском крае. — Записки С.-Петербургского минералогического общества, 1874, ч. 9.
- Курс геогнозии (литографированное издание). Спб., 1879.
- Описание главнейших горных пород (литографированное издание). Спб., 1879.
- Геологические исследования и каменноугольные разведки на восточном склоне Урала. — «Горный журнал», 1880, т. III.
- Об образовании горных кражей. — Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей, 1883, т. XIII, вып. 2.
- Замечания о характере дислокации пород в южной половине Европейской России. — «Горный журнал», 1883, т. III, № 9.
- О правильности в очертании, распределении и строении континентов. — «Горный журнал», 1888, т. 1, № 2.
- Об аммонейх артинского яруса... Спб., 1890.
- Геологическая карта Европейской России (совместно с С.Никитиным и др.). Спб., 1893.
- Об остатках едестид... Спб., 1899.
- О трохилисках. Спб., 1906.
- К тектонике Европейской России. «Известия АН». — VI серия, 1919, т. XIII, № 12-15.
- Очерки геологического прошлого Европейской России. Пг., 1919.
- Накануне третьего столетия. — «Известия ЦИК», 1925, 5 сентября.
- Памяти Ньютона. — «Ленинградская правда», 1927, 22 марта.
- Краткие воспоминания о Горном институте за период 1858 — 1866 гг. — Записки Горного института, 1928, т. VII, вып. 2.
- Союз науки и труда. — «Огонек», 1928, № 6.
- Истинный друг науки (О М.Горьком). — «Вечерняя красная газета», 1931, 14 мая.

Литература и наука. — «За социалистическую науку», 1932, 12 августа.

Как я разгадал одну загадку природы. — «Юный натуралист», 1936, № 8.

Литература об А.П. Карпинском

Бетехтин А.Г. Работы А.П.Карпинского по изучению рудных месторождений Урала. — «Известия АН СССР», серия геологии, 1947, № 1.

Болдырев А.К. Работы А.П.Карпинского в области минералогии и учение о месторождении полезных ископаемых. — Записки Всероссийского минералогического общества, 1937, вып. 1.

Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. М., 1965.

Борисяк А.А. Карпинский в палеонтологии. — «Природа», 1936, № 10.

Геккер Р.Ф. Карпинский и изучение проблематичных окаменелостей. — Бюллетень Общества испытателей природы, отделение геологии, 1949, т. XXIV.

Горбунов Н.П. Как работал Владимир Ильич. Сборник статей и воспоминаний. М., 1933.

Давиташвили Л.Ш. Карпинский как палеонтолог. — «Известия АН СССР», серия геологии, 1947, № 1.

Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. М., «Наука», 1971.

Жемчужников Ю.А. Молодой Карпинский и его творческий метод. М., 1953.

Кавадеров И.Л. Воспоминания о Горном корпусе. — «Русская старина», 1905, т. СХІІІ.

Клеопов И.Л. Геологический комитет. М., 1964.

Кольцов А.В. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л., 1969.

Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974.

Косыгин Ю.А. Академик Карпинский — основатель школы русских геологов. М., 1950.

Кумок Я.Н. Губкин. М., 1968.

Кумок Я.Н. Евграф Федоров. М., 1971.

Ленин и Академия наук. Сборник документов. М., 1969.

Личков Б.Л. Карпинский и современность. М.-Л., 1946.

Луначарский А.В. К 200-летию Всесоюзной академии наук. — «Новый мир», 1925, № 10.

Наливкин Д.В. Карпинский и Урал. — «Природа», 1936, № 10.

Обручев Д. Изучение едестид и работы Карпинского. М., 1953.

Организация науки в первые годы Советской власти. Сборник документов. М.-Л., 1925.

Ферсман А.Е. Ленин и изучение производительных сил. — «Партийное строительство», 1940, № 10.

Яковлев Н.Н. Работы Карпинского по палеонтологии. — Записки Всероссийского минералогического общества, 1937, вып. 1.

Карпинский А.П. 1846 — 1936. Библиографический сборник. М.-Л., 1936.

Словарик геологических терминов, употребляемых в книге

Авгит — минерал, встречается в вулканических породах.

Аммоноидеи — обширный вымерший отряд класса головоногих. Обитали в морях. Имели раковину, свернутую в спираль. Аммониты — более молодая группа аммоноидей.

Антиклиналь — складка изгибом вверх, пласты от него падают в обе стороны.

Антиклинорий — крупная и сложная структура протяженностью иногда на сотни километров, общее строение которой напоминает антиклиналь.

Архейская эра — древнейшая эра в геологической истории Земли. Некоторые породы ее имеют возраст до 3 млрд. лет. Архейскую эру и архейскую группу пород сокращенно называют «архей».

Балтийский щит — группа взаимосвязанных кристаллических пород, развитых на территории Финляндии, Карелии, Кольского и Скандинавского полуостровов.

Благородные металлы — стойкие к химическим воздействиям и ценные металлы. К таковым относятся золото, серебро и платина.

Век — в геологии промежуток времени, часть геологической эпохи.

Виды симметрии — полные совокупности элементов симметрии кристаллических многогранников.

Возраст геологический абсолютный — время, протекшее от какого-нибудь геологического события до наших дней; исчисляется в миллионах и тысячах лет.

Возраст геологический относительный — время какого-либо геологического события по отношению ко времени другого геологического события. Измеряется в условных геологических единицах времени: эрах, периодах, эпохах и веках.

Выветривание — совокупность физических и химических процессов, действующих разрушительно на минералы и горные породы.

Вымирание — в палеонтологии, местное и частное или окончательное и повсеместное исчезновение отдельных видов, родов и более крупных систематических категорий животного и растительного царств в геологической истории.

Выход — в геологии, проявление (по-другому говоря: обнажение) слоя, пласта на дневной поверхности или в горной выработке.

Геликоприон — ископаемая рыба из группы примитивных акул. Как установил А.П.Карпинский, имела высовывающийся из рта спиральный стержень с пластинками-зубами.

Генезис — в геологии, происхождение каких-либо геологических образований: горных пород, месторождений, пластов, складок и т.д.

Геологическая карта — графическое изображение на топографической карте условными знаками (раскраской, штриховкой, буквенными индексами и т.д.) геологического строения местности.

Геологическая съемка — один из основных методов изучения геологического строения местности. Включает в себя составление геологической карты и тщательное изучение естественных обнажений горных пород, результатов бурения и пр.

Геологический разрез — графическое изображение изменений геологического строения местности с глубиной.

Геофизика — наука о физических процессах и связанных с ними явлениях, происходящих в твердой, жидкой и газообразной оболочках Земли.

Геохимия — наука о химическом составе Земли и законах пространственного и хронологического распространения, сочетания и движения химических элементов.

Геохронология — подразделение геологического времени на условные отрезки (эры, периоды, эпохи, века), расположенные в определенной последовательности.

Горизонт — в стратиграфии, небольшой мощности толща с какой-либо четко выделенной геологической особенностью.

Горные породы — плотные или рыхлые природные образования (агрегаты), слагающие земную кору. Состоят из минералов либо минералов и обломков других пород.

Драгоценные камни — минеральные тела, встречающиеся редко и в малом количестве, обладающие красивой расцветкой или особой прозрачностью, блеском, твердостью и способностью принимать огранку и полировку. Наиболее ценимые драгоценные камни: алмаз (в граненом виде — бриллиант), рубин, сапфир, изумруд, александрит, благородная шпинель, эвклаз.

Летосчисление геологическое — определение возраста геологических событий, горных пород или организмов, существовавших на Земле. Может быть абсолютным или относительным.

Лопастная линия — линия, по которой перегородки раковины головоногих (в частности, аммоноидей) соединяются с ее внутренней поверхностью (другое название: сутурная линия).

Магма — расплавленная огненная масса из глубин Земли. При остывании образуются различные магматические породы.

Магнитные аномалии — заметные отклонения показателей магнитного поля в данной местности от теоретически нормальных значений.

Мезозойская эра — четвертая эра от начала геологической истории Земли. Разделена на три периода: триасовый, юрский и меловой. Сокращенно мезозойскую эру и группу пород, образовавшихся в это время, называют «мезозой».

Меловой период — последний из трех периодов мезозойской эры, продолжался примерно 40 — 50 млн. лет. Сокращенное название «мел».

Моллюски — тип животных, большей частью обитающих в воде. Характерна для них раковина. Органом движения служит мускулистый вырост брюшной стороны тела.

Мулдакаит — сланцевая порода, впервые описанная А.П.Карпинским на Урале близ деревни Мулдакаево.

Номенклатура — определенная система общепринятых наименований объектов, процессов и явлений в геологии.

Образец — кусок горной породы или минерала, часть организма, а также отдельные минералы или организмы, взятые для изучения.

Определение палеонтологическое — установление принадлежности ископаемого организма к какому-нибудь уже известному в палеонтологии виду или установление нового вида и, следовательно, нового видового названия.

Опробование — специальные геологические исследования, проводимые для отбора проб с целью определения качества полезного ископаемого.

Осадки — в геологии, продукты, отложившиеся в водной среде в результате физических, химических и биологических процессов, но еще не ставшие горными породами.

Палеоботаника — отрасль палеонтологии, изучающая древний растительный мир, строение, распространение и историю развития растений прошлых геологических эпох.

Палеогеография — отдел исторической геологии, изучающий физико-географические условия прошлых геологических эпох: распределение морей и континентов, рельеф суши и дна морей, климат, а

также изменение этих условий во времени.

Палеозойская эра — третья эра от начала геологической истории Земли. Продолжительность ее 300 — 350 млн. лет. Делится на периоды: кембрийский, ордовикский, силурийский, девонский, каменноугольный и пермский.

Палеозоология — отрасль палеонтологии, изучающая животный мир прошлых геологических эпох и историю его развития.

Палеонтология — биологическая наука, изучающая по ископаемым остаткам организмов и следам их жизнедеятельности историю развития растительного и животного мира прошлых геологических эпох.

Пермский период — последний период палеозойской эры продолжительностью 25 — 30 млн. лет. Сокращенно этот период и его геологические отложения называют «пермь».

Петрография — наука, занимающаяся описанием горных пород в отношении их минералогического и химического состава, структуры и происхождения.

Пласт — геологическое тело, сложенное однородной осадочной породой приблизительно одинаковой по мощности. Площадь пласта обычно велика.

Протерозойская эра — вторая эра от начала геологической истории Земли. Продолжительность ее 600 — 800 млн. лет. Сокращенно ее и геологические отложения, образовавшиеся в это время, называют «протерозой».

Разведка — в геологии, комплекс работ, проводимых с целью промышленной оценки месторождения. Включает в себя бурение, детальные геологические съемки, разного рода химические анализы и прочее.

Разрывные нарушения — изменения в залегании горных пород, вызывающие разрыв сплошности геологических тел.

Свита — комплекс пород с характерными для всех особенностями, образовавшийся в одном регионе в определенных условиях.

Силурийский период — третий период палеозойской эры продолжительностью около 40 — 45 млн. лет. Сокращенное название «силур».

Синклиналь — складка изгибом вниз; в ядре обычно более молодые породы.

Синклинорий — крупная структура, общими очертаниями напоминающая синклиналь.

Складки — волнообразные изгибы пластов горных пород.

Антиклинали и синклинали — два типа складок; всего же их насчитывается много.

Слой — часть толщи или пласта, выделившаяся вследствие изменившихся условий осадкообразования.

Тектоника — раздел геологии, изучающий движение земной коры, формы залегания горных пород и историю их развития.

Трансгрессия моря — наступание моря на сушу. Наиболее крупные трансгрессии обусловлены опусканием земной коры.

Триасовый период — первый период мезозойской эры продолжительностью около 30 — 35 млн. лет. Сокращенное название «триас».

Федоровский метод — наиболее точный и универсальный метод исследования кристаллического вещества, введенный Е.С.Федоровым. Исследование кристаллов ведется при помощи особого прибора, так называемого «федоровского универсального столика».

Шлиф — тонкая пластинка минерала или горной породы, приспособленная для изучения под микроскопом.

Элементы симметрии — вспомогательные геометрические образы (точки, прямые, плоскости), с помощью которых характеризуется симметрия фигур.

Юрский период — второй период мезозойской эры продолжительностью 25 — 35 млн. лет. Сокращенное название его и геологических отложений этого периода «юра».

Ярус — совокупность пород, образовавшихся в течение геологического века, с определенным комплексом ископаемой фауны и флоры.

От автора

С первыми словами благодарности хочу обратиться к Р.Ф.Геккеру и В.Д.Есакову. Профессору Р.Ф.Геккеру я обязан множеством замечаний, касающихся научного творчества А.П.Карпинского, особенно ценных оттого, что сколько-нибудь развернутого комментария к творческому наследию А.П.Карпинского нет.

В.Д.Есаков взял на себя труд выверить исторический фон, охватывающий не одну, а несколько эпох в жизни страны (разумеется, в своеобразном преломлении через биографию А.П.Карпинского). В соответствии с советами В.Д.Есакова была пересмотрена композиция второй части книги.

По некоторым аспектам истории геологической науки я обращался за консультацией к академику В.И.Попову.

Щедро делилась своими воспоминаниями внучка А.П.Карпинского А.В.Балтаева. Помогал материалами профессор И.И.Шафрановский. В подборе литературы принимала участие И.Ф.Волк. Как всегда, предупредительно встречали и помогали в архивных поисках работники архива Академии наук СССР.

Всем — большое спасибо!

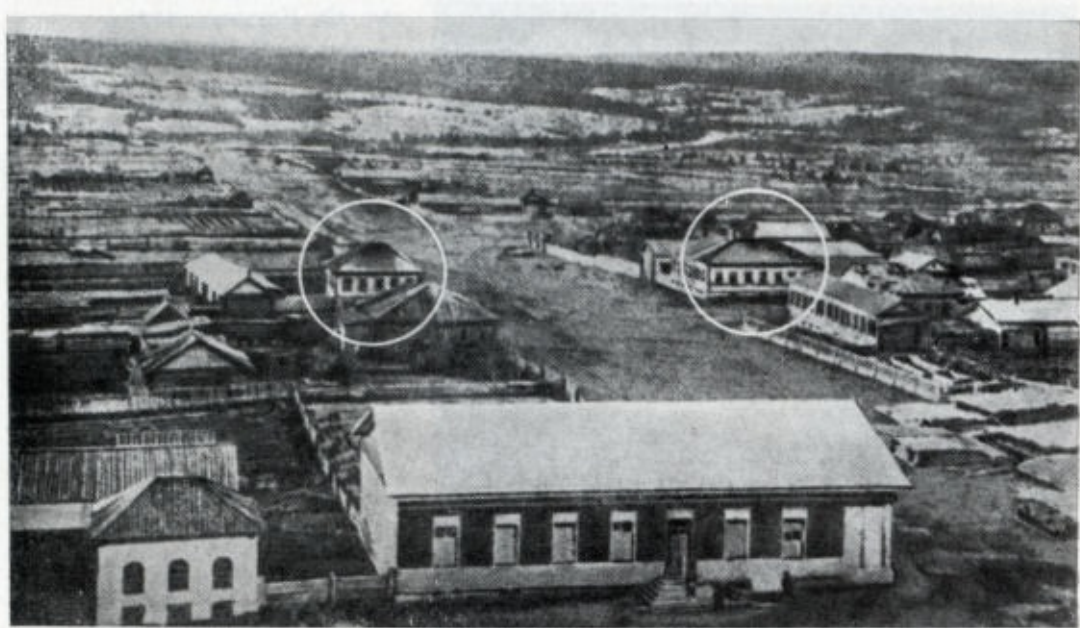
Иллюстрации

М. Ф. Карпинская —
мать А. П. Карпинского.

П. М. Карпинский —
отец А. П. Карпинского.

Поселок Туринские рудники. Слева: дом, где родился А. П. Карпинский. Справа: дом, где родился А. С. Попов, изобретатель радио.

Братья Карпинские, кадеты Горного корпуса.

А. П. Карпинский — кадет Горного института. 1864 г.

Горный институт.

Н. П. Барбот де Марни.

В. Г. Ерофеев

А. П. Карпинский — адъ-
юнкт Горного института
1869 г.

Златоустовский горный
округ.

А. П. Карпинский — профессор Горного института.

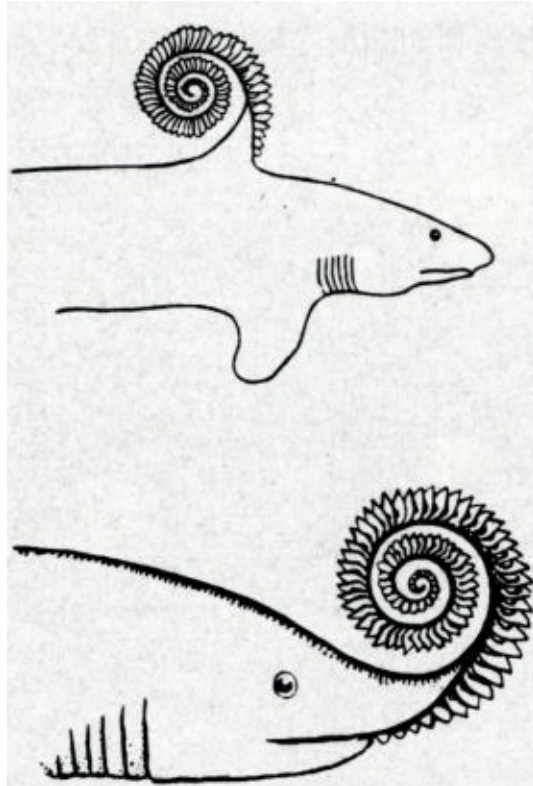
Члены Присутствия Геологического комитета. Слева направо: С. Н. Никитин, Ф. Б. Шмидт, Ф. Н. Чернышев, А. О. Михальский, Н. И. Лебедев, Е. С. Федоров, А. А. Краснопольский, А. П. Карпинский, И. В. Мушкетов. 1892 г.

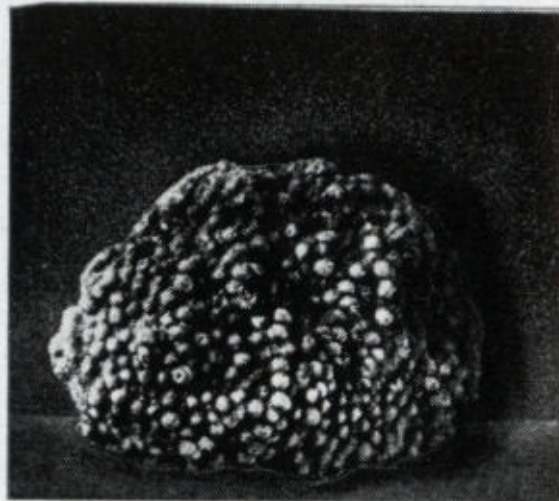
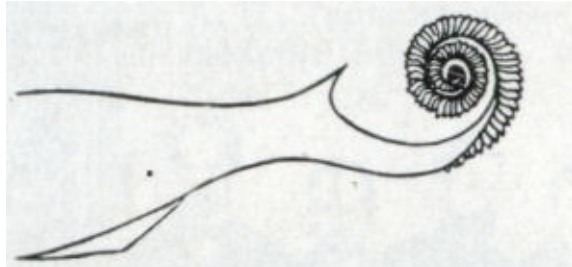
А. П. Карпинский среди
сотрудников Геолкома.

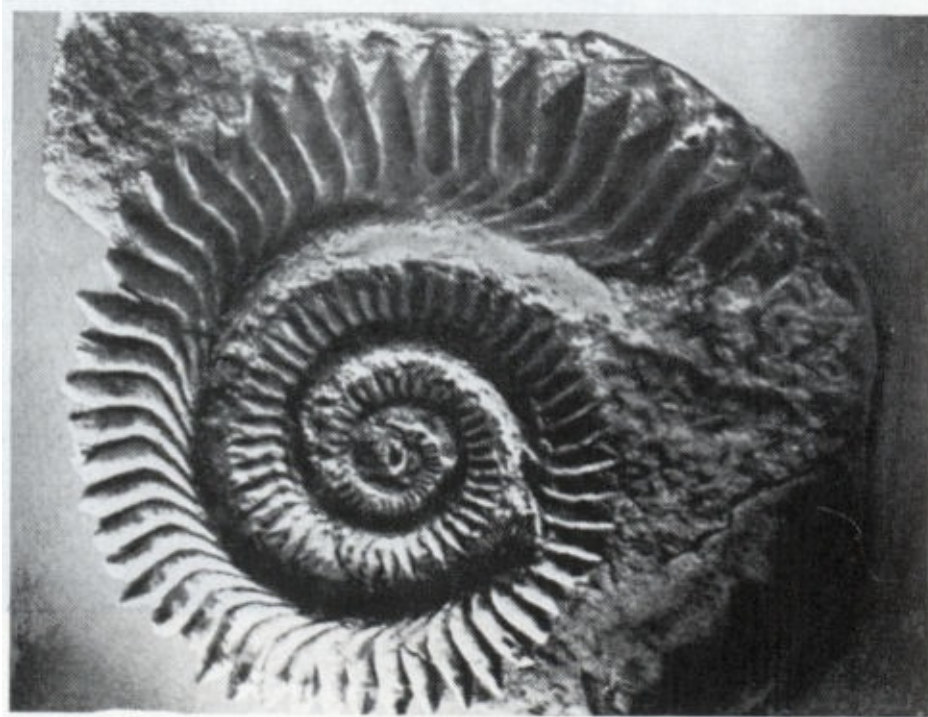
Дворец геологии — здание Геологического комитета (теперь ВСЕГЕИ).

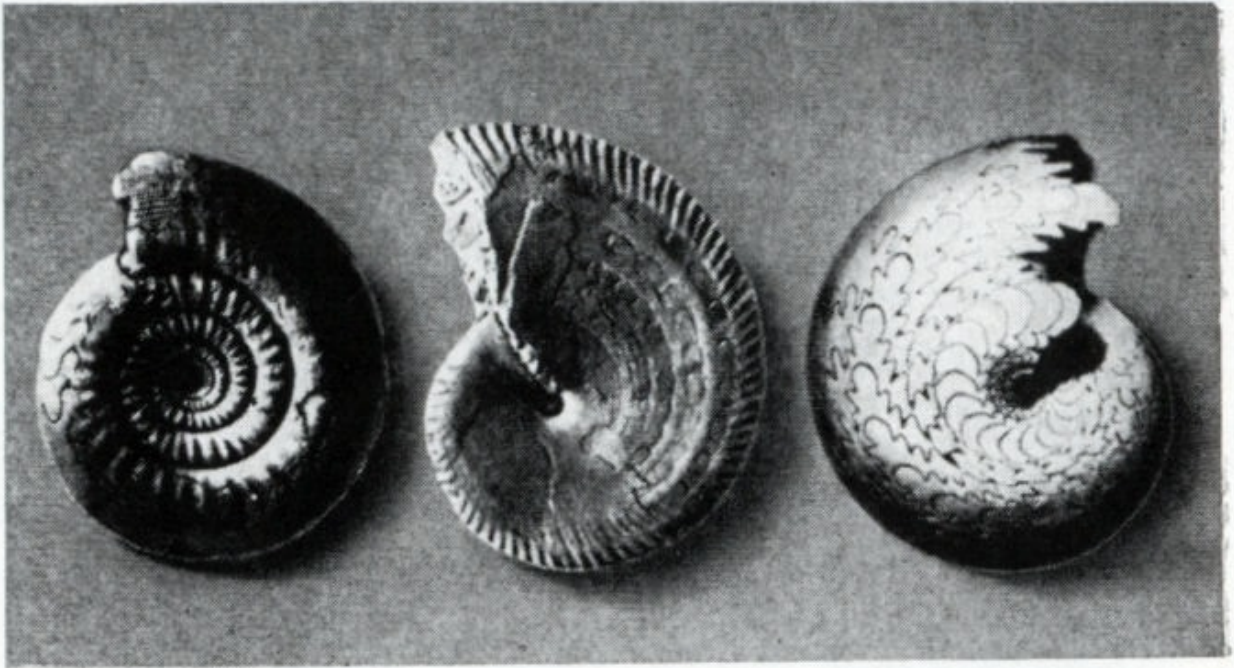
Зубная пила геликоприона.
Внизу: прикрепление от-
ростка геликоприона (ре-
конструкция Карпинского).

Трохилиски.

Геликоприон.

Артинские аммониты

А. П. Карпинский во время поездки на Север.

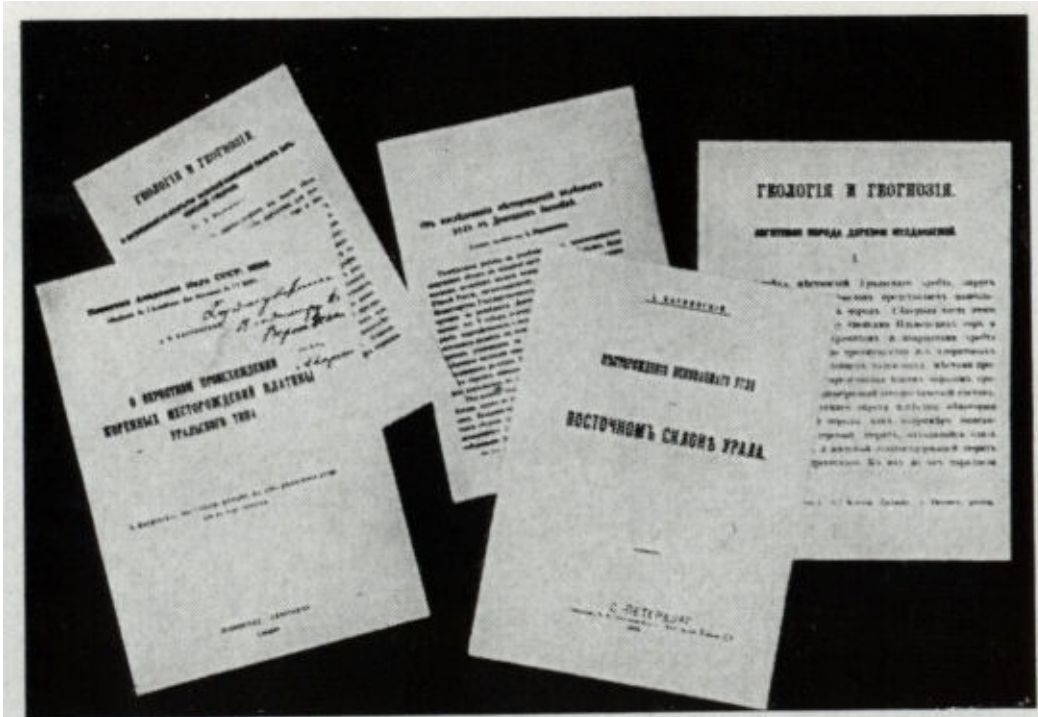
Медали Волластона и Гайдена, присужденные А. П. Карпинскому Лондонским геологическим обществом и Академией естественных наук в Филадельфии (США).

Академия художеств. Университет и Академия наук
(с л е в а). Гравюра XVIII в.

Здание Академии наук в Ленинграде.

Труды А. П. Карпинского.

А. П. Карпинский и
А. Е. Ферсман в Мине-
ралогическом музее АН
СССР.

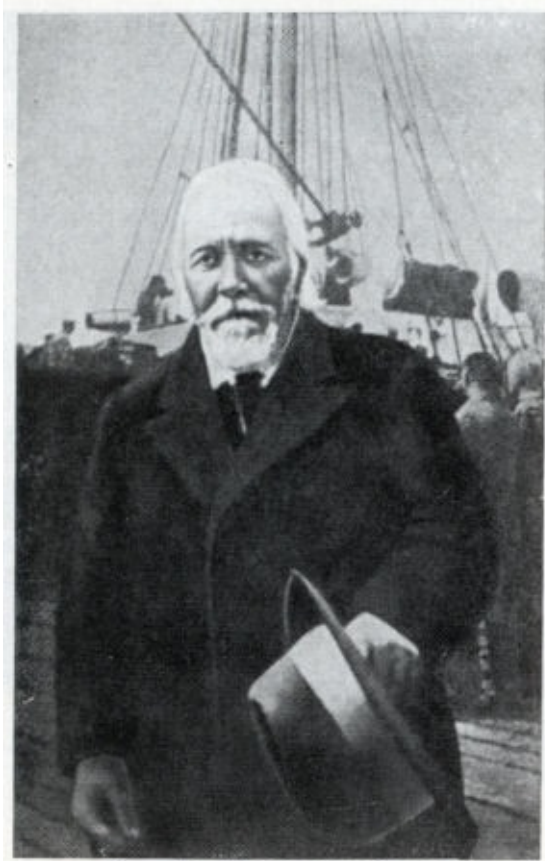
А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов.

В. И. Ленин в своем рабочем кабинете в Кремле. 1918 г.

А. П. Карпинский и Г. М. Кржижановский.

А. П. Карпинский возвращается из заграничной поездки. 1930 г.

А. П. Карпинский и
А. В. Луначарский среди
артистов Московского
Художественного театра.
1931 г.

Выступление Карпинского на X съезде ВЛКСМ.

Медаль имени А. П. Карпинского, учрежденная АН СССР за выдающиеся работы в области геологии, палеонтологии и полезных ископаемых.

А. П. Карлинский. 1926 г.

notes

Примечания

1

Ныне город Карпинск. — Примеч. автора.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 346.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 228 — 231.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 163 — 164.

Из письма А.В.Балтаевой. — Примеч. автора.